

ISSN: 2616-8162

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
*Основан
в 1997 году*

Серия Д
**Филология
и психология**

3/2022

Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального университета.

Серия Д: Филология и психология»

Ответственный редактор – д-р филол. наук, проф. **В.И. Теркулов**

Заместитель ответственного редактора – д-р филол. наук, проф. **О.Л. Бессонова**

Ответственный секретарь – канд. психол. наук, доц. **С.А. Вильдгрубе**

Члены редколлегии: д-р наук по соц. ком., проф. **И.М. Артамонова**, д-р филол. наук, проф.

Ш.Р. Басыров, канд. психол. наук, доц. **Т.А. Вилюзжанина**, канд. психол. наук, доц. **А.В. Гордеева**,

д-р психол. наук, проф. **С.Т. Джанерьян** (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону,

Российская Федерация), канд. психол. наук, доц. **А.А. Кацero** (Тульский государственный

университет им. Л.Н. Толстого, Российская Федерация), д-р филол. наук, проф. **В.Д. Калиущенко**,

д-р филол. наук, проф. **А.А. Кораблёв**, д-р филол. наук, проф. **О.А. Кравченко** (Университет Аль

Захра, Тегеран, Иран), д-р филол. наук, проф. **С.Е. Кремзикова**, д-р психол. наук, проф.

В.А. Лабунская (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация),

канд. филол. наук, доц. **М.Н. Панчехина**, д-р филол. наук, проф. **А.В. Петров** (Таврическая

академия Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, Симферополь, Российская

Федерация), канд. психол. наук, доц. **С.В. Руденко**, д-р психол. наук, проф. **А.В. Сидоренков**

(Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация), д-р филол. наук,

проф. **Л.В. Соснина**, канд. психол. наук, доц. **Н.В. Устинова**, д-р филол. наук, проф.

Е.В. Филатова, д-р филол. наук, проф. **Л.Н. Ягупова**, канд. психол. наук, доц. **М.И. Яновский**,

канд. психол. наук, доц. **И.А. Ярмыш**.

Editorial Board of journal “Bulletin of Donetsk National University

Series D: Philology and Psychology”

Editor-in-Chief – Doctor of Philology, Prof. **V.I. Terkulov**

Deputy Editor-in-chief – Doctor of Philology, Prof. **O.L. Byessonova**

Executive Secretary – Candidate of Psychology, Associate Prof. **S.A. Vildgrube**

Members of the Editorial Board: Doctor of Social Communications, Prof. **I.M. Artamonova**, Doctor

of Philology, Prof. **Sh.R. Basyrov**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **T.A. Vilyuzhanina**, Doctor

of Psychology, Prof. **S.T. Dzhanyan** (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian

Federation), Candidate of Psychology, Associate Prof. **A.V. Gordeeva**, Candidate of Psychology,

Associate Prof. **A.A. Katsero** (Tula State University named after L.N. Tolstoy, Russian Federation),

Doctor of Philology, Prof. **V.D. Kaliušchenko**, Doctor of Philology, Prof. **A.A. Korablyov**, Doctor of

Philology, Prof. **O.A. Kravchenko** (Alzahra University, Tehran, Iran), Doctor of Philology, Prof.

S.Ye. Kremzikova, Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Labunskaya** (Southern Federal University, Rostov-

on-Don, Russian Federation), Candidate of Philology, Associate Prof. **M.N. Panchehina**, Doctor of

Philology, Prof. **A.V. Petrov** (Taurida Academy of Crimean Federal University named after

V.I. Vernadsky, Simferopol, Russian Federation), Candidate of Psychology, Associate Prof.

S.V. Rudenko, Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Sidorenkov** (Southern Federal University, Rostov-on-

Don, Russian Federation), Doctor of Philology, Prof. **L.V. Sosnina**, Candidate of Psychology, Associate

Prof. **N.V. Ustinova**, Doctor of Philology, Prof. **E.V. Filatova**, Doctor of Philology, Prof.

L.N. Yagupova, Candidate of Psychology, Associate Prof. **M.I. Yanovsky**, Candidate of Psychology,

Associate Prof. **I.A. Yarmysh**.

Адрес редакции: ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», ул. Университетская, 24, 83001, г. Донецк

Тел: +38 062 302-92-33. **E-mail:** terkulov@rambler.ru, s.vildgrube@mail.ru, levi121@mail.ru.

URL: <http://donnu.ru/vestnikD>.

Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология» включён в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, соискание учёной степени доктора наук (Приказ МОН ДНР № 576 от 04.05.2019 г.) по следующим группам научных специальностей: 10.00.00 – филологические науки; 19.00.00 – психологические науки. Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология» включён в базу РИНЦ (договор 264-06/2018).

Печатается по решению Учёного совета ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Протокол № 8 от 30.12.2022 г.

© ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», 2022

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Серия Д: Филология и
психология

№ 3/2022

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

- Першина К.В., Калинин В.М.* Воспоминания как реки...
(Е.С. Отин – ученый: генезис и эволюция) 4
- Калинкин В.М.* Историческая лексикография в трудах Е.С. Отина 17
- Даренский В.Ю.* Символика имени «Ротшильд» в романе «Подросток»
Ф.М. Достоевского 22
- Балюнис Е.В.* Специфика функционирования поэтонима *ЗОЛУШКА* в
гендеризированном интернет-тексте 30
- Касьяненко Н.Е.* «Словарь русского языка X-XVIII веков» Е.С. Отина в
отечественной лексикографии 38
- Логвинова И.В.* Повесть М.П. Погодина «Адель» в свете ономастики 46
- Романова Т.П.* Типология онимов в сфере российских вооружений 50
- Суровцева Е.В.* М.В. Ломоносов о своём литературном и научном
творчестве (на материале писем И.И. Шувалову) 59
- Шульдишова А.А.* К истории поэтонима *Кармен* в литературе и
музыкальной культуре. 2. Аллюзии и реминисценции из Серебряного века 65
- Якель А.О.* Понятие и атрибутивные особенности речевого жанра «скам-
комментарий» 73
- Антоненко Н.С.* Личностный меморативный код в годонимической
системе Волгограда 80
- Ладнова Е.В.* Социально-идеологический культурный код в годонимиконе
Большого Донбасса 85
- Назаров А.И.* История фамилии *Донсков* у яицких/уральских казаков 90
- Шокотко Н.А., Овчаренко А.И.* Комментирование онимов в
русском переводе романа Я. Ивашкевича «Хвала и слава» 99

Слово молодому учёному

- Иващенко Ю.Ю.* Функции антропонимов в прозе и драматургии
Л.Н. Толстого 107

Психология

- Безродный В.И.* Личностные и когнитивно-стилевые характеристики
успешного менеджера 112
- Джура Г.С.* Информационно-психологическая безопасность личности в
современных реалиях 119
- Правила для авторов 123

Bulletin of Donetsk National University

SCIENTIFIC JOURNAL

FOUNDED IN 1997

**Series D: Philology and
Psychology**

No 3/2022

CONTENTS

Philology

- Pershina K.V., Kalinkin V. M.* Memories are like rivers... (E.S. Otin as a scholar: genesis and evolution) 4
- Kalinkin V. M.* Historical lexicography in the works by E.S. Otin 17
- Darenskiy V. J.* Symbolism of the name "Rothschild" in the novel "Podrostok" by F.M. Dostoevsky 22
- Balyunis E. V.* Functional specifics of poetonym *ZOLUSHKA (CINDERELLA)* in gendered internet texts 30
- Kasyanenko N. E.* Dictionary of the Russian language of the X-XVIII centuries by E.S. Otin in domestic lexicography 38
- Logvinova I. V.* Onomastics of story "Adele" by M.P. Pogodin 46
- Romanova T. P.* Typology of onyms designating Russian weapons 50
- Surovtseva E. V.* M.V. Lomonosov about his literary and scientific work (based on letters to I.I. SHuvalov) 59
- Shuldishova A. A.* On history of poetonym *Karmen* in literature and musical culture. 2. Allusions and reminiscences from the Silver Age 65
- Iakel A. O.* Concept and attributive features of speech genre "scam commentary" 73
- Antonenko N. S.* Personal memorative code in Volgograd godonymic system 80
- Ladnova E. V.* Social and ideological cultural code in godonyms of Great Donbass 85
- Nazarov A. I.* History of surname *Donskov* of Yaitsk/Ural Cossacks 90
- Shokotko N. A., Ovcharenko A. I.* Commenting on names in Russian translation of novel «Praise and glory» by Y. Ivashkevich 99

Commencing scholars, have your say!

- Ivashchenko Yu. Yu.* Functions of anthroponyms in prose and drama by L.N. Tolstoy 107

Psychology

- Bezrodny V. I.* Personality and cognitive style characteristics of a successful manager 112
- Dzhura G. S.* Information and psychological security of individual under modern conditions 119
- Guidelines for authors 123

**К 90-летию со дня рождения доктора филологических наук,
профессора Евгения Степановича Отина**

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.16

ВОСПОМИНАНИЯ КАК РЕКИ... (Е.С. ОТИН – УЧЁНЫЙ: ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ)

© 2022 К.В. Першина¹, В.М. Калинин²

¹ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

²ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»

На фоне важнейших для Е.С. Отина как учёного и человека событий с позиции его учеников и коллег представлены основные вехи научной и научно-педагогической деятельности Учителя. Отмечены его достижения в области истории языка, гидронимических исследований, топонимии в целом, основополагающий вклад в развитие коннотониографии. Показана его роль организатора ономастического изучения Донбасса и создателя Донецкой ономастической школы.

Ключевые слова: Е.С. Отин, гидронимия, история языка, коннотониография, ономастика, основоположник, топонимия, этимология.

Во всём мне хочется дойти до самой сути...

Б. Пастернак

Возвращаясь к прошлому, как известному по документальным свидетельствам, так и пережитому нами вместе с нашими Учителями, мы волей-неволей оцениваем и его, и их участие в нём. Оцениваем, конечно, с различных позиций, но в первую очередь, с точки зрения соответствия нашим представлениям о желаемом и обрётённом. Вспоминая Е.С. Отина, – учёного, основоположника и организатора, вдохновителя и руководителя, Учителя и коллегу – мы не просто видим его образцом для подражания, но ощущаем “становой хребет” генезиса и эволюции его как личности в научном плане уникальной.

90 лет со дня рождения...

С одной стороны, безусловно, юбилей. И отметить его университет готовился широко и празднично. Помешала война. С другой стороны, для учеников и коллег, для филологов Донбасса вообще – ощущение сиротства. Но... *memento vivere!*

В 2015 году ровно в Новый год по старому стилю этот “всеми фибрами души” страстно любимый им мир покинул Евгений Степанович Отин. В дарственной надписи на книге «Происхождение географических названий Донбасса», уже ощущавший неизбежность и близость “ухода”, Евгений Степанович отметил дату: “17 июля 2014 года от рождества Христова и 7512 года от сотворения такого прекрасного мира”. И в этом весь Отин! Уже была объявлена война Донбассу... уже “хворало” десятилетия лелеемое детище – “Донецкая ономастическая...”, уже ожесточённо и навсегда были вычёркнуты из записной книжки имени предавших Школу, но сотворённый 7512 лет назад мир, несмотря ни на что, был и до конца остался для него прекрасным.

Е.С. Отин родился 13 апреля 1932 года в рабочем посёлке Кайдаки¹, в пригороде Днепропетровска. После окончания средней школы, в 1949 г. поступил на филологический факультет Днепропетровского государственного университета. А по завершении учёбы, в 1954 году получил направление на работу. Первая отметка в трудовой книжке: «1954, авг. 20. Назначен преподавателем русского языка и литературного чтения 8-10 классов в Мамлютскую² среднюю школу. Приказ РОНО № 36 от 19/VIII, 54 г.» Через два года в связи с поступлением в заочную аспирантуру при Днепропетровском университете Е.С. Отин вместе с женой Н.В. Максимовой переехал поближе к месту учёбы, в г. Жданов, где до 1961 года работал в школах рабочей молодежи (№1 и №15). Обучение в аспирантуре было завершено в Московском областном педагогическом институте им. Н.К. Крупской.

Доктор филологических наук, профессор Е.С. Отин проработал на филологическом факультете Донецкого университета более 50 лет. Началась его научная и преподавательская деятельность в Донецке в 1961³ году на кафедре русского языка педагогического института в должности ассистента. На кафедру пришел уже сложившийся ученый, заканчивавший работу над диссертацией «Модальные отношения в конструкциях чужой речи и средства их выражения в русском языке XIII–XVII вв.»

Результаты его исследования были представлены в обстоятельных статьях, первая из которых увидела свет в 1960 г. на страницах Ученых записок Сталинского пединститута [4]. В ней были рассмотрены две частицы – *дескать* и *мол*, использовавшиеся в русском языке как средство указания на чужую речь. Характерно, что, в первую очередь, молодого учёного интересовало именно *п р о с х о ж д е н и е* этих частиц. И поскольку фундаментальных исследований этого вопроса в истории русского языкознания в то время не существовало⁴, Е.С. Отин отважно погрузился в изучение разрозненных и противоречивых высказываний языковедов относительно их происхождения. Отметим одно любопытное обстоятельство: большая, а по тем временам “огромная” двадцатистраничная публикация открывалась озабоченным сожалением автора, что недостаток места не позволил ему коснуться происхождения частицы *де*. Через два года “печаль” рассеялась: в Учёных записках уже Донецкого пединститута статья, описывавшая модальные оттенки частицы *де* в памятниках древнерусского и старорусского языка, была опубликована. [5]. В том же 1962 году была завершена работа над кандидатской диссертацией «Модальные отношения в конструкциях чужой речи и средства их

¹ Остаток древнего поселения Новый Кодак, “смежного местечка” Екатеринослава.

² Мамлютка – центр и единственный населённый пункт района. Деревню Мавлютово основал в 1786 году крестьянин Мавлют Валгузин. После революции сформировался рабочий посёлок. В 1922 году была построена первая школа. В 1926 году построена новая школа. Затем библиотека и медицинское учреждение. В годы войны начал работать ремонтно-механический завод. В послевоенное время Мамлютка – посёлок городского типа. С 1969 года Мамлютка официально имеет статус города.

³ В ряде публикаций, посвящённых учёному, ошибочно называется дата начала работы в Донецком пединституте (1962 г.). Согласно записи в трудовой книжке, Е.С. Отин был зачислен на должность ассистента кафедры русского языка Донецкого государственного педагогического института с 1 сентября 1961 года приказом № 293 от 21.IX.1961 года. Что касается сотрудничества с кафедрой, то оно началось ещё раньше. Ещё в 1960 году в филологической серии Учёных записок Сталинского государственного педагогического института по рекомендации Г.И. Рихтера (в то время заведовавшего кафедрой русского языка и познакомившегося с Е.С. Отиным лично) была опубликована статья «Из истории частиц».

⁴ Впрочем, не было ещё и основополагающих исследований, касающихся происхождения частиц речи вообще.

выражения в русском языке XIII – XVII вв.» [6]. А в следующем, 1963 году, она была защищена [7].

Надо отметить научную смелость Е.С. Отина (поддержанную его научным руководителем С.А. Копорским): он обратился к лексическому классу, представляющему немалые сложности для анализа, особенно если учесть хронологический период, к которому относятся анализируемые факты. Поэтому в процессе изучения частиц сформировалось у него восприятие и осмысление избранной для анализа группы частиц именно сквозь призму этимологии.

Е.С. Отин продолжил и развил подход В.В. Виноградова к этой лексико-семантической группе слов русского языка⁵. Верность историко-этимологическому аспекту Е.С. Отин сохранил на всю свою жизнь, постоянно пополняя этимологическую копилку русской языковедческой науки все новыми и новыми работами.

Вообще с самого начала научной деятельности Е.С. Отина привлекала история языка, а как начинающий исследователь наибольшее внимание он уделял освоению этимологического метода. Его интерес был сосредоточен на рождении языкового факта, его эволюции, включенности в историко-культурный и языковой контекст.

Именно такое отношение к языку он старался привить впоследствии своим многочисленным ученикам. А это за более чем полувековую преподавательскую деятельность несколько сотен прошедших под его бдительным руководством топонимическую практику или писавших курсовые работы студентов, дипломников, полсотни кандидатов и три доктора наук.

Проведение этимологических исследований, особенно высокого качества, – это один из самых сложных видов лингвистической деятельности, требующий от ученого широкой лингвистической и общекультурной эрудиции, понимания путей и закономерностей исторической жизни языка в связи с исторической жизнью народа, трезвости анализа, знания лингвистической традиции и уважительного к ней отношения, включенности своих размышлений и выводов в лингвистический дискурс. Содержание работ Е.С. Отина этимологической направленности свидетельствует о том, что ему было присуще всё, перечисленное выше. Он оформлял свои работы чаще всего как этимологические этюды, отбирал для их текстов самое главное, сохраняя при этом логическую последовательность и доказательность этимологических версий. Этюды Е.С. Отина часто начинаются с обзора существующих точек зрения о происхождении того или иного лингвистического факта. Выдерживание этого канона – не просто следование традиции структурирования научного текста, это свидетельство уважения к труду, размышлениям своих коллег по этимологическому цеху, стремление включить свои раздумья, наблюдения и выводы в широкий научный контекст, который, как известно, порождает новые мысли и идеи.

Для этимологической парадигмы не характерно противопоставление собственных и нарицательных имен, они анализируются как элементы единого лексического пространства. Поэтому вполне закономерным является обращение Евгения Степановича к топонимам как объектам анализа. Поддерживалось это обращение и повышением интереса лингвистов к ономастической проблематике начиная с середины 60-х гг. XX в., и дружбой еще со студенческих лет с О.Н. Грубачевым, и языковым богатством и во многом загадочностью топонимического ландшафта Донбасса.

⁵ Ср. название параграфа в труде академика В.В. Виноградова «Русский язык (грамматическое учение о слове)»: «Состав лексико-грамматической категории модальности с точки зрения этимологии».

Однажды, в неофициальной обстановке со свойственным ему мягким юмором Е.С. Отин рассказал о том, как “зарождался” интерес к ономастическим исследованиям. Мы уже публиковали этот его рассказ в «Вопросах ономастики» [2, с.237–238], но приведём фрагмент сохранившейся аудиозаписи ещё раз.

«В далёких 60-х годах прошлого века, когда в стране возник всем приснопамятный “ономастический бум” и крылатый “Пегас ономастики”, летая над её просторами, во многих местах высекал копытом всё новые и новые “кастальские ключи”, в пространстве Филологии возникали сообщества учёных, вдохновившихся ономастикой. Некоторые из них позднее переросли в научные школы со своими лидерами и своей проблематикой. Пегасу угодно было стукнуть копытом и в Донецке, недалеко от которого начинается река с удивительным названием Кальмиус (в древности – Калка). Это случилось, может быть, потому, что одним из источников Кальмиуса является криница с античным названием Геркулес.

– Это красивая, поэтичная легенда. Ну, а в жизни-то как было?

– Признаюсь, немного иначе. Попробую “в третьем лице”. Гидроним Кальмиус лишил покоя доцента кафедры русского языка Донецкого пединститута Отин (т.е. меня), в 1961 году начавшего работать в этом вузе... Нет, в третьем лице получается слишком отстранённо. После защиты кандидатской диссертации по историческому синтаксису я увлёкся ономастикой. А тут рядом такой искус – загадочный Кальмиус. Неизвестны история этого имени, его первичное значение. Вот я и решил разгрызть этот “этимологический орешек”. В 1965 году в Киеве на Третьей республиканской ономастической (гидронимической) конференции, которая проходила в Институте языкознания имени Потебни АН УССР, я выступил с докладом “Историческая гидронимия Северного Приазовья”, большая часть которого была посвящена этимологии и истории гидронима Кальмиус. Меня очень похвалил Андрей Александрович Белецкий, заведующий кафедрой общего языкознания и классической филологии Киевского университета. Он потом был одним из моих официальных оппонентов по докторской диссертации. Белецкий сказал, что давно не слышал такого глубокого, содержательного доклада по этимологии. Потом ко мне подошел Целуйко Кирилл Кузьмич. И привлек в свой актив. В этом же году с докладом «Происхождение названия реки *Кальмиус*», в котором обоснована гипотеза о гибридном (славяно-тюркском) характере этого географического названия, я выступил и на первой областной научно-технической конференции молодых ученых в Донецке.

Вообще-то интерес к топонимии у меня появился чуть раньше, после публикации книги, посвященной анализу гидронимов верхнего Поднепровья, которую написали Олег Николаевич Трубачев и Владимир Николаевич Топоров. Это как раз начало 60-х годов. И сам Олег интересовался, кто такие Целуйко, Карпенко. В общем, мой успех оказался той “ловушкой”, которая привела меня в ономастику» [Аудиозапись].

Изучив этимологические разыскания предшественников, Е.С. Отин понял, что существующие этимологии гидронима *Кальмиус*, с одной стороны, отражают достаточно длительный в истории топонимической науки период наивных предположений и ошибок, а с другой – явное невнимание к природе топонимического знака и тем ономастическим закономерностям, которые проявляются в области гидронимии. Чтобы исправить “перекос”, он предпринял обследование памятников письменности с целью выяснения времени первой фиксации исследуемого гидронима. Оказалось, что форма *Кальмиус* встречается в памятниках не ранее второй половины XVI века. Учёный обнаружил всего два негидронимных употребления: речь шла о “новомъ городѣ *Кальмиусь* на государевыхъ украинахъ” и о *Кальмиусской сакме* (дороге). Гидронима же *Кальмиус* Е.С. Отин в обследованных документах не обнаружил. Речка именовалась либо старославянским именем *Кала*, либо тюркским *Миус*. В ряде памятников XVII века современный *Кальмиус* именовался то *Кала*, то *Калка*, то *Миус*.

О том, что речь идёт об одном и том же объекте свидетельствовали: 1) собранные исследователем описания объекта номинации, в которых подчёркивались извилистость русла и, главное, наличие “углов” (тюрк. *миус* – ‘угол’) в нижнем течении, и

2) исключительная близость к другому, очень похожему по характеру русла и наличию в нём углов, гидрообъекту. Как установил Е.С. Отин, “уже в XVI веке в районе Северного Приазовья созрели предпосылки для дифференциации омонимических названий – собственно *Миуса* (гидронима, вероятно, ещё кипчацко-огузского происхождения) и названия, которое повторяет первый гидроним и выступает как тюркский дублет для обозначения главной речки в бассейне *Калок*. В поисках доказательства этой гипотезы Евгений Степанович перевернул горы материала, но собрал и представил необходимые. В конечном итоге, в представлении учёного, цепь семантико-структурного развития гидронима *Кальмиус* уложилась в следующую схему: 1) – период сосуществования гидронимов *Кала*, *Миус₁* и *Миус₂*; 2) – противопоставления изоморфных гидронимов *Миус₁* и *Миус₂* [славянский двойник становится апозитивной частицей в сочетании *Кал(а)-Миус* (“Миус в системе Кал” или “Миус, он же Кала”)]; 3) – период утраты гидронима *Кала* и смещение старославянской основы в название *Кальмиус* (смысловая структура гидронима *Калмиус* – “не Миус”); 4) – период утраты *Кальмиусом* древней соотнесённости с *Миусом*⁶.

Главным итогом успеха и высокой оценки этой работы выдающимися учёными (этимологами, ономастами, историками языка) как на Украине, так и в России стало желание Е.С. Отина не только продолжить собственные ономастические исследования, но и привлечь к этой работе студентов-филологов и начинающих учёных.

Воплощение замысла началось с организации на кафедре русского языка, а немногим позднее и на кафедре общего языкознания группы исследователей онимного пространства из числа преподавателей и старшекурсников, работающих над дипломными проектами. Она положила начало ономастическому краеведению Большого Донбасса и стала костяком формирующейся ономастической школы.

Для организационного обеспечения проекта Е.С. Отин разработал программы регулярных топонимических экспедиций студентов филологического факультета. Началось изучение ономастики (вначале, топонимии) Донбасса в пределах Донецкой области. Но планы учёного, уже после первого топонимического опыта осознавшего огромную роль тотального обследования топонимии значительных территорий, были куда более широкими. Он понимал, что современные административные границы, как правило, не совпадают с пределами топонимных пространств, формировавшихся длительное время и сопровождавшихся миграционными процессами, затрагивавшими разные народы, племена, и просто группы переселенцев, искателей счастливой доли.

Как нельзя лучше для этой цели подходили фактически не исследованная топонимия пространств юго-востока Украины, Северного Приазовья, Дикого Поля и того, что принято называть Большим Донбассом. По данным фундаментального труда «Гидрогеология СССР», его используют для обозначения территории, “в административном отношении расположенной в пределах Днепропетровской, Полтавской, Харьковской, Донецкой и Ворошиловградской областей УССР (87 тыс. км²), а также Белгородской, Воронежской, Ростовской и Волгоградской областей РСФСР (60 тыс. км²)” [1, с. 9]. Определение ‘большой’ мотивировано, прежде всего, геологическими факторами: в обозначенной зоне расположено крупнейшее месторождение каменного угля, в составе которого геологи выделяют 30 угленосных районов.

⁶ Собранные сведения извлечены из большого количества различных публикаций Е.С. Отина, касающихся вопроса об этимологии гидронима *Кальмиус*. В список литературы не включены, во-первых, из соображений экономии пространства публикации и, во вторых, исходя из того, что эта часть текста носит скорее популяризаторский, чем строго научный характер.

В 60–70 годы прошлого века под руководством Е.С. Отина проводились полевые диалектолого-топонимические экспедиции не только в приазовский регион, но и по всей Донецкой области. А в 80–90 годы силами студентов-филологов, родившихся и живших в сёлах с урумо- и румеязычным населением, осуществлялось анкетирование населения Северного Приазовья.

Первый гидронимический опыт стал точкой отсчёта для титанического труда, завершившегося изданием «Гидронимии Дона» [15; 16]. Но этому предшествовала многолетняя работа над материалами для коллективного фундаментального «Словника гідронімів України» (1979 г.) «Я был в числе восьми его составителей. Мой вклад – обширный материал по гидронимии Левобережной Украины», – сообщил Е.С. Отин.

Е.С. Отин обращается к самым сложным для анализа топонимам – названиям рек, расширяя перспективу исследования гидронимии, намеченную О.Н. Трубачевым и В.Н. Топоровым. В качестве объекта анализа он избирает наименее изученное к тому времени топонимическое пространство исторической Новороссии. Используя данные письменных памятников и материалы одиннадцати диалектолого-топонимических экспедиций, которыми он руководил с 1962 по 1974 год, ученый исследовал этимологию, словообразовательную историю и функционирование речных названий территории, относящейся к бассейнам Дона, Северского Донца, Азовского моря, Днепра. Исследование базируется на четкой методологической основе: данные археологического изучения территории, этническая история края и обусловленный ею этноязыковой субстрат топонимии края, языковое взаимодействие этносов, роль и значение различных видов билингвизма и полилингвизма в номинационной сфере, системные отношения между топонимными единицами на уровне региона и их типологические соответствия на широком топонимическом пространстве, хронологическая атрибуция топонима, определение его производящей базы, формантов и признаков номинации.

Промежуточные результаты гидронимических исследований десяти лет получили отражение в докторской диссертации [8], защита которой состоялась в 1974 году [9], и в монографии «Гідроніми Східної України», опубликованной в 1977 году [10]. В предисловии к этой монографии автор подробно перечисляет источники названий проточных вод, которые составили фактологическую базу исследования: списки рек бассейнов Днепра и Дона П.Л. Маштакова, трехвёрстные военно-топографические карты Екатеринославской, Таврической и Харьковской губерний (1862–1863), топографические карты конца 30-х – начала 40-х годов XIX ст., отражающие названия не только крупных, но и мелких гидрообъектов, материалы диалектолого-топонимических экспедиций, богатые рукописные собрания картографического материала XVIII, относящиеся к исследуемому региону и хранящиеся в фондах Центрального государственного военно-исторического архива СССР (Москва). К этим рукописным материалам относятся генеральные карты Новороссийской и Азовской губерний и Екатеринославского наместничества (1775, 1778, 1782 и других лет), карты отдельных приграничных районов России конца XVIII, рукописные губернские межевые атласы, в их числе «Атлас Екатеринославского наместничества» (1784 г.), «Атлас Новороссийской губернии» (1799 г.), «Атлас Таврической области» (1787 г.). Это только часть источников, которые называет Е.С. Отин в указанном предисловии. Фактический материал он черпал и из работ историков, географов, геологов, в частности, геогностических обзоров разных районов Донецкого края, геологических и гидрологических очерков, подробных описаний планшетов геологической карты Донбасса, которые часто содержат подробные карты и картосхемы. Знакомясь с

источниковой базой этой работы Е.С. Отина, понимаешь, на какой высокий исследовательский уровень он поднимал исследование топонимов края; какое количество разнообразных связей с различными областями знания он видел в топонимике.

Топонимический массив региона Е.С. Отин в монографии поделил на три основных пласта: славянские по происхождению гидронимы, гидронимы тюркского (древнетюркского) происхождения и крымскотатарские гидронимы Северного Приазовья.

В ряду славянских по происхождению гидронимов он подробно проанализировал названия *Берда*, *Волчья* (*Волчы Воды*), *Крынка*, *Домаха*, а также те, которые по форме совпадают с личными именами. К древнетюркским по происхождению были отнесены гидронимы *Самара*, *Каяла*, *Миус*, *Кальмиус* и некоторые другие. В отдельную группу он выделил тюркские гидронимы Северного Приазовья в бассейне р. Кальмиус (его правобережные притоки южнее города Донецка) и в бассейне р. Волчьей [левобережные притоки на участке между устьями рек Сухие (Верхние) Ялы и Мокрые (Нижние) Ялы]. Каждому из указанных гидронимов было посвящено развернутое историко-этимологическое описание, вводящее гидронимную лексику в широкий топонимический и лингвогеографический контекст, содержащее многочисленные отсылки к трудам этимологов и представителей других лингвистических направлений. Гидронимы проанализированы Е.С. Отиным в неразрывной связи с номенклатурными терминами: определяется их состав, способы включения в процесс образования гидронимных единиц; географическая номенклатура рассматривалась ученым как одно из главных топонимобразующих средств, и это вытекало из его убеждения в естественной связи собственных и нарицательных имен. Так, в очерке о гидрониме *Каяла* Евгений Степанович доказал возможность перехода гидронима в географический термин (имеем в виду лексику *Дунай*) [12, с. 439–456].

В Отзыве о докторской диссертации Е.С. Отина (август 1974 г.) О.Н. Трубачев, тогда член-корреспондент АН СССР, замдиректора Института русского языка АН СССР, отметил «крайнюю сложность топонимической ситуации в Северном Приазовье, наличие немалого числа двусмысленных названий и их вариантов, успешно сопротивляющихся попыткам этимологизации или же способных завлечь исследователя на неправильный путь» и пришел к выводу, что «в подавляющем большинстве автор находит правильное решение». О.Н. Трубачев, сам работавший на этимологической ниве и знавший всю степень сложности и трудоёмкости этого труда, определил исследование Е.С. Отина как глубоко оригинальное и дающее науке очень много, потому что «обширная, слабо исследованная до недавнего времени территория отныне представлена глубоким, современным, тщательно выполненным исследованием, которое заслуживает широкой публикации» [20, с. 11–15].

Е.С. Отин гордился и другими (неофициальными) отзывами на его диссертационное исследование и даже дал разрешение на публикацию отдельных выдержек из писем Н.И. Толстого, Д.С. Лихачёва и Э.М. Мурзаева⁷.

Академик Н.И. Толстой (из письма от 2 декабря 1974 г.): «Я давно внимательно следил за Вашими работами, всегда ценил их и сейчас рад тому, что она получила цельную форму в виде диссертации. Хорошо было бы превратить ее в книгу⁸. Ваш труд заполняет еще одну “пустую” клетку на стыке славяно-иранском, клетку важную для

⁷ Опубликованы в «Вопросах ономастики» (2015, № 1, с. 239–240). См. список литературы.

⁸ По материалам диссертации (вариант, не удовлетворивший объемом ВАК, насчитывал более 900 страниц) все-таки была опубликована скромная монография «Гідроніми східної України» [Отин, 1977].

определения славянской прародины и взаимоотношения славян с их индоевропейскими соседями. Ваш труд входит в один ряд с трудами Шмилауэра, Безлая, Фасмера, Топорова, Трубачева, польских ономастов».

Академик Д.С. Лихачев (из письма начала 1978 г., уже после выхода в свет монографии): «Спасибо Вам большое, дорогой Евгений Степанович, за “гідронімі”. Очень полезная книга. Желаю новых успехов».

Э.М. Мурзаев, известный советский географ, много работавший и в области топонимики (из письма от 11 февраля 1978 г.): «С интересом читал Вашу книгу. <.. > Сильной стороной Ваших топонимических исследований можно считать историко-географический подход, анализ источников. Дело это кропотливое, но зато и резуль-тативное. И еще: при этимологических объяснениях Вы правильно ориентируетесь на географические реалии. Они, как правило, не подводят. А ведь вариантов может быть много».

При всем разнообразии научных интересов Е.С. Отина, он никогда не прекращал работу по сбору, фиксации и этимологизации гидронимов и связанных с ними топонимов бассейна Дона. Замысел этого грандиозного предприятия и подвижнический труд, продолжавшийся всю его научную жизнь, – суть проявление масштабности лингвистического мышления ученого. Во Введении к «Гидронимия Дона», представляющей собой топонимический каталог нового типа, автор пишет: «Более 80 лет назад в статье «Два слова о местных названиях» академик А.И. Соболевский, высоко оценивая «Списки рек» П.Л. Маштакова по бассейнам Днепра, Днестра и Южного Буга, высказал надежду «иметь список названий Дона, от его верховьев до устья». Это пожелание было выполнено Е.С. Отиным, который создал фундаментальную базу для топонимических исследований русского топонимного пространства в XXI веке. Нельзя не отметить количество и разнообразие обработанных ученым источников, из которых отбирались названия. Список источников только первого тома каталога, как отмечает сам автор, состоит из более 350 позиций. Это многочисленные печатные издания, хранящиеся в центральных и местных библиотеках и архивах, рукописные материалы (в том числе карты), а также данные диалектолого-топонимических экспедиций и анкетного опроса населения Подонья. Особое место среди рукописных материалов занимают карты и земельные планы Генерального межевания России конца XVIII – начала XIX вв. и экономических примечаний к ним, которые хранятся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) и Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) в Москве.

В каталоге отражена вся гидрографическая номенклатура Донского бассейна, которая встретилась автору в обследованных им материалах: названия рек, речек, ручьев, сезонных водотоков (т.е. оврагов, балок, яров, лощин, логов и т.д., в которых осуществляется или когда-то происходил водосбор в период половодья и сильных дождей и которые высыхали в летнюю межень); названия непроточных вод – озер, болот и стариц, лиманов, ильменей, находящихся (или находившихся) как в самой пойме реки, так и невдалеке от нее, а также водоемов, которые имеют соединяющие их с рекой протоки (или ерики). Учтены также названия колен речного русла, излучин, мелей, перекатов, россыпей, плесов, заливов, мысов, островов. Зафиксирована вся близлежащая ойконимия и микропонимия, обнаруживающая ономаσιологические связи с гидронимами бассейна. Все это позволяет видеть и описывать разнообразные системные связи в топонимном пространстве, в котором гидронимы выступают ядерными компонентами, организующими участки этого пространства.

От начала работы над «Гидронимией Дона» издание “отчёта” отделяют три с половиной десятилетия. Два тома этой гигантской монографии (в общей сложности около полутора тысяч страниц “крупного” формата) вышли в свет в 2011 [15] и 2012 годах [16]. Книга содержит сведения о б о в с е х водных объектах бассейна реки Дон, одной из крупнейших рек Европы от истоков в районе оврага *Урванка* близ *Иван-озера* до гирла, места впадения Дона в Таганрогский залив Азовского моря, а также о названиях других территориально близких объектов, в которых учёному удалось обнаружить сходство в значениях.

Этот труд Евгения Степановича обладает, кроме прочего, высоким воспитательным потенциалом, ибо отражает очень внимательное, заинтересованное отношение народа к своей земле, к окружающей природе и миру, умение видеть красоту и разнообразие этого мира, стремление запечатлеть в названиях облик Родины.

Убежденность в наличии диалектической взаимосвязанности онимов и апеллятивов стало отправной точкой в его многолетней работе по сбору и описанию, сначала в отдельных статьях, а потом и словаре, собственных имен, употребляющихся в русском языке в переносных значениях. «Словарь коннотативных собственных имен» Е.С. Отина [14] представляет собой первое в славянской лексикографии собрание онимов различных разрядов, функционирующих в речи и как обычные собственные имена, и как проприальные единицы, развившие дополнительные созначения (коннотации). Адресован этот словарь его автором широкой аудитории – ученым-филологам, аспирантам, студентам гуманитарных факультетов и всем, интересующимся и пользующимся русским языком как средством общения. Данный словарь получил высокую оценку специалистов. Так, В.М. Мокиенко отметил, что «опираясь на богатый опыт русской лексикографии, Е.С. Отин не просто развивает принципы описания таких имен, но и создает новую модель их словарной интерпретации» [3 с. 10]. Это открывает широкие перспективы дальнейшего развития всей европейской ономастики.

Понимание неразрывной связи собственных и нарицательных имен лежит в основе интереса Е.С. Отина к реконструкции онимопроизводящих апеллятивов, ушедших из употребления и утраченных языком. Ср., например, его работу о гидрониме *Калитва* [12]. Он всегда учитывает возможность проявления таких единиц в ходе этимологического поиска.

В начале 90-х гг. XX в. Е.С. Отин был привлечён к работе над грандиозным проектом: под руководством академика О.Н. Трубачева началась подготовительная работа по созданию «Русской энциклопедии» (РЭ). Е.С. Отин внес неоценимый вклад в формирование её ономастического отдела, редактируя многочисленные материалы, присылаемые из разных регионов страны и содержащие сведения об именах собственных различных разрядов, бытующие в русском языке. Эти материалы были объединены в сборник, получивший название «Русская ономастика и ономастика России. Словарь» и опубликованный отдельной книгой в 1994 году. В «Предисловии главного редактора» этого словаря академик О.Н. Трубачева четко обозначил научную и культурную значимость этого труда. «Не претендуя на полноту, ономастический сборник РЭ – впервые для универсальных энциклопедий – даёт ценнейшую систематическую информацию по целому ряду разделов, практически н и к о г д а [разрядка О.Н. Трубачева] прежде не освещавшихся в энциклопедиях вообще: русские отчества (а ведь сама категория отчества – яркая особенность именно русской общественной культуры!), фамилии донского казачества, традиционные народные

названия ветров, клички животных (зоонимия), имена языческих божеств (теонимия) Древней Руси, названия племен и народов» [19, с. 5].

Во вступительной статье к словарю «Русская ономастика в Русской энциклопедии» Е.С. Отин изложил свое видение направлений дальнейшей работы, охарактеризовал принципы отбора ономастической лексики. По его убеждению, в «Русской энциклопедии» должна быть раскрыта не только русская ономастика в её пространственно-временных пределах, но и свойственная русским ономастическая картина мира. Основной массив собственных имен в этом труде должны составлять топонимы, содержащие наиболее ценную и богатую этнолингвистическую и историческую информацию. По его представлению, в топонимическую часть словника должны включаться географические имена, отражающие формирование русской этнической общности, связанные с определенными событиями русской истории, жизнь и деятельность известных представителей русской культуры, наименования мест развития промыслов, ремесел и т.д., отразившие реалии социально-экономического и духовного развития русского общества [11, с. 8]. Е.С. Отин подробно освещает способы подачи топонимического материала и содержание сведений о топонимах. По сути, в этой части статьи ученый намечает широкую программу дальнейшего исследования топонимов, описывает методику их проведения, представления результатов в виде словарных статей.

Кроме топонимов, в словнике РЭ, по мнению Е.С. Отина, должны быть представлены наиболее частотные и характерные для русских личные имена и фамилии, этнонимы, агнионимы и теонимы, мифонимы (имена персонажей русских народных сказок, былин), космонимы (особенно русские народные названия планет, звезд и созвездий), названия стихий (особенно названия местных ветров), обязательно названия, связанные с русской конфессиональной культурой (названия церквей, монастырей, пустынь и других мест отправления православного культа), народные хрононимы.

Несмотря на то, что начатый труд не был завершен (в силу причин, не зависящих от ученых), он послужил толчком к осуществлению фронтальных исследований региональных отделов ономастики и к восстановлению в правах краеведческого компонента в таких исследованиях. Этот труд работал на будущее ономастической науки, наметил перспективы ее развития в XXI веке.

Уже в первой монографии [10] Е.С. Отин убедительно показал и доказал разноязычность (с точки зрения происхождения) топонимии исследуемой территории. Одним из островов в этом топонимном разноязычном море выступают географические названия, созданные приазовскими греками, которые переселились в Северное Приазовье из Крыма в 1778–1779 гг. Евгений Степанович много лет специально собирал из разных источников эти топонимы и осуществлял их этимологическую интерпретацию. Итогом этой работы стал лексикографический труд «Топонимия приазовских греков (историко-этимологический словарь географических названий)» [13], содержащий 597 словарных статей. Во Введении к этому словарю ученый обозначил узловые моменты такого рода исследовательской деятельности. Начинаться она должна с изучения истории заселения территории, этнического состава населения и используемого им языка (языков). Последнее важно потому, что географические названия обычно возникают как результат стихийной номинации, осуществляемой средствами родного диалекта. Автор словаря указывает, что в составе переселенцев-христиан из Крыма были не только собственно греки – румеи и урумы, но и причислявшие себя к урумам тюркоязычные грузины (гюрджи), армяне и волохи,

характеризует диалектную базу румеев и урумов, лежащую в основе топонимов: румейский (таврорумейский) диалект близок к северным диалектам новогреческого языка; урумский «по своему грамматическому строю очень близок к другим кыпчакско-половецким языкам крымского ареала – армяно-кыпчакскому, крымско-татарскому, караимскому, крымчакскому и половецкому языкам» [13, с. 9].

Такое погружение в этноязыковую историю наметило «этимологические ориентиры» для анализа каждого отдельного географического названия.

Наполнение топонимии приазовских греков конкретными названиями началось с ойконимов, которые были перенесены из Крыма; Е.С. Отин приводит их перечень из 20 единиц. Эти перенесенные ойконимы стали, по словам ученого, «опорными для всей будущей топонимии приазовских греков» [13, с. 10]. Позже стала создаваться внутрисельская и околосельская микротопонимия: названия сельскохозяйственных угодий и различных сооружений, балок, речек, ручьев, холмов, криниц, дорог, мест развлечения и т.д. Специально Е.С. Отин обращает внимание на наличие значительного количества фонетических и структурно-грамматических вариантов топонимов; одна из причин этого – забвение причин номинации новыми поколениями. Данный словарь является уникальным источником для изучения языкового взаимодействия в топонимии, выявления топонимических универсалий, принципов и признаков номинации, используемых носителями разных языков.

Е.С. Отин никогда не останавливался на достигнутом и, что следует отметить особо, никогда не считал свою работу окончательно завершённой. Важнейшее требование к проведению лингвистических исследований – опора на значительное количество фактов, извлекаемых из самых разных источников, внимание к хронологической закреплённости каждого факта, его речевым реализациям в разных социальных средах и ситуациях. А поскольку сбор фактов – дело кропотливое и постоянное, учёный продолжал пополнять “копилку” (в домашней библиотеке учёного это были полки с картонными папками “с завязками”) постоянно. Как мы уже отмечали, в самом начале научного пути юного филолога увлекла история русского языка. И этой лингвистической области он остался верен навсегда. Над трудом всей своей жизни «Словарем русского языка X–XVIII веков» [17], идея которого родилась в последний год учёбы в университете (1954), а публикация состоялась в 2014, он проработал фактически 60 лет. Когда со словарём познакомились ведущие учёные, специализирующиеся на истории русского языка и преподающие этот предмет в вузах России, они были поражены оригинальностью подхода и единогласно признали словарь Отина лучшим опытом учебной лексикографии в области исторического языкознания.

В конце жизненного пути, отдавая себе отчёт в том, что, несмотря на гигантский труд по ономастическому краеведению Донбасса, сделано далеко не всё, Е.С. Отин в обращении к молодым исследователям, подчёркивал: «Это наша “малая родина”, самое дорогое, что есть у человека». И призывал не откладывать дело описания онимии родного края, напоминая: «Много загадок таят в себе окружающие нас имена, которые когда-то, в период своей молодости были “прозрачны” и всем понятны. Увлекательной задачей учёных-топонимистов является правильное толкование их значения» [12].

Исследовательские принципы, которыми руководствовался Е.С. Отин, сформировались в рамках русской лингвистической традиции, стиль его научного мышления вообрал в себя лучшие черты русской лингвистической классики. Факты не подводятся им под заранее сформулированную идею, а исследовательские акценты не расставляются в соответствии с ней; целью его научного поиска всегда оставалось

установление внутренней логики рождения факта, разнообразных факторов и причин его появления и развития. Такое отношение к языковедческой деятельности он прививал своим многочисленным ученикам – дипломникам и диссертантам, щедро делился своими обширнейшими лингвистическими и филологическими знаниями со студентами и коллегами.

В заключение приведём ещё несколько биографических подробностей из жизни выдающегося учёного.

38 лет Евгений Степанович Отин заведовал кафедрой общего языкознания и истории языка. В 2015 году кафедре было присвоено его имя. Начиная с 1986 года в течение 27 лет он был деканом филологического факультета Донецкого национального университета. За времена его руководства факультет достиг своего расцвета. Е.С. Отин избран академиком Петровской академии наук и искусств (г. Санкт-Петербург, 1999 г.), удостоен звания заслуженного профессора Донецкого национального университета (2001 г.), награждён медалями А.С.Макаренко «За заслуги в области образования и педагогической науки» (1991 г.), А.С.Пушкина «За большие заслуги в распространении русского языка» Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (2011 г.). Международный биографический центр Кембриджа (Великобритания) дважды присваивал Е.С. Отину звание «Человек года» (1992 г., 1998 г.). Его биография неоднократно печаталась в международном сборнике «Who is Who». Е.С. Отин – автор 340 научных трудов, в том числе восьми монографий и семи словарей. Он подготовил более 40 кандидатов наук, 3 докторов наук. Евгений Степанович Отин является основателем Донецкой ономастической школы.

Своим ученикам и последователям он оставил множество “эстафетных палочек”.

Для Евгения Степановича русский язык в семье других языков был частью его души. Он был наделен талантом понимать и чувствовать слово, имя (независимо от того, нарицательное оно или собственное) во всей его семантико-звуковой полноте, красочности, смысловом многоголосии; он черпал душевные и физические силы из этого словесного безбрежного моря, хранящего силу и мудрость многих предшествующих поколений, помогающего жить и выживать; ему был открыт вход в глубины этого мира русского слова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гидрогеология СССР, т. VI, Донбасс. – М.: Изд-во «Недра», 1971. – 480 с.
2. Калинин В.М. Евгений Степанович Отин – ономаст: попытка научной популяризации в миноре / В.М. Калинин // Вопросы ономастики. – №1 (18), 2015 г. – С.234–246.
3. Мокиенко В.М. Перевоплощенное имя / В.М. Мокиенко // Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен. – М.: ООО «А Темп», 2006. – С. 3–10.
4. Отин Е.С. Из истории частиц / Е.С. Отин // Ученые записки Сталинского государственного педагогического института. – Сталино (Донецк), 1960. – Вып.8. – С. 226–246. – (Филологическая серия).
5. Отин Е.С. Из истории средств модальной оценки чужих высказываний / Е.С. Отин // Ученые записки Донецкого государственного педагогического института. – Донецк, 1962. – Вып. 11. – С. 44–52.
6. Отин Е.С. Модальные отношения в конструкциях чужой речи и средства их выражения в русском языке XIII – XVII вв. : дис... канд. филол. наук. – Москва, 1962. – 380 с.
7. Отин Е.С. Модальные отношения в конструкциях чужой речи и средства их выражения в русском языке XIII – XVII вв. : автореф. дис... канд. филол. наук. – Донецк, 1963. – 28 с.
8. Отин Е.С. Гидронимия юго-восточной Украины (машинопись докторской диссертации с отдельным томом приложения). – Донецк, 1973. – 390 с. (приложение – 360 с.).
9. Отин Е.С. Гидронимия юго-восточной Украины. АДД / Е.С. Отин. – К., 1974. – 44 с.
10. Отин Е.С. Гідронімі Східної України / Е.С. Отин. – Київ; Донецьк: Вища школа, 1977. – 156 с.
11. Отин Е.С. Русская ономастика в русской энциклопедии / Е.С. Отин // Русская ономастика и ономастика России. Словарь / Под ред. О.Н. Трубочёва. – М.: Школа-Пресс, 1994. – С. 7–11.

12. Отин Е.С. Калитва; Каяла / Е.С. Отин // Избранные работы. – Донецк: Донеччина, 1997. – С. 295–298; 439–456.
13. Отин Е.С. Топонимия приазовских греков (историко-этимологический словарь географических названий). Изд. втор., исправ. и доп. / Е.С. Отин. – Донецк: ООО «Юго-Восток, Лтд», 2002. – 212 с.
14. Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имён / Е.С. Отин. – 3-е изд., перераб. и доп. – Донецк: Юго-Восток, 2010. – 518 с.
15. Отин Е.С. Гидронимия Дона : монография : в 2 т. Т. 1 : Верхний и Средний Дон / Е.С. Отин ; Донецкий нац. ун-т. – 2011. – 574 с.
16. Отин Е.С. Гидронимия Дона : монография : в 2 т. Т. 2 : Нижний Дон / Е.С. Отин ; Донецкий нац. ун-т. – 2012. – 791 с.
17. Отин Е.С. Словарь русского языка X–XVIII веков / Е.С. Отин. – Донецк: Юго-Восток, 2014. – 436 с.
18. Русская ономастика и ономастика России. Словарь / Под ред. О.Н. Трубочёва. – М.: Школа-Пресс, 1994. – 288 с. – («Русская энциклопедия»).
19. Трубочёв О.Н. Предисловие главного редактора / О.Н. Трубочёв // Русская ономастика и ономастика России. Словарь / Под ред. О.Н. Трубочёва. – М.: Школа-Пресс, 1994. – С. 5–6.
20. Трубочёв О.Н. Отзыв о диссертации Е.С. Отина “Гидронимия Юго-Восточной Украины”, представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук (Донецк, 1973) / Е.С. Отин // Реквием филологический. Памяти Е.С. Отина. Сборник научных трудов. – С. 11–15.

Поступила в редакцию 21.12.2022 г.

**MEMORIES ARE LIKE RIVERS...
(E.S. OTIN AS A SCHOLAR: GENESIS AND EVOLUTION)**

K.V. Pershina, V.M. Kalinkin

The article is a tribute to E.S. Otin as a scholar and a person. Against the background of the most important events his followers and colleagues' memories, the developmental milestones of the scientific and pedagogical activity of the Guru are presented. Otin's achievements in the field of language history, hydronymic research, toponymy in general, and fundamental contribution to the development of connotonymography are brought into the open. His role as the organizer of Donbass onomastic studies and the founder of Donetsk onomastic school is highlighted.

Key words: E.S. Otin, hydronymy, language history, connotonymography, onomastics, founder, toponymy, etymology.

Першина Клавдия Васильевна.

Кандидат филологических наук, доцент.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Доцент кафедры общего языкознания и истории
языка имени Е.С. Отина.
E-mail: pershinakv@mail.ru

Калинкин Валерий Михайлович.

Доктр филологических наук, профессор.
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных
языков».
Профессор кафедры общего языкознания и
славянских языков.
E-mail: kalinkin.valeriy@mail.ru

Pershina Klavdia Vasilievna.

Candidate of Philology, Associate Professor.
Donetsk National University.
Associate Professor at General Linguistics and History
of Language Department named after E.S. Otin.
E-mail: pershinakv@mail.ru

Kalinkin Valeriy Mikhailovich.

Doctor of Philology, Professor.
Gorlovka Institute for Foreign Languages.
Professor of General Linguistics and Slavic Languages
Department.
E-mail: kalinkin.valeriy@mail.ru

УДК 81'374

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ В ТРУДАХ Е.С. ОТИНА

© 2022 В.М. Калинин

ФГОУ ВО «Донецкий национальный университет»

Представлен один из аспектов научной и учебно-методической деятельности Е.С. Отина – исследования в области истории русского языка. Основное внимание уделено лексикографическому подвигу учёного – уникальному «Словарю русского языка X–XVIII веков», в котором впервые в учебной лексикографии использован приём параллельного внутритекстового толкования слов. Осуществлена пробная попытка реконструировать некоторые моменты работы составителя словаря, связанные с контекстом научных поисков учёного в области истории языка и ономастических исследований.

Ключевые слова: история русского языка, коннотонимия, лексикография, ономастика.

То, что Е.С. Отин считал словарь лучшей формой отчёта филолога о проделанной научной работе, отмечалось неоднократно. А вот о его “отчёте”, представленном в 2014 году, о работе, десятилетиями (если точно, то порядка 44 лет) осуществлявшейся учёным в области исторической лексикографии на материале древнерусского и среднерусского языков автор статьи специально не высказывался, хотя, конечно, сам «Словарь русского языка X–XVIII веков», изданный в Донецке в последний год жизни учёного, упоминал неоднократно. Теперь пришло время изложить своё мнение о нём и, предупреждая разговор о словаре, представить некоторые труды Е.С. Отина в области истории русского языка, так или иначе соприкасавшиеся со словарём и отразившиеся в его материалах.

Полагаю не лишним отметить, что заниматься историей русского языка Е.С. Отин начал ещё в студенческие годы в Днепрпетровском университете, где он был членом научного кружка [старостой которого был его старший (опережавший на 2 курса) товарищ О.Н. Трубочёв¹]. Уже тогда Е.С. Отин начал собирать материал в будущий словарь.

В 1960 году в Учёных записках Сталинского пединститута появилась первая статья Е.С. Отина «Из истории частиц» [1], в которой были рассмотрены две частицы – *дескать* и *мол*, использовавшиеся в русском языке как средство указания на чужую речь. Характерно, что, в первую очередь, молодого учёного интересовало именно происхождение этих частиц. И поскольку обстоятельных исследований этого вопроса в истории русского языкознания в то время не существовало², Е.С. Отин отважно погрузился в изучение разрозненных и противоречивых высказываний лингвистов относительно их происхождения. Отмечу одно любопытное обстоятельство: большая, а по тем временам, я бы сказал “огромная”, двадцатистраничная публикация открывалась озабоченным сожалением автора, что недостаток места не позволил ему коснуться происхождения частицы *де*. Через два года “печаль” рассеялась: в Учёных записках уже Донецкого пединститута статья, описывавшая модальные оттенки частицы *де* в памятниках древнерусского и старорусского языка, была опубликована. В том же 1962 году была завершена работа над кандидатской диссертацией «Модальные отношения в конструкциях чужой речи и средства их выражения в русском языке XIII – XVII вв.». А в следующем, 1963 году, она была защищена.

¹ Представлять здесь будущего академика Олега Николаевича Трубочёва нет необходимости. Важно то, что после него старостой кружка стал и два года руководил им Е.С. Отин.

² Впрочем, не было ещё и фундаментальных исследований, касающихся происхождения частиц речи вообще.

Теперь прошу извинить за *нелирическое* отступление.

С самого начала научной работы (а она, как сказано, шла уже в университете) Е.С. Отин относился к филологическому делу с усердием, впоследствии поражающей сотрудников и учеников кропотливостью и, особо отмечу, фундаментальностью. Подчеркну: за годы напряжённого труда им была обследована история изучения частиц российскими языковедами и рядом зарубежных славистов, включая Е. Бернекера, М. Фасмера, И. Голуба, М. Калала, С. Стойкова, И. Махека и др. (+ “дотошно” изучен десяток работ на разных славянских и немецком языках). В статьях о частицах *дескать*, *мол* и *де* содержатся ссылки на более, чем 80 источников, в которых был выявлен и исследован материал, вошедший в 2(!) подготовленные и опубликованные статьи. Как ни странно, даже тогда, когда я узнаю о десятках статей, опубликованных ещё не завершившими обучение студентами, у меня почему-то не возникает желания усомниться в научной талантливости, но говоря уж о добросовестности, моего учителя.

Начиная с 1965 года в круг интересов Е.С. Отина, а правильнее, наверное, сказать “в жизнь”, навсегда вошла ономастика. О его научных достижениях в этой области автор сообщения тоже писал многократно и, как кажется, достаточно подробно. А вот о влиянии увлечённости Е.С. Отина историей языка на характер ономастического творчества нужно сказать особо.

В 1965 году Евгений Степанович выступил в Киеве на III республиканской ономастической конференции с докладом «Историческая гидронимия Северного Приазовья». И об этом докладе, и гидрониме *Кальмиус*, равно как и о других речных названиях специалистами сказано много добрых слов по той причине, что он знаменовал появление в стране учёного, способного на открытия в области ономастических исследований. В связи с темой статьи, представляет интерес то, что выдвинутая Е.С. Отиним гипотеза о славяно-тюркском гибридном характере гидронима *Кальмиус* в определённом смысле “перекликается” с его работой над словарём русского языка. Во всяком случае древнерусское слово *кал* – “грязь”, употреблённое в Новгородской I летописи 989 г. и в Изборнике Святослава 1076 г. в словаре зафиксировано.

Вообще в большинстве работ, посвящённых истории и этимологии слов русского языка, в том числе, закрепившихся в топо- и антропоосновах, чувствуется, что работа над сбором материалов и осмыслением способов его представления в словаре из зоны внимания Е.С. Отина не уходила никогда. В 1968 году в сборнике «Этимологические исследования по русскому языку», вышедшем в Москве, была опубликована статья «Из истории этимологии слова *харч(и)*». Соответствующая статья *харч* с иллюстрациями из Домостроя (XVI в.) и «Хожения за три моря» Афанасия Никитина (XV в.) есть и в словаре. Статья 1969 г. в журнале «Мовознавство», посвящённая новой этимологии слова *товарищ*, перекликается со словарной статьёй *товарищ* – “помощник”, проиллюстрированной выпиской из «Древней российской вивлиофики» 1774 г.

Следует сказать об особо тщательной подготовке словника для обсуждаемого издания: многие интересные историко-этимологические разыскания и их “отзвуки”, касавшиеся, например, слов *битюг*, *разгильдай* и других Е.С. Отин из состава словаря исключил. Из работы над историей слов *Азов*, *Азовье* и *Азовщина* в словарь вошло только *Азовское море*. Возможно, однако, что, отбирая топонимную лексику для словаря, учёный [работавший постоянно с таким, например, документом, как «Книга Большому Чертежу» (1727 г.)] специально ограничился только названиями широко известных, крупных географических объектов, в числе которых, естественно, оказалась историческая пелагонимия: Понтское море (Чёрное), Синее море (Аральское), Хвалынское море (Каспийское), Эвксин³ (Чёрное море). Нашли отражение и

³ Этот сокращённый вариант полного названия Чёрного моря – Понт Эвксинский – Е.С. Отин обнаружил в оде Г.Р. Державина «На взятие Измаила».

наблюдения над функционированием в древнерусских текстах географической и топографической терминологии.

К сожалению, никаких подробностей, дневниковых записей и т.д., касающихся работы над словарём, в том числе, оснований для включения в словник огромного количества “старых” лексических единиц, потоком проникавших в его исследования, Е.С. Отин не оставил (по крайней мере, пока они не обнаружены). Поэтому, думаю, имеет смысл заняться этим вопросом особо и попытаться каким-то образом “реконструировать” базовые представления, на которые составитель словаря опирался, особо имея в виду, что работа осуществлялась длительное время, а взгляды учёного, естественно, претерпевали изменения.

Поскольку автору статьи известны мнения многих выдающихся филологов нашего времени, просматривавших словарь, читавших его и пользовавшихся им, “красной линией” которых неизменно были восхищение грандиозностью и несомненной оригинальностью проделанной работы, перейду непосредственно к представлению словаря.

Несколько слов о структуре словарной статьи в целом. После заголовочного слова или устойчивого словосочетания в словаре подаётся его значение. Обычно оно представлено либо переводом на современный русский язык (**ВНЕУДУ**. Снаружи.), либо синонимом (**ВИДОК**. Свидетель.) или списком слов из синонимического ряда в современном русском языке (**ВОДВОРИТСЯ**. Поселиться, осесть). Во всех случаях, когда синоним представлялся составителю не в полной мере соответствующим семантике заголовочного слова, его значение объяснялось с помощью толкования (**ВОЛМИНА**. Место, заросшее ивовым кустарником).

После знака // (двойной слэш) в словарной статье размещалась иллюстрация, как правило, извлечённая из старейшего текста. Иллюстрируемая лексическая единица графически выделялась курсивом (**ВОЗНЕЩЕВАТЬСЯ**. Показаться. // *Благоразумный читатель сам сие так да определяет, как ему праведнее <...> *вознещует*ся, мнение мое не може нимало быть в указ*). После иллюстрации в скобках помещалась информация об источнике, включающая его название и дату опубликования. О приведённой выше иллюстрации словарная статья сообщает: (Римская история от создания Рима до битвы Актийския, тоест по скончание Республики. – СПб., 1761). Во всех случаях, когда заголовочное слово было многозначным, полисемия отмечалась отдельным (пронумерованным) описанием каждого из значений.

Последняя информация, касающаяся структуры словарной статьи.

Во «Вводных замечаниях» автор-составитель словаря отметил его важнейшую особенность: кроме представления значения слова и иллюстративного материала к нему “впервые широко используется приём параллельного и попутного имплицитного (внутритекстового) толкования слова или фразеологизма, когда в скобках объясняется их значения, что позволяет просто читать иллюстративный материал словарной статьи, не отвлекаясь на поиски этих лексем в словаре. При этом могут быть привлечены и слова, без которых был бы неясен смысл сказанного и непосредственно к предыдущему слову отношения не имеющие” [2, с. 4]. Попутный, обычно предельно краткий комментарий, подан в словаре в круглых скобках и отмечен инициалом *Е.О.* Приведу образец небольшой по объёму словарной статьи, содержащей все перечисленные выше компоненты:

ВОРОВСТВО. 1. Ерьсь. // А со отцем-де своим духовным дьявол спроситца претит (удерживает, останавливает. – *Е.О.*) ми, и от него-де за *воровство* свое учинился проклят (Аввакум. Книга толкований, XVII в.); 2. Противогосударственные речи,

призывы к бунту. // ... И мужик инова *воровства* никакова ни на кого не говорит (Источники по истории русск. нар. языка XVII – нач. XVIII века).

Несколько “попутных” замечаний к составу словаря, связанных, как представляется, с мотивами и принципами отбора, которым следовал Е.С. Отин.

Как ономаста по преимуществу, Е.С. Отин не мог не волновать вопрос о включении собственных имён в состав словарей. Общеизвестно, что стремление каким-то образом нивелировать лексикографическую “несправедливость” привела его, в конечном итоге, к основанию русской коннотонимологии⁴. В Предисловии к «Словарю коннотативных собственных имён» Е.С. Отин цитировал фрагмент письма 1783 года Д.И. Фонвизина О.П. Козодавлеву, касающийся коннотативных онимов: “Имена : *Филя, Федора*, конечно, в словарь наш внесены быть должны, но не как имена собственные, а как имена, употребляющиеся в метафорическом смысле” [2, с. 13]. Так вот, следуя “завету” Д.И. Фонвизина, Е.С. Отин некоторое количество собственных имён в словарь включил, придерживаясь, однако дополнительных ограничений.

При отборе коннотативных собственных имён в состав словаря основным требованием, естественно, была хронологическая глубина явления. Однако, с учётом учебно-методического характера издания, в словарь были включены только издавна широко известные коннотативные онимы. И хотя коннотативная онимия стала широко использоваться в русском языке только в XVIII веке, составителю словаря удалось выявить значительно более древние факты переносного употребления собственных имён. Так, коннотативный оним **ОПРЕМ**, Е.С. Отин представил в словаре так: «Старинная разговорная форма канонического имени Ефрем. С неясным негативным созначением (возможно “простофиля”) // И князь псковский Иван Горбатой начаша заганивати (загонять, гнать в одно место. – *Е.О.*) пскович, чтобы не ехали розно (не вместе. – *Е.О.*), а они все по закустовью (позади кустов. – *Е.О.*), и начаша ему псковичи прозвище давати *опремом* (Псковские летописи. – М.;Л., 1941. – Вып.1. – С.88; 1503 г.).

В 5906 статьях словаря, разумеется представлен далеко не весь словарный и фраземный (коллокационный) состав древне- и среднерусского языка. Но и цели такой Е.С. Отин не преследовал. Однако задачу учебной лексикографии выполнил полностью с той мерой ответственности и глубины, которые вообще были свойственны всему его научному творчеству. Во «Вводных замечаниях» он отметил: “Словарь – однотоминый, что существенно облегчает возможность его использования для работы в аудитории” [2, с. 4]. А относительно существующих многотоминых исторических словарей русского языка, включая «Материалы для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского, продолжающееся с 1975 года издание академического «Словаря русского языка XI – XVII вв.», «Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)» в 10 томах заметил, что они для работы в аудитории непригодны. Сюда же можно добавить и не названный продолжающийся многотоминый «Словарь русского языка XVIII века».

О том, что словарь Е.С. Отин является, кроме всего прочего, эффективным средством обучения, благодаря попутному, “встроенному” в иллюстрации комментированию неясных слов, написал В.И. Теркулов. Столкнувшись с трудным для понимания словом в иллюстративном материале любого исторического словаря, студент вынужден искать разъяснения на других страницах, а в случае с многотомиными изданиями, иногда и в других томах справочного издания. Словарь Отин освобождает студента от такой работы. Дальше цитирую: «например, в словаре И.И. Срезневского

⁴ См. огромное количество публикаций учёного, касающихся коннотативной онимии, и заключительный, трижды переиздававшийся с дополнениями и изменениями, труд : «Словарь коннотативных собственных имён» (последняя, 3-я редакция: Донецк: Юго-Восток, 2010).

<...> он (студент. – В.К.) вынужденно будет просматривать в процессе поиска и те слова, значение которых ему известно, и те, которые не нужны ему в актуальной ситуации выполнения практического задания. Конечно, это тоже необходимо – освежать свои знания. Но поверьте практику – на практическом занятии это иногда становится причиной «сбоя темпа»: поиск неизвестного в известном. <...> Это очень удобно – студент, да и тот человек, который просто интересуется историей нашего языка, работает, как бы мы сейчас сказали, в режиме гиперссылок. Он постоянно получает новую лексико-семантическую информацию. [4, с. 10]

Сказанного о Словаре, равно, как и об его авторе, снова и снова, конечно же, недостаточно: величина личности и глубина исследованного Евгением Степановичем Отиным требуют продолжения филологических рефлексий. Поэтому хочется заключить сообщение предложением, обращённым к руководству филологического факультета, к кафедре общего языкознания и истории языка имени Е.С. Отина. Думается, что названные академические и административные структуры Донецкого университета могут озаботиться внедрением в учебный процесс специальной дисциплины – отиноведения, в формате которой (курс, спецкурс, научное направление студенческих и аспирантских работ и т.д. – не имеет значения) научное наследие выдающегося учёного, на высочайшем уровне представившем Донецкую ономастическую школу и филологию Донбасса в целом, ДОЛЖНО не только воплотиться в дела последователей, но стать ведущим направлением лингвистикоисториографического осмысления и планомерного углубления всех сторон творческого наследия Е.С. Отина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Отин Е.С. Из истории частиц / Е.С. Отин // Ученые записки Сталинского государственного педагогического института. – Вып. VIII (Филологическая серия). – Сталино (Донецк), 1960. – С. 226–246.
2. Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имён / Е.С. Отин. – 3-е изд., перераб. и доп. – Донецк: Юго-Восток, 2010. – 518 с.
3. Отин Е.С. Словарь русского языка X–XVIII веков / Е.С. Отин. – Донецк: Юго-Восток, 2014. – 436 с.
4. Теркулов В.И. Последний словарь Е.С. Отина / В.И. Теркулов // Культура в фокусе научных парадигм, № 5. – Донецк : Донецкий национальный университет, 2017. – С. 7–11.
5. Хронологический указатель научных трудов доктора филологических наук, профессора Евгения Степановича Отина (1960–2014 гг.) / сост.: В.М. Калинин, К.В. Першина, Л.П. Борисова; науч.ред.: Л.П. Борисова, К.В. Першина, Н.А. Ярошенко. – Донецк: ДонНУ, 2018. – 64 с.

Поступила в редакцию 22.12.2022 г.

HISTORICAL LEXICOGRAPHY IN THE WORKS BY E.S. OTIN

V.M. Kalinkin

The article deals with one of the aspects of scientific, educational and methodical activity by E.S. Otin, i.e. the research in the field of the history of the Russian language. The focus is made on the scholar's lexicographic impact, which is the unique «Dictionary of the Russian language of the X – XVIII centuries». It is for the first time that the technique of parallel intra-textual interpretation of words is used in educational lexicography. An attempt has been made to reconstruct some aspects of the dictionary compiler's work related to the context of the scholar's scientific searches in the field of language history and onomastic research.

Key words: history of the Russian language, connotonymy, lexicography, onomastics.

Калинкин Валерий Михайлович.

Доктор филологических наук.

«Донецкий национальный университет».

Профессор кафедры общего языкознания и истории языка имени Е.С. Отина.

E-mail: kalinkin.valeriy@mail.ru

Kalinkin Valery Mikhailovich.

Doctor of Philology.

Donetsk National University.

Professor at Department of General Linguistics and History of Language named after E.S. Otin.

E-mail: kalinkin.valeriy@mail.ru

УДК 821.161.1 *Достоевский*

**СИМВОЛИКА ИМЕНИ «РОТШИЛЬД»
В РОМАНЕ «ПОДРОСТОК» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО**

© 2022 *В.Ю. Даренский*

ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет»

В статье рассмотрен сюжет романа «Подросток» как символическое развертывание первичного мифо-символического смысла имени «Ротшильд». Имя «Ротшильда» в качестве символа развертывается как серия событий, связанных с попытками людей самоутвердиться с помощью денег и их безнравственных поступков, которыми неизбежно эти попытки заканчиваются. «Подросток» освобождается от демона своей «ротшильдской идеи», стал другим человеком. Показаны и историософские аспекты этого имени. Модель «ротшильдского» человека, имея известные прецеденты в мировой литературе (Гобсек и др.), тем не менее, именно у Достоевского обрела метафизический, «шекспировский» масштаб и, соответственно, задала масштаб своего преодоления в виде духовного преображения человека в свете христианского идеала.

Ключевые слова: Достоевский, «Ротшильд», «Подросток», историософия.

Введение. Фамилия финансового олигарха Ротшильда во внутреннем мире романа «Подросток» Ф.М. Достоевского приобрела смысл нарицательного имени не просто богача, но «хозяина мира», ставшего таковым благодаря деньгам. Аркадий Долгорукий – главный герой романа – хочет стать «Ротшильдом» в символическом смысле: хозяином мира. Это сложный экзистенциальный мотив: кроме очевидного «подросткового» максимализма в нем присутствуют еще два смысловых элемента: с одной стороны, стремление обычного, ничем не примечательного человека стать великим; с другой – низменное стремление достичь этого не за счет своих качеств, а за счет денег. На протяжении романа с «подростком» происходит процесс взросления и осознания пагубности этой идеи для души. Наричательное имя «Ротшильда» в романе как символ зла (совокупности соблазнов мира и власти цивилизации денег) разворачивается во разных аспектах, требующих специального анализа. В данной статье будет начат такой анализ, исходя из нескольких ключевых сюжетов романа.

Данная тема рассматривалась в статье Н. Подсокорского «Легенда о Ротшильде как «Наполеоне финансового мира»», в которой автор отметил, что Достоевский употреблял имя Ротшильда в «мифо-символическом ключе» [6, с. 46]. Однако этот автор искусственно связывает символику имени Ротшильда с так называемым «наполеоновским мифом» у Достоевского. На самом же деле, у Достоевского не было какого-то особого «наполеоновского мифа», но он лишь использовал имя Наполеона в том символическом смысле, который это имя объективно приобрело в языке еще до Достоевского и который продолжает существовать до сих пор, например, в выражении «наполеоновские планы». В действительности семантика имен «Наполеон» и «Ротшильд» совершенно различна и не придумана Достоевским, а существовала независимо от него. Имя «Наполеон» символизирует гордого завоевателя в духе античных героев, а имя «Ротшильд» означает денежного махинатора, правящего миром. Общим у них является только то, что и «Наполеон», и «Ротшильд» – это продукт особой демонической гордыни человека, но во всем остальном они принципиально отличны: если «Наполеон» – это отважный герой, то «Ротшильд» – это

низкий обманщик, добившийся власти нечестными средствами. Таков смысл этих имен, который объективно возник в культуре, а не придуман Достоевским.

Фамилия Ротшильд (Rothschild) имеет немецкое происхождение и означала «красный щит», поскольку основатели этой династии банкиров жили во Франкфурте-на-Майне в доме, на котором был нарисован герб его прежних владельцев – немецких аристократов, основой которого был красный щит. Это уже символично, что фамилия образовалась от чужого родового герба, и этот символ был фактически присвоен Ротшильдами вместе с покупкой чужого дома. Символ присвоения чужого – это как раз и есть символ финансовых махинаций и денег, которые получают не трудом, а на основе процентов от кредитов, либо вообще в результате присвоения чужой собственности в результате банкротства хозяев. Именно так и образовывались «первоначальные капиталы» тех, кто затем стал олигархами в мире финансов и капитала. В XIX веке эти люди фактически захватывают реальную власть в своих государствах и мире в целом, поскольку с этого времени реальную власть дают деньги. Г. Гейне первым сформулировал своего рода «символ веры» своего времени: «Ибо деньги – бог нашего времени, а Ротшильд – пророк его!» [2, т. 8, с. 130]. В поэме «Дон Жуан» (1819 - 1824) Байрон писал о своей эпохе:

Кто в Англии политику вершит?

Кто создает надежды, интересы?

Кто радости и горести дарит?

Вы думаете – дух Наполеона?

Нет! Ротшильда и Беринга миллионы! [1, т. 1, с. 429]

Тем самым, имя Ротшильд ко временам Достоевского давно уже стало нарицательным среди образованных людей. Поэтому герои его произведений упоминают его как само собой разумеющееся явление. Так, в «Униженных и оскорблённых» Алеша Валковский говорит: «нынче самый главный князь – Ротшильд» [4, т. 3, с. 238]. В наброске незавершённого «Ростовщика» (1866) Ротшильд назван «золотым царем» [4, т. 5, с. 321]. О богатстве Ротшильда несколько раз упоминал герой «Игрока» Алексей Иванович, [4, т. 5, с. 216, 226]. В романе «Идиот» Ганя «сердился, например, и на то, что Птицын не загадывает быть Ротшильдом и не ставит себе этой цели. “Коли уж ростовщик, так уж иди до конца, жми людей, чекань из них деньги, стань характером, стань королем иудейским!”» [4, т. 8, с. 387]. Выражение «король иудейский» Ганя употребил в разговоре с князем Мышкиным, признаваясь в своем желании разбогатеть: «Вот эту-то я всю гимнастику и перескачу и прямо с капитала начну; чрез пятнадцать лет скажут: “Вот Иволгин, король Иудейский”. Вы мне говорите, что я человек не оригинальный<...> Это, батюшка, меня давно уже бесит, и я денег хочу. Нажив деньги, знайте, – я буду человек в высшей степени оригинальный. Деньги тем всего подлее и ненавистнее, что они даже таланты дают. И будут давать до скончания мира» [4, т. 8, с. 105].

Для понимания исторического контекста этих высказываний героев Достоевского весьма характерна и история, описанная А. Герценом в мемуарах «Былое и думы», в главе с издевательским названием «Император Джемс Ротшильд и банкир Николай Романов». А. Герцен обманым путем продал Ротшильду свои ценные бумаги, которые были недействительны, поскольку в России находились под арестом по решению суда. Однако Ротшильд, узнав об этом, не только не вернул их А. Герцену, но наоборот, потребовал Россию произвести все выплаты по этим незаконным бумагам. И тогда, как

пишет А. Герцен, издеваясь над русским царем, «петербургский 1-й гильдии купец Николай Романов, утраченный конкурсом и опубликованием в “Ведомостях”, уплатил, по высочайшему повелению Ротшильда, незаконно задержанные деньги с процентами и процентами на проценты, оправдываясь неведением законов» [3, т. 10, 140]. Царь действовал исходя из государственных интересов и не хотел вступать в конфликт с Ротшильдом. А. Герцен же в результате этого акта попал в финансовое рабство к Ротшильду и был им нанят для ведения «гибридной войны» против России – на его деньги издавал в Лондоне журнал «Колокол», в котором искусственно создавал крайне негативный образ своей Родины. А. Герцен так описывает своего хозяина – Джеймса Ротшильда: «Царь иудейский сидел спокойно за своим столом, смотрел бумаги, писал что-то на них, верно, все миллионы или по крайней мере сотни тысяч» [3, т. 10, с. 138]. Впрочем, Достоевский вряд ли читал этот текст А. Герцена, поскольку если бы он его читал, то неизбежно ответил бы на него хотя бы в дневнике. Поэтому тем более характерно, что образ реального Ротшильда, описанный А. Герценом, полностью соответствует «Ротшильду» как культурному символу.

В подготовительных материалах к «Идиоту» Достоевский сформулировал следующую мысль: «Главная и основная мысль романа, для которой всё: та, что он до такой степени болезненно горд, что не может не считать себя богом, и до того, вместе с тем, себя не уважает (до того ясно себя анализирует), что не может бесконечно и до неправды усиленно не презирать себя <...> Вместо полезной деятельности – зло. На будущее – расчет: буду банкиром, царем иудейским и буду всех держать под ногами в цепях. “Или властвовать тирански, или умереть за всех на кресте – вот что только и можно, по-моему, по моей натуре, а так, просто износиться я не хочу”» [4, т. 9, с. 180]. Это не что иное, как характер нового, «ротшильдовского» человека, который реально в романах Достоевского был воплощен в той или иной степени в разных его героях. В «Подростке» Аркадий Долгорукий говорит: «Мне нравилось ужасно представлять себе существо, именно бесталанное и срединное, стоящее перед миром и говорящее ему с улыбкой: вы Галилеи и Коперники, Карлы Великие и Наполеоны, вы Пушкины и Шекспиры, вы фельдмаршалы и гофмаршалы, а вот я – бездарность и незаконность, и все-таки выше вас, потому что вы сами этому подчинились» [4, т. 13, с. 76–77]. Главный герой «Подростка», в отличие от Раскольникова, в качестве своего образца упоминает уже не Наполеона как «сильного человека», а Ротшильда – и не как «сильного человека», а как раз наоборот, как человека ничтожного, но ставшего «великим» благодаря деньгам. Это переход от идеала Наполеона к «идеалу» Ротшильда – кризис и «перелом» в мировой истории.

Уже в самом начале романа Достоевский изображает две символические «ротшильдовские» сцены. Первая из них показывает, как «Подросток» Аркадий Долгорукий начал реализовывать свою идею стать Ротшильдом. Достоевскому удалось краткой сценой передать всю глубину погружения души в цинизм и жестокость уже в самом начале процесса «ротшильдовского» обогащения. Стоит подробнее рассмотреть эту пронзительную сцену:

– Я опоздал. Ах, как жаль! За сколько?

– Два рубля пять копеек.

– Ах, как жаль! а вы бы не уступили?

– Выйдемте, – шепнул я ему, замирая.

Мы вышли на лестницу.

– Я уступлю вам за десять рублей, – сказал я, чувствуя холод в спине.

– Десять рублей! Помилуйте, что вы!

– Как хотите.

Он смотрел на меня во все глаза; я был одет хорошо, совсем не похож был на жида или перекупищика <...>

Я повернулся и пошел.

– Да возьмите четыре рубля, – нагнал он меня уже на дворе, – ну, пять.

Я молчал и шагал.

– Нате, берите! – Он вынул десять рублей, я отдал альбом.

– А согласитесь, что это нечестно! Два рубля и десять – а?

– Почему нечестно? Рынок!

– Какой тут рынок? (Он сердился.)

– Где спрос, там и рынок; не спроси вы, – за сорок копеек не продал бы.

Я хоть не заливался хохотом и был серьезен, но хохотал внутри, – хохотал не то что от восторга, а сам не знаю отчего, немного задыхался.

– Слушайте, – пробормотал я совершенно неудержимо, но дружески и ужасно любя его, – слушайте: когда Джемс Ротшильд, покойник, парижский, вот что тысячу семьсот миллионов франков оставил (он кивнул головой), еще в молодости, когда случайно узнал, за несколько часов раньше всех, об убийстве герцога Беррийского, то тотчас поскорее дал знать кому следует и одной только этой штукой, в один миг, нажил несколько миллионов, – вот как люди делают!

– Так вы Ротшильд, что ли? – крикнул он мне с негодованием, как дураку.

Я быстро вышел из дому. Один шаг – и семь рублей девяносто пять копеек нажил! Шаг был бессмысленный, детская игра, я согласен, но он все-таки совпадал с моею мыслью и не мог не взволновать меня чрезвычайно глубоко... [4, т. 13, с. 38–39].

Столь обширный фрагмент текста приведен для того чтобы показать всю динамику и тонкость анализа Достоевским движений человеческой души, впадающей в «ротшильдовский» соблазн». Как видим, в первую очередь душа обеспечивает себе нравственной «алиби» тем, что внушает себе: она действует строго по закону, ничего не нарушает, и поэтому к ней не может быть никаких претензий. Но чем ближе оно вступает к контакт с душой другого человека, за счет которого она хочет обогатиться, чем явственнее становится ее цинизм и беззастенчивая жестокость. Собеседник Подростка сначала поражен и просто не верит, что вообще возможен такой цинизм и жестокость с его стороны. Но затем смиряется с ситуацией и уступает требуемые деньги. Очевидно, что вещь ему действительно очень дорога и нужна. В такой ситуации даже самое черствое сердце должно было бы раскаяться и отдать эту вещь по ее цене, а не гнаться за сверхприбылью. Но Подростка эта ситуация вовсе не смягчает, хотя читатель догадывается, что в душе ему тоже очень больно. Но эту скрытую внутреннюю боль и сострадание он глушит рациональными аргументами и цинизмом, доходящим до настоящего психологического садизма. Именно поэтому, как он признается, что «хохотал не то что от восторга, а сам не знаю отчего, немного задыхался». Это хохот, который в любое мгновение может перейти в плач – но Подросток устоял. Он не сорвался в плач сострадания только потому, что вдруг высказал своей жертве весь свой восторг от того, что у него получилась схватить хотя бы отдаленное подобие той удачи, какую имел в свое время Ротшильд. А услышав это имя, его несчастный собеседник понял, что Подросток – человек страшный и разговаривать с ним больше не о чем.

Такова своего рода «анатомия» превращения человека в чудовище под влиянием страсти – и не столько к деньгам как таковым, поскольку они здесь лишь средство, но именно к могуществу и власти над людьми. Эта сцена очень важна для всего романа – в

ней, как в «зерне», содержится то исходное состояние души, от которого должен будет избавиться Подросток. И в ней же содержится и глубокий историсофский смысл – она показывает духовную сущность того мира, которая приходит под видом «прогрессивной цивилизации», но в реальности основан на самых низменных мотивах в человеческой душе.

Вторая – сцена с участием его товарища Ламберта: *«Он сказал, что деньги утащил сегодня у матери из шкатулки, подделав ключ, потому что деньги от отца все его, по закону <...> Он привязал канарейку ниткой к сучку и из двух стволов, в упор, на вершок расстояния, дал по ней два залпа, и она разлетелась на сто перушков. Потом мы воротились, заехали в гостиницу, взяли номер, стали есть и пить шампанское; пришла дама <...> Потом, когда мы стали опять пить, он стал ее дразнить и ругать; она сидела без платья; он отнял платье, и когда она стала браниться и просить платье, чтоб одеться, он начал ее изо всей силы хлестать по голым плечам хлыстом. Я встал, схватил его за волосы, и так ловко, что с одного раза бросил на пол. Он схватил вилку и ткнул меня в ляжку. Тут на крик вбежали люди, а я успел убежать. С тех пор мне мерзко вспомнить о наготы; поверьте, была красавица»* [4, т. 13, с. 27–28]. Как видим, добыча «легких денег» обернулась здесь тем, что человек с этими деньгами впадает в неистовство, зверство, разврат и даже в беснование. Эта сцена является как бы прообразом всего романа, указывая, что в будущем должно произойти с героем, хотя бы и не в такой грубой форме. В духовном смысле эта сцена – обнажение сущности «ротшильдовской идеи» обогащения любой ценой и того, что она неизбежно делает с человеческой душой.

Если миф, по А.Ф. Лосеву, есть развернутое магическое имя, то сюжет художественного произведения как частный случай мифа – это развернутое символическое имя, которое часто бывает названием произведения, но это не обязательно. Имя «Подросток» является и одним из имен главного героя, и названием романа – оно обозначает путь роста человеческой души и её очищения от соблазнов. Это позитивное имя романа. «Ротшильд» же является его «негативным» именем – тем, что должен преодолеть рост души. Развертка смысла имени «Ротшильд» имеет в романе и определенную историсофскую символику. Незаконнорождённость Подростка – это его «ротшильдовская» черта, поскольку новый тип «хозяина мира», основанный на власти денег также «незаконнорождённый тип» человека – он приходит извне в христианскую цивилизацию, как чужой завоеватель, но присваивает ее себе ее силы – так же, как сделал своей фамилией чужой герб. «Подросток» должен перерасти этот изначальный свой грех – здесь проявляется и библейский архетип «блудного сына». Подлинный отец Подростка – Макар Иванович Долгорукий, набожный старец, в странствиях собиравший на постройку храма. И это чрезвычайно символично для общего смысла романа, для того пути, который должен пройти Подросток и для его изначального призвания. В этом образе подлинного, но забытого отца явлен и историсофский символ: Россия должна избавиться от «ротшильдовского» соблазна и вернуться на путь Святой Руси.

Архетип «блудного сына» очень ярко явлен и в том сюжете, когда Подросток пришел за пересланными отцом деньгами, но не был принят, хотя его брат был дома, а деньги были переданы ему через лакея. Не подлинный, но почитаемый им «отец» Версилов – это западник, исповедующий «всемирное гражданство». Это русский человек, изменивший своему призванию, духовно предавший свою Родину. Его фамилия тоже символична, поскольку происходит от латинского слова *versa* – «наоборот», «перевернуто» (а латинизм *vice versa* вошел в английский язык).

«Версилов», собственно означает – «тот, кто из перевертышей». «Ротшильдковский» соблазн приемного сына является явным продолжением и усугублением западничества отца. Символично и то, что после какого-то скандального поступка Версилов изгнан из высшего общества – т.е. отлучен от людей, хранящий аристократические традиции, для которых честь является высшей ценностью. Кроме того, Версилов оказывается и тайным развратителем. Однако в романе мы застаем Версилова уже в начале его душевного перелома и покаянного пути. Вины его в самоубийстве Оли не было: деньги им были даны ей бескорыстно, в качестве помощи, но она, уже до этого несколько раз становившаяся объектом посягательств, поняла его благородный поступок превратно. Это также символично: «грязным» деньгам никто не верит, и они не могут приносить добро. Эти деньги соблазняют и самого Подростка: Аркадий приоделся франтом и ведёт самый светский образ жизни, беря деньги у князя Сергея Сокольского в счёт тех, которые полагаются Версилову. Аркадий играет в рулетку и выигрывает много денег, но они лишь усиливают его разочарование в жизни и в его «ротшильдовской» идее.

В результате всех пережитых перипетий «Подросток» не отрекается от своей идеи, но теперь она предстает ему «уже в совершенно ином виде». Что это за «иной вид», в романе не сказано подробно, но по контексту можно понять, что вероятнее всего, Аркадий Долгорукий начнет искать способы не-ротшильдовского зарабатывания денег праведным трудом и их справедливым распределением. Как писал Д.С. Лихачев, «постепенное освобождение от предвзятой власти идеи составляет содержание “Подростка”. Подросток сперва невольно, а потом и сознательно поступает вопреки своей идее “власти-богатства” и постепенно выходит из своего одиночества, становится человеком. Он выигрывает и отдает, теряет время на чужие дела, кутит, хотя и поклялся вести аскетически-жадный образ жизни, чтобы нажиться и получить власть над людьми. В результате этого отступления от своей идеи он приобретает реальные черты, человекообразность» [5, с. 53]. Такое внутреннее изменение героя вообще всегда является главным внутренним сюжетом всех произведений Достоевского, а в «Подростке» оно основано на преодолении «Ротшильда».

Грядущая катастрофа в России, которую так остро предчувствовал Достоевский, произойдет в результате вторжения антихристианской цивилизации, которая уже господствует на Западе. Достоевский в «Дневнике писателя» за 1877 год писал: *«Разве покойный парижский Джемс Ротшильд был дурной человек? Мы говорим о целом и об идее его, мы говорим о жидовстве и об идее жидовской, охватывающей весь мир, вместо “неудавшегося” христианства <...> недаром же все-таки царят там повсеместно евреи на биржах, недаром они движут капиталами, недаром же они властители кредита и недаром, повторю это, они же властители и всей международной политики, и что будет дальше – конечно, известно и самим евреям: близится их царство, полное их царство! <...> материализм, слепая, плотоядная жажда личного материального обеспечения, жажда личного накопления денег всеми средствами – вот всё, что признано за высшую цель, за разумное, за свободу, вместо христианской идеи спасения»* [9, т. 25, с. 85]. Само слово «жидовство», которое здесь употребляет Достоевский, нельзя считать проявлением антисемитизма, во-первых, потому, что слова «еврей» в то время еще не было в русском языке, оно было введено позже как неологизм; во-вторых, речь здесь идет не о еврейском народе как таковом, который в то время в основной своей массе жил в большой бедности, а именно о его отдельных представителях, которым была свойственна упомянутая «идея». Тем самым, «ротшильдовская» идея у Достоевского – это идея не национальная, но всемирно-

историческая, и при этом имеющая много различных своих конкретных проявлений. Достоевский прямо пишет о том, что Джемс Ротшильд вовсе не был дурной человек сам по себе – но страшной была идея, которой он служил и благодаря которой стал «великим», порождая в мире и множество искренних подражателей, подобных Подростку.

Однако если на Западе антихристианство победило мирным путем, то в России оно утвердилось в результате революции и террора – и это тоже предчувствовал Достоевский: один из героев «Бесов» заявил, что «счастья человечества» можно достичь, лишь «срезав радикально сто миллионов голов». Западный материализм в России приобрел лицемерный характер, маскируясь под «социальную справедливость». Однако и эта хитрость социализма была заранее разоблачена Достоевским: он писал, что в основе социализма лежит вовсе не жажда справедливости – это лишь поверхностный обман, а та же самая жажда материального обогащения, как и в капитализме. В духовном смысле между ними нет никакой разницы, поскольку социализм, по Достоевскому, «устраняет Христа и хлопочет прежде всего о хлебе <...> Вот эти-то социалисты, по моему примечанию, в ожидании будущего устройства общества без личной ответственности, покамест страшно любят деньги и ценят их даже чрезмерно, но именно по идее, которую им придают» (письмо к В.А. Алексееву 7 июня 1876) [9, т. 29, кн. 2, с. 85]. Тем самым, и в основе социализма, по Достоевскому, лежит то же самое «ротшильдовское» начало – стремление людей лишь к земному материальному могуществу любой ценой. На поверхности социализм вроде бы противоположен капитализму, но в основе их лежит одна и та же духовная сущность. Об этом потом писали русские философы Серебряного века.

Заключение. Проведенный анализ позволяет сделать следующий обобщающий вывод. Имя «Ротшильда» в качестве символа в романе «Подросток» разворачивается как серия сюжетных событий, связанных с попытками людей самоутвердиться с помощью денег и их безнравственных поступков, которыми неизбежно эти попытки заканчиваются. Идея благого применения «ротшильдовских» денег, то есть денег, завоеванных хитростью, подлостью, и обманом, всегда полностью проваливается – вплоть до самоубийства людей, которых пытаются с помощью этих денег облагодетельствовать, оказывая бескорыстную помощь. Почему-то такую помощь люди отказываются принимать. Такой феномен известен и на уровне массового сознания – когда говорят, что «деньги имеют свою энергию». На самом же деле, «энергию зла» имеют не деньги как таковые, а те люди, которые их приобрели неправедным путем. И если они потом пытаются делать добро, то это у них не получается, поскольку их душа уже пленена злом и несет его в себе во всех их действиях. Для того чтобы стать на путь добра, человек должен прекратить добывать такие «злые» деньги, которые не могут принести пользы. Таким образом, сюжет романа является своего рода разворачиванием первичного мифо-символического смысла имени «Ротшильд». «Подросток» освободился от демона своей «ротшильдовской идеей», стал другим человеком, но все-таки нам не известно, к какой новой идее он пришел и что собирается делать. Смысловой финал романа, как почти всегда у Достоевского, остается открытым – «всё впереди и всегда будет впереди» (М.М. Бахтин). Модель «ротшильдовского» человека, имея известные прецеденты в мировой литературе (Гобсек и др.), тем не менее, именно у Достоевского обрела метафизический, «шекспировский» масштаб и, соответственно, задала масштаб своего преодоления в виде духовного преображения человека в свете христианского идеала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байрон Д.Г. Собрание сочинений в 4 т. / Д.Г. Байрон. – М.: Правда, 1981.
2. Гейне Г. Собрание сочинений в 10 т. / Г. Гейне. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1956-1959.
3. Герцен А.И. Собрание сочинений в 30 т. / А.И. Герцен. Т. 8-11. – М.: Изд-во АН СССР, 1956-1957.
4. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / Ф.М. Достоевский. – Л.: Наука, 1972-1990.
5. Лихачев Д.С. Достоевский в поисках реального и достоверного / Д.С. Лихачев // Литература – реальность – литература. – М.: Сов. писатель, 1981. – С. 44–59.
6. Подосокорский Н. Легенда о Ротшильде как «Наполеоне финансового мира» в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» / Н. Подосокорский // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. – 2020. – № 1. – С. 31–50.

Поступила в редакцию 12.12.2022 г.

**SYMBOLISM OF THE NAME “ROTHSCHILD”
IN THE NOVEL “PODROSTOK” BY F.M. DOSTOEVSKY**

V.J. Darenskiy

The article considers the plot of the novel “Podrostok” as a symbolic unfolding of the primary mytho-symbolic meaning of the name “Rothschild”. Being a symbol, the name “Rothschild” unfolds as a series of events related to people’s attempts to assert themselves with money and their immoral acts, which inevitably end these attempts. The “Podrostok” freed himself from the demon of his “Rothschild idea”, and became a different person. The historiosophical aspects of this name are also described. Having well-known precedents in world literature (Gobseck, etc.), the model of the “Rothschild” man has acquired a metaphysical sense and “Shakespearean” scope in the works by Dostoevsky. The model has set the scope of overcoming in the form of person’s spiritual transformation in the light of the Christian ideal.

Key words: Dostoevsky, “Rothschild”, “Podrostok”, historiosophy.

Даренский Виталий Юрьевич.

Доктор философских наук, доцент.

ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет».

Доцент кафедры философии.

E-mail: darenski1972@rambler.ru

Darenskiy Vitaliy Jur’evich.

Doctor of Philosophy, Associate Professor.

Lugansk State Pedagogical University.

Associate Professor at Department of Philosophy.

E-mail: darenski1972@rambler.ru

УДК 811.161.1

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОЭТОНИМА ЗОЛУШКА В ГЕНДЕРИЗИРОВАННОМ ИНТЕРНЕТ-ТЕКСТЕ

© 2022 *Е.В. Балюнис*

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

В статье рассмотрены особенности функционирования поэтонима Золушка в русскоязычных интернет-текстах гендерной тематики и проблематики. Установлено, что антропоним сказочного персонажа активно используется в качестве средства репрезентации категории фемининности. Выявлены и проанализированы устойчивые формально-содержательные компоненты древнего бродячего сюжета, которые актуализируются в речевых произведениях пользователей Рунета и способствуют вербализации их гендерных представлений.

Ключевые слова: гендерный интернет-дискурс, категория фемининности, поэтоним, Золушка.

Введение. Четкое разделение и однозначное разграничение имен собственных и апеллятивов далеко не всегда представляется возможным. Интерес представляют ономастические единицы, относящиеся к особому разряду имен, обозначенному Е.С. Отиным как «коннотативная ономастическая лексика» [2]. Для них характерна «специфическая ономастическая структура» [3], обладающая значительным семантическим и аксиологическим потенциалом. Литературный оним представляет собой чрезвычайно сложное явление, которое, с одной стороны, тесно связано с языковой системой и зависит от ее фонетических, лексических, словообразовательных законов, а с другой – определяется поэтикой конкретного художественного текста. В связи с этим может представлять интерес изучение особенностей функционирования литературного онима за рамками художественного текста: в разговорной речи, в публицистическом и рекламном дискурсе, в не имеющих художественной ценности, но являющихся источником социально значимой информации образцах массовой культуры, а также в интернет-опосредованных речевых практиках носителей национальных языков. *Объектом* настоящего исследования являются контексты употребления поэтонима *Золушка*, извлеченные из статей официальных и неофициальных сетевых СМИ Рунета, а также из публикаций, составляющих пользовательский контент русскоязычных социальных платформ. Его *предмет* – актуальные гендерные представления русскоязычных интернет-пользователей. *Цель* исследования состоит в выявлении и описании ассоциативного и оценочного потенциала поэтонима *Золушка*, проявляющегося в гендерно значимых интернет-текстах, а также в определении вербализируемых с его помощью ценностей и антиценностей картины мира русского гендерного интернет-дискурса. Исследование проводится на *материале* публикаций официальных сетевых СМИ (snob.ru, kp.ru, aif.ru, psychologies.ru) и подобных им ресурсов (psycho4you.ru, lady.webnice.ru), интернет-сайтов, осуществляющих информационную поддержку коучинга и психологического консультирования (b17.ru, integratsia.ru, psyocentr.ru), развлекательных порталов (pikabu.ru, nastroy.net), а также других размещающих пользовательский контент сайтов (proza.ru, author.today, stihi.ru). В общей сложности было проанализировано около 70 интернет-текстов общим объемом 16 000 слов (120 тысяч знаков, что составляет три авторских листа), размещенных в Рунете в период с 2007 по 2022 гг. Анализ эмпирического материала проводится с применением *лингвистических методов*

семантического, контекстуального и дискурсивного анализа, а также литературоведческого метода мотивного анализа.

Основная часть. Характерной особенностью рассматриваемого антропонима является его неузуальность. Русский поэтоним *Золушка* (использованный И.С. Тургеневым вариант *Замарашка* в русском языковом сознании не закрепился) не употребляется в качестве реального паспортного женского имени, что справедливо и для аналогичных онимов, существующих в европейских языках: немецкого *Aschenputtel* (*Aschenbrödel*) греческого *Σταχτοπούτα*, польского *Kopciuszek*, литовского *Pelenė* и т.д. Литературность имени, его связь с художественным текстом хорошо ощущается самими носителями языка и часто вербализуется в составе нехудожественных речевых произведений, при этом конкретный источник семантически и аксиологически нагруженного антропонима называется далеко не всегда, лишь в отдельных высказываниях упоминается литературная адаптация Шарля Перро, значительно реже – тексты братьев Grimm и Евгения Львовича Шварца. Хорошо осознаваемая и активно эксплуатируемая говорящими генетическая и смысловая связь антропонима *Золушка* с бродячим сказочным сюжетом, являющимся неотъемлемой частью общеевропейского лингвокультурного пространства и последовательно выполняющим воспитательную и идеологическую функции, позволяет рассматривать его именно как поэтоним даже в том случае, если он функционирует в составе текста, не имеющего установки на вымысел и художественную ценность, при этом каждое содержащее его высказывание потенциально является ответной репликой на исходный классический сюжет, в некоторой степени дополняет, переосмысляет, трансформирует или даже опровергает содержащиеся в нем идеологемы и аксиологемы. Неузуальность поэтонима *Золушка* поддерживается и его внутренней формой, легко выделяемой обыденным метаязыковым сознанием. Имя сказочного персонажа мотивировано апеллятивной единицей *зола*, что может восприниматься рядовым носителем языка как отсылка к принципиально важной для фабулы сказки жизненной ситуации, в которой оказывается обладательница имени. Как отмечает М. Чехова, *Золушка* – это сказочное имя, относящееся к классу так называемых «говорящих имен» (*poimen omen*), оно является «концентрированной характеристикой или описанием персонажа», фиксирует его типичное свойство и метафорически отражает функцию в сюжете [8]. С точки зрения особенностей семантической структуры и специфики функционирования сказочного поэтонима *Золушка* в современном русском языке, рассматриваемая единица сближается с апеллятивной лексикой, что во многом обусловлено ее прозрачной этимологией, тесной связью с сюжетом-источником и архетипичностью образа его обладательницы, однако при этом полная деонимизация единицы не наблюдается.

Поэтоним *Золушка* достаточно часто встречается в публикациях официальных и неофициальных сетевых СМИ, специализированных «женских» интернет-изданий, сайтов психологических и коучинговых центров, а также ресурсов, посвященных саморазвитию и личностному росту. Большинство подобных материалов создаются женщинами (журналистами, психологами, коучами, эзотериками и т.д.) и предназначаются для женской аудитории. Зачастую в подобных речевых произведениях поэтоним *Золушка*, входя в состав заголовочного комплекса и заключительного высказывания текста, а также обозначая его ключевой фемининный образ, занимает сильную позицию. Так, типичными являются следующие заголовки: «*Золушка в Большом городе*» [5]; «*Современные Золушки: люди, в жизни которых сказка стала реальностью*» [6]; «*Три признака современной Золушки (и почему они мешают вам быть счастливой)*» [11]. В этих текстах регулярно вербализуется

представление об актуальности и распространенности образа сказочной героини, авторы говорят о *современных Золушках, нынешних Золушках, Золушках XXI века*. Однако создаваемые образы фемининности могут иметь как положительную, так и негативную оценку.

Регулярно встречаются тяготеющие к устойчивости частотные сочетания *комплекс Золушки* (126 000 результатов в поисковой системе Google) и *синдром Золушки* (45 900 результатов). Их распространенность может быть обусловлена востребованностью популярной психологии – специфического социального феномена, объединяющего комплекс знаний и утилитарных практик, частично опирающихся на научное знание, но при этом во многом противоречащих профессиональным и этическим принципам психологического консультирования. Использование поэтонима в сочетании с детерминологизированной единицей *комплекс* вызывает устойчивые ассоциации с традициями психоанализа, юнгианства и аналитической психологии, для которых характерно выделение архетипов и их номинация с помощью антропонима исторического деятеля или имени персонажа классического мифологического или литературного сюжета. Авторы рассматриваемых интернет-текстов пишут о том, что впервые терминологическое сочетание *комплекс Золушки* было использовано в одноименной книге Колетт Даулинг в 1981 г. (называются также 1990 г. и 1993 г.). Оно часто входит в состав заголовков и характеризуется как *вредное* и *опасное* явление, с которым необходимо *бороться*: «*Как преодолеть комплекс Золушки*» [13]; «*Комплекс Золушки, или Как вернуться из сказки в реальность?*» [9]; «*Комплекс Золушки. Почему это плохо?*» [10]. В анализируемых текстах под *комплексом Золушки* понимается состояние личностной и эмоциональной незрелости и беспомощности, которое метафорически сопоставляется с несостоятельностью ребенка. В данном случае поэтоним нередко используется в одном контексте с инфантильной метафорой «ЖЕНЩИНА – ЭТО РЕБЕНОК». Оторванная от реальности взрослая женщина, мечтающая о реализации сказочного сценария в реальной жизни, грезящая о том, что ее проблемы решит похожий на принца мужчина или другой *deus ex machina*, уподобляется ребенку. Само же использование поэтонима *Золушка* для обозначения такого фемининного образа, вероятно, носит характер не метафорического, а метонимического переноса: женщина, ориентирующаяся на сценарий из сказки о *Золушке*, мечтающая о судьбе *Золушки*, получает ее имя. В настоящий момент не представляется возможным оценить оригинальный текст Колетт Даулинг и определить, что представляет собой ее книга: полноценное научное исследование, имеющее надежную эмпирическую, методологическую и доказательную базу, или же один из многочисленных образцов популярной психологии, рассчитанный на широкого читателя. Не вполне понятно и то, насколько обобщения, сделанные американским психотерапевтом, применимы к российским реалиям и справедливы для женщин постсоветского пространства. Однако очевидно, что в интернет-текстах, цитирующих книгу Колетт Даулинг и содержащих устойчивое сочетание *комплекс Золушки*, практически полностью нивелируется фемининный образ бродячего сюжета, послужившего источником номинации. О каком бы из национальных вариантов сказки ни шла речь, главная героиня – это скромная, но в то же время чрезвычайно волевая девушка, способная к ежедневному тяжелому труду, безропотно принимающая судьбу и не рассчитывающая на внимание принца или какие-либо другие счастливые события.

Если терминологическое (или псевдотерминологическое) сочетание *комплекс Золушки* представляет собой кальку английского *Cinderella complex*, то комбинация поэтонима с единицей *синдром* возникает именно в русскоязычных речевых практиках.

Детерминологизированная единица *комплекс* вызывает ассоциации с психологическим знанием, в то время как лексема *синдром* ассоциируется с медицинским дискурсом. Устойчивое сочетание *синдром Золушки* – это средство вербализации морбиальной метафоры, при которой болезни уподобляется определенный тип характера женщины, способной к состраданию, терпению, скромности, заботе о других в ущерб себе. Это сочетание также регулярно входит в состав заголовков статей официальных и неофициальных СМИ и подобных им ресурсов. *Синдром Золушки* характеризуется как однозначно *плохое, вредное, опасное* явление, продуценты говорят о том, что это состояние необходимо *преодолевать, перерастать*, с ним нужно *бороться*, его нужно *лечить* или *избавляться* от него. Личностные качества и поведенческие особенности женщины с *синдромом Золушки* описываются следующим образом: «*В психологии синдром Золушки – это стремление всем понравиться, безотказность, повышенное чувство ответственности, перфекционизм. Такую женщину видно сразу. Как правило, они прекрасные домохозяйки, умницы и скромницы. <...> Добавьте к этому стремление всем угодить и повышенный перфекционизм и самокритику. И, конечно же, окружающие нагло этим пользуются*» [12]. В некоторых контекстах устойчивые сочетания *комплекс Золушки* и *синдром Золушки* используются как практически синонимичные, однако в большинстве проанализированных речевых произведений *комплекс Золушки* представляет собой указание на инфантилизм взрослой женщины, ее оторванность от реальности, погруженность в детские фантазии, в то время как сочетание *синдром Золушки* выдвигает на первый план представление о тяжелом неблагоприятном труде во благо других и в ущерб себе. В последнем случае идет речь о том, что такая женщина *тянет свою ляжку, несет свой крест, пашет как лошадь (как проклятая, как скотина), жертвует собой, тратит свою жизнь/ресурсы/силы/здоровье на других*, ее используют коллеги и близкие, не испытывая *благодарности, признательности, уважения*. В некоторых контекстах актуализируется представление о внешней непривлекательности *Золушки*, ее неприглядности, обусловленной не природными данными, а скромностью и сознательным отказом от практик красоты, а также тем, что у *Золушки* не остается времени, сил и денег на заботу о своей внешности. Здесь же подчеркивается расхождение смыслового пространства сказки и реальной действительности: скромная и трудолюбивая девушка в реальной жизни никогда не станет принцессой, поскольку современных принцев интересуют не личностные качества, а внешние атрибуты утрированной фемининности. В целом ряде контекстов подчеркивается национальная специфичность такого фемининного образа, говорится о том, что подобное поведение и склонность к самопожертвованию характерны именно для русских (русскоязычных, советских) женщин или тех, кто проживает на постсоветском пространстве. Подобное осмысление образа сказочной героини в значительно большей степени приближено к сюжету-источнику, из которого заимствуется поэтоним, поскольку оно делает акцент на исключительных личностных качествах девушки и на ее способности к изнурительному неблагоприятному труду, однако при этом происходит деаксиологизация таких ценностей, как *скромность, терпеливость, вежливость, чуткость и трудолюбие*. Они маркируются как вредные, опасные для женщины и преподносятся читателю (читательнице) как антиценности. Авторы рассматриваемых интернет-текстов опровергают изначальный идеологический и воспитательный посыл классического сюжета, переосмысливают представленный в нем фемининный образ, заявляют о неактуальности сказки, невозможности использовать ее в качестве ориентира в реальной жизни.

В публикациях электронных СМИ, материалах «женских» психологических и эзотерических интернет-порталов, статьях интернет-сайтов частных психологических консультаций и коучинговых центров поэтоним *Золушка* последовательно используется для означивания разных фемининных образов и указания как на счастливую судьбу женщины, изменившей свой финансовый и социальный статус за счет брака с мужчиной, так и на тяжелую долю жертвы, вынужденной обслуживать других в ущерб себе без надежды на справедливое вознаграждение. По всей видимости, возможность сосуществования столь противоречивых трактовок сказочного образа объясняется самим ассоциативным потенциалом поэтонима. Неразрывная связь имени *Золушка* с классическим общеизвестным сюжетом позволяет говорящим в разных контекстах актуализировать те или иные характеристики героини, использовать отдельные образы персонажей (*Злая Мачеха, Добрая Фея, Прекрасный Принц*), вербальные обозначения значимых для повествования артефактов (*хрустальные (золотые) туфельки, зола и лохмотья, золотая карета*), а также мотивы, представляющие собой значимые структурные компоненты фабулы/сюжета сказки (*притеснение героя мачехой или другим статусным взрослым, встреча с дарителем или советчиком, волшебное превращение, счастливое супружество*).

М. Чехова отмечает, что в настоящее время известно более тысячи различных модификаций архинарратива о Золушке, при этом все эти варианты имеют целый ряд общих черт и структурных сюжетных компонентов [8]. Исследователь, используя в качестве формулировок архимотивов сказочного сюжета функции действующего лица, выделенные В.Я. Проппом [4], восстанавливает «сюжетный алгоритм» сказки о Золушке следующим образом: 1) «герой (героиня) покидает/теряет свой родной дом»; 2) «герой (героиня) подвергается испытаниям (неоднократно испытывает страдания, приносит жертвы или выполняет практически невыполнимые задания)»; 3) «горе и лишения преодолены (герой справляется со всеми препятствиями, в т.ч. благодаря сверхъестественному вмешательству)»; 4) «герой (героиня) обретает новый вид (трансфигурация)/одевается в новые одежды»; 5) «герой (героиня) восходит на королевский трон (свадьба)» [8]. В рассматриваемых интернет-текстах никогда не актуализируется первый архимотив бродячего сюжета. В большинстве модификаций сказки тем или иным образом оговаривается благородное происхождение девушки: *Золушка* – дочь короля, князя или высокопоставленного вельможи, которая в силу независящих от нее обстоятельств оказывается в бедственном положении. Утраченный высокий социальный статус, которым объясняется благородное поведение героини, ее сила воли, самоуважение, наличие определенных поведенческих навыков, никоим образом не отражается в интернет-тексте, напротив, продуценты акцентируют внимание на том, что их *Золушки* – это простые девушки, которым повезло удачно выйти замуж. В этих текстах вербализируются представления о *везении* и *удаче*, а сам брачный союз нередко обозначается как *мезальянс*, в то время как в сказке свадьба *Золушки* и принца способствует восстановлению справедливости, попорченной в начале повествования, финальный структурный элемент сюжета исправляет ситуацию, обозначенную хронологически первым мотивом. В текстах о *синдроме Золушки* основным является второй архимотив, при этом акцент делается на тяжести выполняемого героиней труда. Этот же структурный компонент актуализируется в целом ряде демотиваторов и анекдотов, основной посыл которых состоит в том, что после свадьбы фронт домашних работ только расширяется, а принц оказывается чуть ли не более требовательным и жестоким, чем злая мачеха. При этом *труд* и *работа* последовательно осмысляются как антиценности. Архимотив трансформации облика

героини, ее переодевания актуализируется в интернет-текстах, способствующих саморепрезентации коучей и дизайнеров, предлагающих пользовательницам свои услуги по улучшению их внешнего вида, при этом сам специалист идентифицирует себя с доброй феей, волшебным помощником и советчиком (третий архимотив). В других же текстах отрицается ценность внешней трансформации, подчеркивается ее бесполезность, а хрустальная туфелька становится символом болезненных практик красоты и рамок, в которые загоняет себя женщина, надеясь привлечь внимание принца. Регулярно актуализируется заключительный архимотив сказочного повествования – свадьба и «восхождение на королевский трон». Счастливое супружество, способное повысить социальный статус героини и решить ее финансовые проблемы, получает однозначную положительную оценку и представляет собой одну из ключевых ценностей картины мира, порождаемой речевыми практиками «женских» интернет-порталов. Эта же аксиологема эксплицируется в смеховых интернет-текстах, основанных на гендерной инверсии, главным героем которых оказывается мужской персонаж с именем *Золушок*.

В тяготеющих к фольклорности образцах низовой интернет-опосредованной словесности (*анекдотах, приколах, статусах, мемах, демотиваторах* и т.д.) чаще всего эксплуатируется архимотив тяжелого труда и притеснения героини. Вполне типичными являются следующие тексты: *Большинство мужчин хотят иметь Королеву, но способны лишь обеспечить Золушку средством для мытья посуды* [1]; *Жена с укором говорит мужу: / – Я у тебя как Золушка – стираю, убираю, готовлю. / – Я ж тебе говорил, выйдешь за меня – жить будешь как в сказке!* [1]; *Если посмотреть фильм «Золушка» задом наперед, то этот фильм о том, как женщина познаёт своё место в жизни* [1]; *Бедная Золушка мыла посуду, прибирала покои, стирала белье для отца, мачехи, и двух ее дочерей. Вышла замуж за принца. Теперь моет посуду, прибирает покои, стирает белье для всего королевского дворца* [1]. Актуализация второго архимотива часто совмещается с деаксиологизацией пятого: супружество осмысляется как причина еще большей несправедливости, брак с принцем – это ситуация, по сравнению с которой вся предыдущая жизнь *Золушки* оказывается сказкой. В подобных текстах регулярно обыгрывается мотив волшебного превращения, однако колдовство имеет подвох и выходит боком героине, усложняя ее и без того непростую жизнь: карета превращается в тыкву раньше времени, принц превращается в крысу и т.д. В подобных анонимных сверхкратких высказываниях постоянно подчеркивается несоответствие реальности сказки и обычной жизни, крушение надежд, подвергаются сомнению такие ценности, как *любовь* и *брак*.

Комплекс смыслов, связанных с поэтонимом *Золушка*, может подвергаться творческому осмыслению и в прозаических и поэтических текстах, претендующих на фикциональность, лиричность и художественность. *Золушка* становится персонажем фанфиков и авторской прозы, с ней идентифицируются лирические героини сетевой поэзии. Вопрос о художественной ценности этих произведений не столь важен, поскольку они в той или иной мере манифестируют социальную коммуникацию и являются ценным источником информации о картине мира современных носителей русского языка. В большинстве выявленных нами образцов сетевого творчества поэтоним окружен теми же смыслами и ценностными представлениями, которые присутствуют в сетевых СМИ и онлайн-фольклоре, однако в отдельных случаях классический сюжет становится текстовой основой для индивидуального поиска и конструирования своего собственного образа фемининности. Так это происходит в стихотворении Екатерины Вольховской «*Золушка: переосмысление*»: *Скрипучее кресло,*

/ Скрипичное соло, / Опять пересолен / Обед... / Я – Золушка, сдуру / Удравшая голой / В рассвет. // А было, наверное, нужно / Остаться, / Таскаться / По барам, борделям, балам – / И только потом, протрезвев, обнаружить, / Что принц превратился / В банан [7]. В первой строфе с помощью лексических и фонетических средств передается ощущение неустроенности, дискомфорта и одиночества, а также вводится мотив побега с бала, который обозначает осознанный выбор героини, ее отказ от традиционной фемининной роли избранницы принца. Во второй строфе изображаются атрибуты этой роли (необходимость *таскаться по барам, борделям, балам*), сопутствующее ей состояние опьянения, вслед за которым наступило бы неизбежное разочарование. В последнем стихе присутствует мотив волшебного превращения, однако, как и в анекдотах о *Золушке*, это разочаровывающее колдовство с подвохом, которое носит неприличный, гривуазный характер. Авторская *Золушка* делает выбор между неустроенностью и пошлостью, немного сожалеет об этом выборе и тут же понимает, что сожалеть не о чем. В поэтическом тексте происходит деаксиологизация *любви и брака*, изображается процесс самоотчуждения героини. Интересны и комментарии к стихотворению, в которых читательница формулирует чувство разочарования от несовместимости сказки и реальности: «*А вот и Золушка... Только опять грустная несбывшаяся сказка...*» [7]. В ответе автора актуализируется мотив тяжелого труда и с помощью метафоры положительно маркируется желаемая профессия: «*Я Золушка, потому что работаю санитаркой в больнице. Выучусь на медсестру – стану принцессой*» [7]. Комментарии уточняют и дописывают исходный текст: *Золушка* сбегает от пошлости бала не в неустроенность, а на работу, деаксиологизированным романтическим отношениям противопоставляется *труд* как ключевая ценность текста в метатекстовом окружении, а социальный рост связан не с личной жизнью, а с овладением профессией (*медсестра – принцесса*).

Заключение. Проведенный анализ показывает, что классический бродячий сюжет о *Золушке* сохраняет свою актуальность и в настоящее время, а интертекстуальные связи с ним устанавливаются посредством литературного имени персонажа. Поэтоним *Золушка* обладает значительным ассоциативным и аксиологическим потенциалом, ситуативная актуализация которого в каждом отдельном контексте зависит от авторских интенций и осуществляется в конкретном вербальном окружении. Особенности его функционирования в интернет-текстах официальных и неофициальных онлайн-СМИ, «женских» ресурсов, образцах интернет-фольклора свидетельствуют о трансформациях гендерных представлений русскоговорящих. Происходит последовательная деаксиологизация традиционно значимых концептов (*любовь, брак, труд*) и соотносимых с гендерной категорией фемининности ценностей (*скромность, вежливость, терпеливость и трудолюбие*). Архитепический образ *Золушки* при этом все еще может получать индивидуальное авторское прочтение и использоваться в процессе творческого поиска личностно значимых ориентиров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анекдоты.ру. – Режим доступа: <https://anekdoty.ru/pro-zolushku/> (дата обращения: 14.11.2022).
2. Отин Е.С. Коннотативная ономастическая лексика в русском и украинском языках / Е.С. Отин // Проблемы сопоставительной стилистики восточнославянских языков: тез. докл. Всесоюз. науч. конф., Донецк, 22–24 дек. 1997 г. / гл. ред. В.М. Русановский. – Киев: 1977. – С. 73–74.
3. Отин Е.С. Материалы к словарю собственных имен, употребляемых в переносном значении / Е.С. Отин // Вопросы ономастики. Собственные имена в системе языка / отв. ред. А.К. Матвеев. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1980. – С. 3–13.
4. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки / В.Я. Пропп. – СПб: Питер, 2021. – 256 с.

5. ПСИХ инфо. – Режим доступа: <https://psych.info/article/psihologiya-lichnosti/zolushka-v-bolshom-gorode.html> (дата обращения: 14.11.2022).
6. Радио «Комсомольская правда». – Режим доступа: https://radiokp.ru/sovremennye-zolushki-lyudi-v-zhizni-kotorykh-skazka-stala-realnostyu_nid2373_aub6au (дата обращения: 14.11.2022).
7. Стихи.ру. – Режим доступа: <https://stihi.ru/2007/06/04-362> (дата обращения: 14.11.2022).
8. Чехова М. Nomina propria в сюжетном типе сказок 510 а / М. Чехова // Филология и литературоведение. – 2014. – № 11. – Режим доступа: <https://philology.snauka.ru/2014/11/1017> (дата обращения: 14.11.2022).
9. ШколаЖизни.ру. – Режим доступа: <https://www.shkolazhizni.ru/love/articles/47782/> (дата обращения: 14.11.2022).
10. Hashtap. – Режим доступа: <https://www.hashtap.com/@family.psy/комплекс-золушки-почему-это-плохо-2WIONzrXXpmk?lang=ru> (дата обращения: 14.11.2022).
11. Marie Claire. – Режим доступа: <https://www.marieclaire.ru/psychology/tri-priznaka-sovremennoy-zolushki-i-rochemu-oni-meshayut-vam-byit-schastlivoy-/> (дата обращения: 14.11.2022).
12. Psychbook.ru. – Режим доступа: <https://psychbook.ru/418265a-sindrom-zolushki-opisanie-prichinyi-osobennosti-metodyi-lecheniya> (дата обращения: 14.11.2022).
13. TutKnow.ru. – Режим доступа: <https://tutknow.ru/psihologia/7133-kak-preodolet-kompleks-zolushki.html> (дата обращения: 14.11.2022).

Поступила в редакцию 15.11.2022 г.

FUNCTIONAL SPECIFICS OF POETONYM ZOLUSHKA (CINDERELLA) IN GENDERED INTERNET TEXTS

E.V. Balyunis

The article deals with some specific features of poetonym Zolushka (Cinderella) functioning in the Russian Internet texts addressing the gender issues agenda. The fairy-tale character proper name is proved to be widely used as a means of expressing femininity. The stable components of the ancient vagrant fable's formal and semantic structure are analysed. These components are actualized in the Russian Internet users' speech products and express their gender beliefs.

Key word: gendered Internet discourse, category of femininity, poetonym, Zolushka (Cinderella).

Балюнис Евгения Владимировна.

Кандидат филологических наук.

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет».

Доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся.

E-mail: evakallas@sfedu.ru

Balyunis Evgeniia Vladimirovna.

Candidate of Philology.

Southern Federal University.

Associate Professor of the Russian Language for Foreign Students Department.

E-mail: evakallas@sfedu.ru

УДК 81'374.2 «10/18 вв.»

«СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА X-XVIII ВЕКОВ» Е.С. ОТИНА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

© 2022 Н.Е. Касьяненко

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье рассматриваются лексикографические и лингвистические особенности «Словаря русского языка X-XVIII веков Е.С. Отина». Характеризуются объем словаря и его состав, источники и структура словарной статьи, рассматриваются способы семантизации слов и их вариантность. Особое внимание уделяется ономастической лексике, включенной в состав словника. Затрагиваются когнитивные особенности словарного труда. Названный словарь освещается как исторический учебный переводно-толковый.

Ключевые слова: историческая лексикография, исторический словарь, X-XVIII вв., Е.С. Отин.

Введение. В современной отечественной лексикографии особое место занимает жанр учебного словаря, который, начиная со второй половины XVII века, а особенно в XVIII–XIX вв. благодаря интеграции России в европейскую науку и культуру, приобретает все большую популярность. Между тем современные исследователи отмечают, что, несмотря на обилие выходящей словарной продукции, словари «до сих пор не стали необходимым орудием познавательной деятельности в разных типах учебных заведений» [3, с. 12]. При этом одной из наиболее важных проблем лексикографии «по праву считается словарное описание языка с целью его изучения» [1, с. 335]. Это касается, прежде всего, высшей школы, в частности филологических факультетов, где изучается курс истории языка, в первую очередь требующий обращения к словарям, в том числе историческим, которые, по справедливому замечанию П.А. Магомедовой, делают «владение родным языком <...> более осознанным», «пробуждают языковую рефлексию» [5, с. 105]. Но, как отмечают В.А. Козырев и В.Д. Черняк, «даже в существующих учебных пособиях для филологов словарям, как правило, отводится периферийное место» [3, с. 12]. Справедливости ради следует отметить, что этому есть объективные причины. Имеющиеся исторические словари («Материалы для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского, «Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.», Словарь «Русского языка XI–XVII вв.», «Словарь русского языка XVIII в.»), безусловно, основательные, составленные на высоком уровне, с одной стороны объемны (картотека каждого из самых престижных содержит порядка 2 млн. употреблений), а с другой, – не всегда доступны, особенно в условиях аудиторных занятий.

На этом фоне достаточно заметным явлением стал «Словарь русского языка X-XVIII веков» Е.С. Отина [6], являющийся фактически первым учебным историческим словарем. Объем лексикографического труда, содержащий, по нашим подсчетам, 6015 словарных статей, позволяет максимально продуктивно, а главное, оперативно использовать его на занятиях по истории языка. Сам автор в предисловии в связи с этим замечает: «Для этого [работы в аудитории – Н.К.] непригодны существующие многотомные исторические словари русского языка» [6, с. 4].

Актуальность исследования обусловлена тем, что в имеющейся лингвистической литературе словарь Е.С. Отина еще не получил всестороннего освещения. По сути, единственной работой, затрагивающей данный труд, является рецензия на него

В.И. Теркулова [9], которая только частично восполняет данный пробел. Однако всестороннее описание «Словаря русского языка X-XVIII веков» пока отсутствует. Именно этим обусловлено обращение к словарному произведению Е.С. Отина, тем более что в нынешнем году его автору исполнилось бы девяносто лет... Поэтому целесообразно, думается, подробно осветить лексикографические и лингвистические особенности данного словарного труда, что и является **целью** настоящей статьи. В задачи настоящего исследования входит осветить вопрос об источниках и объеме «Словаря русского языка X-XVIII веков», проанализировать состав словника, структуру словарной статьи, рассмотреть способы семантизации слов и их вариантность. Разноаспектность такого описания лексикографического труда подтверждает новизну исследования.

Практическая значимость настоящей работы состоит в том, что ее материалы могут быть использованы в вузовской практике при освещении курса «Актуальные проблемы исторической лексикографии»

Автор словаря Е.С. Отин – талантливый ученый, историк языка, основатель и многолетний лидер Донецкой ономастической школы, специалист в области топонимии, гидронимии, истории языка – известен и как лексикограф. Ему принадлежат фундаментальные словарные труды, прежде всего, в области ономастики: «Топонимия Приазовских греков: Историко-этимологический словарь географических названий» (2000 г.); «Словарь коннотативных собственных имен» (2006 г.), труд «Все менты - мои кенты ...»: Как образуются жаргонные слова и выражения» (2006 г.) и др.

«Словарь русского языка X-XVIII веков» стал, по сути, последней работой Е.С. Отина. По типу это переводно-толковый словарь, предназначенный для чтения письменных текстов, прежде всего учебного характера.

Основная часть. Структура труда Е.С. Отина включает вводные замечания, которые касаются особенностей толкования слов в словаре, полный список источников словаря, собственно словарную часть и приложение в виде текстов – стихотворений писателя XVII века Симеона Полоцкого и «Жития протопопа Аввакума» в составе того же периода.

Центральной проблемой любого словаря является проблема объема словника и его состава. Учитывая тот факт, что труд Е.С. Отина носит учебный характер, отбор реестровых слов должен быть максимально целесообразным: с одной стороны, он призван продемонстрировать объективную картину лексики русского языка указанного периода, а с другой – подчиняться требованиям краткости. Анализ словника рассматриваемого словарного труда свидетельствует о том, что автор использует в нем широкие тематические слои лексики русского языка. Это слова, относящиеся к сфере быта: *высыток* – посуда, в которой сытят мед, *горнушка* – углубление в русской печи, куда загребают угли, *мыленка* – небольшая баня, мыльня, *дробина* – квасная или винная гуща и пр.; наименования драгоценных камней: *кирпук* – рубин, карбункул, *галитын* – янтарь; названия монет: *дублон*, *эфимок*, *златица*; *резана*, названия мер и весов: *берковеск* – мера веса, равная десяти пудам, *литр злата* – единица веса золота, серебра, шелка, *локоть*; слова, именуемые ткани: *даба*, *обирь*, *камка*, *паволока*.

Представлена в словаре лексика ремесел, например *башлык* – глава рыболовной артели, *кузнь* – кованые изделия из благородных металлов, *скудельник* – гончар; слова, относящиеся к сфере религии: *бельц* – священник, принадлежащий к белому духовенству, *кумирница* – языческий храм, *нефимон* – церковная служба, совершаемая вечером, *охтоик* – сборник церковных гимнов; номинации должностей *домо жарич* – домоуправитель, *дукс* – князь, правитель города или области, *камерир* – камергер;

кудерма – палач; *пахолок* – оруженосец и др.; наименования растений, птиц и животных: *евшан* – полынь, *зеньзебель* – имбирь; *желвь* – черепаха, *ветюмень* – дикий голубь, *львичиць* – львенок, *жюк мотыльный* – навозный жук и пр.

Отражены в словаре и специальные слова, прежде всего те, которые имеют высокую социальную значимость. В этом смысле следует обратить внимание на медицинскую лексику, относящуюся к той науке, которая издревле была важной для человека и прошла огромный путь развития. В частности, в анализируемом материале представлено около 100 номинаций, называющих медицинские понятия, например: *ворогуша* (лихорадка), *селезень* (селезенка), *усови* (воспаление внутренних органов), *золчь* (желчь), *днакамение* (мочекаменная болезнь) и др. В реестровой части присутствует и юридическая терминология, в том числе *ответчик*, *правда* (суд, свод постановлений), *самовидец* (свидетель), *продажа* (денежная пеня за преступление) и т.п. Примечательно, что Е.С. Отин фиксирует у специальной лексики данной сферы некоторые значения, не вошедшие в специализированные лексикографические труды исторического профиля, в частности в словарь М.А. Исаева [2]. Например, в упоминаемом словаре у термина *правда*, отсутствует значение ‘присяга’ [2, с. 82], а специальное слово *свод* лишено значения ‘очная ставка’ [2, с. 96]. Используются здесь и термины физической географии, что, безусловно, связано с древностью данной науки, лексика которой формировалась несколько столетий: *гурло* (морской пролив), *гора* (берег, суша), *пазуха* (залив), *планина* (гора, поросшая лесом) и т.п.

Значительное место в реестровой части отводится наименованиям военного дела: *зелейник* (казенная часть орудия, куда кладется заряд), *палисад* (фортификационное сооружение), *плутонг* (мелкое подразделение войск в строю), *оскеп* (алебарда с копьём на ее верхнем конце), *пицаль* (огнестрельное тяжелое ружье), *бердыш* – широкий длинный топор с лезвием в виде полумесяца на длинном древке.

Бесспорно, столь разноплановая в тематическом отношении лексика словаря обусловлена характером памятников письменности, которые послужили его источниками. Многие из них имеют научный характер. Например, в их числе следует отметить «Книгу Большому Чертежу или древнюю карту Российского государства...» (1727 г.), «Древнюю российскую вивлиофику» (1774 г.), «Лексикон российский...» В.Н. Татищева (1793 г.), «Путешествие вокруг света» И.Ф. Крузенштера и многое другое. В целом же источниковая база словаря широка и разнообразна как в хронологическом отношении, так и качественно. Почти 200 использованных памятников письменности включают русские летописи, грамоты, акты, торговые договоры, своды законов, эпистолярную литературу, разножанровые художественные произведения, книги жанра путешествий, пародийные тексты. Письменные источники являются оригинальными и переводными, как, например, «Хроника Георгия Амартола» (сер. XI в.), «История государственования Марии Терезии» (1791 г.), «Поденные записки о плавании на северный китовый промысел» В. Скорезби (1825 г.) и др.

Особую категорию реестра составляют собственные имена. Это, прежде всего, антропонимы, топонимы и этнонимы, которые традиционно представлены в словарях общего типа. В количественном отношении использование собственных имен в анализируемом труде не превышает 0,8% – всего около 50 слов. Среди антропонимов присутствуют большей частью античные имена философов, писателей, богов, персонажей художественных произведений, библейские онимы – *Адонис*, *Анакреон*, *Аякс*, *Гарпаген*, *Макиавелли*, *Мафусаил*, *Иуда* и пр. В числе антропонимов, зафиксированных в словаре, присутствуют и разговорные формы собственных имен, например *Опрем* (разговорный вариант канонического *Ефрем*) [6, с. 227]. Немногие

топонимы называют большей частью объекты водного пространства, страны, города, территории, например *Междуземное море* (Средиземное – Н.К.), *Мунгальское царство* (Монголия), *Палестина*, *Флоренза* (Флоренция), *Кизилбаши* (Персия), *Хазтархан* (Астрахань) и др. Этнонимы представлены в словаре редко: *волошане* (румыны; представители романских народов), *касогы* (адыги в русских летописях), *мутьяне* (румыны), *обры* (авары), *русь* (варяги) и некоторые иные.

Примечательно, что Е.С. Отин в словарных статьях, посвященных онимам, фиксирует коннотативные значения собственных имен, например: *Аргус* – ‘неусыпный страж, надзиратель’; *Аристотель* – ‘философ, прорицатель’, *Каин* – ‘злодей, убийца’, *Нерон* – ‘жестокий человек, гонитель’. Некоторые собственные имена отмечены автором *только* в переносных значениях, в частности *Митрофанушка* – ‘неуч, невежественный человек’; *Перун* – ‘молния, гром’; *Полкан* – ‘собака вообще’. Наконец, обращают на себя внимание единичные отонимные окказиональные образования, например *Каинович*, сопровождаемое замечанием «*Окказиональное отчество*, образованное от имени старшего сына Адама и Евы...» [6, с. 136]; или *Давыдствовати*. См. *Голиафствовати*. **Авторские неологизмы.** *Давыд убил великана Голиафа, царя иудейского* [6, с. 77].

Статьи данного словарного труда имеют следующее построение: 1) заголовочное слово (или словосочетание), записанное прописными буквами в современной орфографии. После основного написания слова, через запятую подается (при наличии) его вариант, например *ДВОЩИ, ДВОЖДЫ. Дважды*. Необходимо сразу отметить, что отражение вариантов в словаре не носит последовательный и обязательный характер – это, скорее всего, подтверждает тот факт, что автор не ставил своей целью акцентировать этот момент; 2) после следует перевод или формулировка значения слова (или значений, если слово многозначное). При этом демонстрируются все возможные значения слова, каждое из которых обозначается арабской цифрой; 3) затем через две косые черты подаются иллюстрации, включающие там, где это необходимо, параллельный перевод слов, представляющих трудность. Например, иллюстрация к слову *КУМЕДЕР* выглядит так: *Того же лета немцы, приходиша ратью великою, бискуп (епископ – Е. О.) и местери (магистры – Е. О.)* В конце иллюстрации содержатся ссылки на название памятника письменности и дату его написания.

Большая часть значений в анализируемом словаре раскрывается путем перевода их на современный язык, например: *ЗЕЛЕЙНИК* *Травник*; *МАЕСТ*. *Величие, ОТЛУЧАТИ. Удалять*. При этом часто это происходит путем подбора синонимических единиц: *ЗИЯНИЕ*. *Зевота, сонливость, вялость*; *ТЕЛНОЙ*. *Жирный, мясистый, сытный*; *ФАНТОМА*. *Призрак, видение*.

Другие слова семантизируются путем описательного толкования. Чаще всего такого рода пояснения сопровождаются определенными энциклопедическими сведениями, особенно, когда речь идет о словах, называющих реалии прошлого, например, *ДАБА*. *Дешёвая китайская бумажная ткань, похожая на кумач*; *КОЛОДА*. *1. Гроб, выдолбленный из одного дерева*; *МЕХОНОША*. *Лицо, которое носит мешок с провизией, товарами и т.д. за своими товарищами*; *КАНОНАРХ*. *Время канонарха – пения, текст которого произносится громко и с речетативом*.

В редких статьях анализируемого словаря представлены этимологические справки, как правило, касающиеся иноязычных слов, например: *ракалья* – ‘негодяй, подлец’ (< фр. *gacaille* – ‘сволочь’); *херр* ‘господин’ (< нем. *Herr*); *кирелейсон* – ‘господи, помилуй’ (греч.) – последняя этимология, помимо указания на язык-источник, сопровождается замечанием: «от этого слова в русском языке образовалось

слово *куролесить* ‘проказничать’» [6, с. 142]. В отдельных случаях этимон заимствования представлен в самой иллюстрации: «*БУРИМЭ. Стихи, написанные на заданные рифмы. // Чем же они занимались? Задавали друг другу рифмы (bouts-rimes)*» [6, с. 38]. Отмечены также примеры, когда этимологические сведения подаются в связи с калькированным русским словом, проливая свет на особенности его образования: «*БЕСШТАННИК. Французский революционер, санкюлот (< фр. sans-culottes ‘без штанишек’)*» [6, с. 27].

В тех случаях, когда значение слова ощутимо расходится с современным, автор устанавливает семантическую мотивированность слова на основе реконструкции отношений словообразовательной производности. Например, в статье ВОСХИЩЕННЫЙ, которое семантизируется как ‘взятый, схваченный’, в скобках составитель замечает: «от *восхитити* – ‘взять, схватить’».

В качестве заголовочного, как показывает анализ, может выступать не только отдельное слово, но и фразеологическая единица, например *аерное нестроение* ‘бурная дождливая погода’, *взяти на щит* ‘захватить в качестве военной добычи’, *геона огнена* ‘ад’, *заходити роте* ‘давать клятву’, *ков ковати* ‘строить козни’, *поляницы украинныя* ‘удальцы из пограничных земель’, и многие другие. Исследование фразеологических единиц в исторических словарях лингвистами рассматривается как перспективное (см. подробнее [7]). В частности М.В. Пименова полагает в связи с этим, что, в отличие от современных фразеологизмов, древние устойчивые единицы наделены «общей семантикой, отражающей средневековую форму ментальности – ментализацию, связанную с разработкой объема понятия» [7, с. 144]. При этом лингвист ориентирует на типологию устойчивых единиц, учитывающую денотативную соотнесенность единиц языка, отмечая спорадическое использование их в лексикографических изданиях.

Подобные устойчивые конструкции включены и в «Словарь...» Е.С. Отина, например оборот, представленный двумя однокоренными лексемами, на основе которых сформировано новое переносное значение: *ков ковати* – ‘строить козни’, или выражение, образованное повтором лексемы, имеющей один денотат: *в роды и роды* – ‘из поколения в поколение’. Среди фразеологических единиц, включенных в реестр, присутствуют и собственно фразеологизмы типа *препоясати чресла* в значении ‘приготовиться идти в путь или к чему-то’; *руку прикласти* со значением ‘подписать’. Имеют место и устойчивые обороты, которые «называют один денотат, находящийся в определенном отношении к другому» [7, с. 144]: *белая рыбаца* – ‘лосось’, *ветляное древо* – ‘ива’, *вечное петье* – ‘заупокойные молитвы’. Одной из древних моделей фразеологических единиц является модель, фиксирующая уподобление одного денотата другому: *сбити акы в мяч*, т.е. ‘тесня со всех сторон, сбить противника в беспорядочную толпу’. Представлены в материале словаря и так называемые парные именованья, закрепляющие тот факт, что на основе двух денотатов создается новый: *Соддомы и Гоморры* в значении ‘очаги разврата’. Наконец, в лексикографическом труде автор приводит словарные статьи, в заглавие которых вынесены выражения, близкие к паремиям. Вот некоторые из них: *Куды ходил плуг, и соха, и коса, и топор* – на клишированный характер этого выражения указывает дефиниция ‘формула, определяющая пределы владения’ [6, с. 159]; *Подавай, Бог, ноги* – ‘помоги убежать’ [6, с. 253]. В отличие от больших исторических словарей, фразеологические единицы в «Словаре...» Е.С. Отина помещены в отдельные словарные статьи.

Как уже было замечено выше, в словаре нашли отражение процессы варьирования лексики, что было проблемой, прежде всего, для лексикографической практики XVII–

XVIII вв. В целом варианты представлены автором в пределах одной статьи. При этом присутствуют большей частью варьирующиеся единицы **фонетического** характера, например *Атцкий* (вариант *отцкий*) (слово **вариант** при этом использовано только при первом употреблении, в дальнейшем они подаются через запятую), *Ифир, ефир; Кафар, кафир; Пегва, тигва; Рабичич, рабичиц и др.* Примечательно, что некоторые вариативные формы зафиксированы только в данном словаре. Так, слово *рыцарь* отмечено не только в типичной др. - рус. форме *рыдель* но и в вариативной – *рыдер*, прямо восходящей к ср.- нж.-нем. *ridder* [10, III, с. 527]. Форма же *рыдер* не отмечена ни в одном из исторических лексикографических изданий. Даже в наиболее полном словаре XI–XVII вв. присутствует только лексема *рыдель* [8, с. 274].

Имеют место в труде Е.С. Отина и **грамматические варианты**. В частности, лексема *коробья* (ж.р.) отмечена как вариант к собир. *коробье* (ср. р.) [6, с. 150]; *поземля, позем* [6, с. 258]; *ямо, яможе* [6, с. 393]; *дафний, дафния* [6, с. 78] и др. Правда, обращает на себя внимание тот факт, что варианты даются через запятую в пределах одной словарной статьи не всегда последовательно – иногда они при полностью совпадающих значениях фиксируются в разных статьях, как, например *отень* [6, с. 233], *отечный*, [6, с. 233] *отий* [6, с. 234], переведенные как *отцовский*; или словообразовательные варианты *позор* и *позорище* [6, с. 258] в значении ‘зрелище’. В разных же статьях представлены и вариативные единицы *мочило* и *мочидло*, хотя следует отметить, что значение лексемы *мочило* шире, чем *мочидло*, так как, помимо совпадающего значения ‘яма, залитая водой’, имеет дополнительный смысл ‘пруд’ [6, с. 181]. Иными словами, многозначные лексемы, совпадающие только в одном из значений, автор размещает в разных словарных статьях.

Представлена в словаре и лексическая вариантность, которая предполагала использование одной лексемы вместо другой в процессе обозначения одного и того же понятия, конечно, при условии, что речь идет о языке приблизительно одного хронологического среза. Особенно это заметно на примере специальной лексики, включенной в словарь. В частности, наименование горячки, лихорадки номинируется двумя лексемами, иллюстрации к которым датируются концом XVII – началом XVIII в., ср: *ворогуша* [6, с. 57] и *огневая* [6, с. 218]; а геморрой получил наименования *емморойдес* (заимствование) [6, с. 198], *чечуйная (болезнь)* – слово народной лексики [6, с. 386], а также обозначен синонимичным сочетанием *болезнь в задку* – все три номинации функционировали в конце XVI – начале XVII в.; понятие желудок передается лексемами *стомах* и *сырица*. При этом отсылочные пометы отсутствуют, что в определенной степени облегчает пользование словарем.

Использование лексических вариантов, или синонимов, характерно и для других областей лексики словаря, ср. обозначение понятия польнь: *евшан и пельмь*; петух – *кур и петел*; живописец называется *писец* и *образописец*; багряница – *прапруд* и *порфира* и др.

По составу реестровой части данного труда можно составить представление о способах формирования определенных тематических групп различных частей речи в русском языке, например с помощью словообразовательных суффиксов – суффиксация всегда была основным способом образования новых слов в славянских языках. Так, в словаре активно представлены существительные с суффиксом **-ищ(е)**, восходящем к древнему ***-iskjǫ**, со значением места нахождения чего-л.: *блудилище* – ‘публичный дом’, *буевище* – ‘высокое открытое место’, *вителище* – ‘жилище’, *городище* – ‘укрепленный городок’, *нырище* – ‘развалины’, *поприще* – ‘место состязаний’, *спалище* – ‘могила’ и др. Привлекает внимание и обширная группа отадективных имен

существительных, оформленных суффиксом **-иц(а)** или **-ниц(а)** с различными словообразовательными значениями: *багряница* – ‘одежда из ткани багряного цвета’, *блистаница* – ‘лампада’, *денница* – ‘утренняя звезда’, *дробница* – ‘бляхи для украшения ткани’, *ложница* – ‘спальня’, *ручница* – ‘пищаль, ружье’, *умывальница* – ‘рукомойник’ и т.п. Отражено здесь и глагольное образование, для которого характерен, прежде всего, приставочный способ. Например, зафиксировано 27 глагольных форм с приставками **раз-/рас-**: *разверзати*, *развякаться*, *разгузынитись* (рассердиться), *разлететься*, *распуцатиться* (таять) *рассулити* и пр.

Рассматриваемый словарный труд интересен и в когнитивном аспекте. Известно, что языковые единицы рассматриваются как отражение определенных пластов человеческого опыта, зафиксированного в языке, как передача знания о мире. Лексика словарного труда при этом фиксирует понятийную картину мира носителей языка, обобщает их ментальный опыт. Словарные же единицы содержат не только сугубо лингвистическую информацию, но и экстралингвистическую, фоновую, закрепляющую представления людей об окружающей действительности. Так, в рассматриваемом «Словаре русского языка X-XVIII веков», например, нашли отражение этикетные формулы русичей: «*БАТКА. Как обращение к старшему (этикетное слово)*» [6, с. 21]; «*ГОЙ ЕСИ. Приветствие с пожеланиями здоровья*» [6, с. 70]; «*ЗДРАВСТВУЙ. Будь здоров (пожелание здоровья в современном языке утраченное, так как стало в нем приветствием)*» [6, с. 114]; «*БЕЛЫЙ ЦАРЬ. Название московского царя в обращении к нему восточных народов*» [6, с. 25]. Присутствуют среди клишированных выражений и обценные: «*РАСТАКУ МАТЬ. Растакую мать (ругательство)*». Наличие кратких комментариев в скобках отражает динамику функционирования слова в языке, что характерно для исторических словарей.

После знакомства с анализируемым словарным трудом пользователь узнаёт о кулинарных предпочтениях русичей и образе их питания – национальных блюдах и напитках: «*ИКРЯНИК. Кушанье, приготовленное из муки и икры; блины или пирог*» [6, с. 128]; «*КУНДУПЦЫ. Вареники с говядиной в подливке*» [6, с. 159]; «*ЛЕВАШНИКИ. Сдобные пирожки с ягодами или вареньем*» [6, с. 163]; «*СЫЧЕНОЕ ПИВО. Мёд, заведенный на солоде*» [6, с. 348]; «*ПИТИЕ. Хлебный напиток*» [6, с. 248] и др. Читатель получает также представление о том, как одевались наши предшественники, какую одежду, обувь, головные уборы носили: *луда* ‘плащ, верхняя одежда’, *котыга* ‘вид мужской верхней одежды’, *подубрусник* ‘кокошник’, *ичетыги* ‘полусапожки на жесткой подошве, надеваемые на босу ногу’, *волосник* ‘женский головной убор’. В сферу нашего внимания попадают игры и праздники русичей: *маряж* ‘ныне забытая игра в карты’, *зернь* ‘игра в кости’, *русальи* ‘весенний языческий праздник у славян’.

Заключение. В заключение необходимо отметить, что все вышеизложенное не только свидетельствует о безусловной ценности труда Е.С. Отина и дает представление о настоящем ученом-лексикографе, но и открывает новые перспективы исследования языка наших предков. В частности, заслуживает внимание проблема систематизации лексики словаря в аспекте концептуализации, подробное рассмотрение ее как обобщение ментального опыта русичей. Кроме того, дальнейшей детальной разработки, как представляется, требует и фразеологическая часть «Словаря русского языка X–XVIII веков», например критерии выделения устойчивых единиц языка указанного периода, их типология, специфика интерпретации в историческом словаре и пр.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дубичинский В.В. Лексикография русского языка: учеб пособие / В.В. Дубичинский. – М.: Флинта, 2008. – 432 с.
2. Исаев М.А. Толковый словарь древнерусских юридических терминов. От договоров с Византией до уставных грамот Московского государства / М.А. Исаев. – М.: Спарк, 2001. – 119 с. – ISBN 5-88914-167-8.
3. Козырев В.А. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший: монография / В.А. Козырев, В.Д. Черняк. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб. Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2015. – 631 с.
4. Кузнецова И.Е. Учебные словари первой половины XVIII века и европейская лексикографическая традиция / И.Е. Кузнецова // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium: сб. науч. трудов. – Гродно: ГрГУ, 2013. – С. 50–54.
5. Магомедова П.А. Основы русской лексикографии: Учебное пособие / П.А. Магомедова. – Махачкала, 2012. – 217 с.
6. Отин Е.С. Словарь русского языка X-XVII веков / Е.С. Отин. – Донецк: Юго-Восток. – 2014. – 436 с.
7. Пименова М.В. Исторический словарь устойчивых единиц: проблемы и перспективы / М.В. Пименова // Современные проблемы лексикографии: Материалы конференции / отв. ред. О.Н. Крылова; Ин-т лингв. исслед. РАН. – СПб.: Нестор-История, 2015. – С. 144–145.
8. Словарь русского языка XI-XVII вв. – Вып.22. / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – М.: Наука, 1997. – 298 с.
9. Теркулов В.И. Последний словарь Е.С. Отина. Рец. на книгу: Отин Е.С. Словарь русского языка X-XVIII веков. – Донецк: Юго-Восток, 2014. – 436 с.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т.. – Т. III. – М.: Прогресс, 1987. – 832 с.
11. Чернышева М.И. Русская историческая лексикография / М.И. Чернышева // Славянская лексикография: международная коллективная монография / Отв. ред. М.И. Чернышева. – М.: Изд. центр «Азбуковник», 2013. – С. 615–645.

Поступила в редакцию 09.11.2022 г.

DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE X–XVIII CENTURIES BY E.S. OTIN IN DOMESTIC LEXICOGRAPHY

N.E. Kasyanenko

The article deals with the lexicographic and linguistic features of Dictionary of the Russian Language of the 10th–18th centuries by E. S. Otin. The scope of the dictionary and its composition, sources and structure of the dictionary entry are considered, as well as ways of words semantization and variance. A special attention is paid to onomastic vocabulary included in the dictionary. The dictionary cognitive features are touched upon. The dictionary under analysis is identified as a historical, educational, translational, and explanatory one.

Key words: historical lexicography, historical dictionary, X-XVIII centuries, E.S. Otin.

Касьяненко Наталья Евгеньевна.

Кандидат филологических наук, доцент.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Доцент кафедры общего, славянского и
прикладного языкознания имени Е.С. Отина.
E-mail: kasyanenko_natusya@mail.ru

Kasyanenko Natalia Evgenievna.

Candidate of Philology, Associate Professor.
Donetsk National University.
Associate Professor at Department of General, Slavic
and Applied Linguistics named after E.S. Otin.
E-mail: kasyanenko_natusya@mail.ru

УДК 81`373.2

ПОВЕСТЬ М.П. ПОГОДИНА «АДЕЛЬ» В СВЕТЕ ОНОМАСТИКИ

© 2022 И.В. Логвинова

ГБОУ ВО «Московский государственный институт музыки им. А.Г. Шнитке»

В статье проанализированы поэтонимы в повести М.П. Погодина «Адель» (1830). Анализ поэтонимов *Адель* и *Дмитрий* дает понимание скрытого смысла произведения: противопоставления героев на уровне их принадлежности к высшему обществу. Любовь Адели и Дмитрия была обречена на трагический конец, в том числе и потому, что Адель принадлежала к благородному роду, а Дмитрий – выходец из простонародной среды. Поэтонимы показывают этот скрытый смысл как один из факторов трагического исхода, глубокий, не лежащий на поверхности, но немаловажный.

Ключевые слова: М.П. Погодин, повесть, поэтонимы, ономастика, русская литература XIX в.

Насколько нам известно, о поэтонимах в повести М.П. Погодина «Адель» (1830) исследований нет. Повесть подробно рассмотрена во вступительной статье М.Н. Виролайнен [2], в статье С.М. Козловой и М.А. Зиминной [5], в исследовании Е.В. Замятиной [3]. Некоторые из аллюзий объяснены у Н.П. Барсукова [1]. М.Н. Виролайнен называет повесть «Адель» генетически родственной типу романтической повести о художнике [2, с. 8]. С.М. Козлова и М.А. Зимина отмечают романтические черты повести и рассматривают набор имен: «Опыт сознания героя – преимущественно книжный, в нем воспроизводится постоянный набор чтения русского романтического писателя: немецкие поэты Шиллер, Гете; французские просветители г-жа Сталь, Руссо; В. Скотт, Байрон, Жуковский, Карамзин; кумир романтиков Шекспир; история отечества и описания великих деяний Александра Македонского, Наполеона; философия Гердера, Шеллинга; эзотерика Оккама (Окена)» [5]. При этом имена не рассматриваются исследователями как поэтонимы, они анализируются как круг чтения главного героя, образ его эрудиции. Контраст с его образованием и эрудицией составляет его положение в обществе, не дающее рассчитывать на брак с Аделью: «Дмитрий принадлежит к бедному разорившемуся дворянству, служит домашним учителем юной аристократки, наблюдает из «уголка» блестящую жизнь высшего света, которая повергает его в «адский» «ужас и трепет», бранит «предрассудки» толпы, с точки зрения которой бедному просить руки богатой наследницы, уже предназначенной отцом «графу Н.», – сумасшествие» [5]. Анализируя эти лежащие на поверхности образы, исследователи видят только одну сторону конфликта: героиня выше героя по положению в обществе, хотя по эрудиции они сходны.

Повесть «Адель» упоминается также в исследованиях, посвященных в целом романтической повести¹³. В основном исследованы мотив безумия, образ сада и т.д.

¹³ См.: Манн Ю.В. Поэтика русского романтизма (М., 1976); Грихин В.А. Русская романтическая повесть первой трети XIX века (Русская романтическая повесть. М., 1983); Иезуитова Р.В. Пути развития романтической повести (Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра. Л., 1973); Канунова Ф.З. Эстетика русской романтической повести (А.А. Бестужев-Марлинский и романтики-

Однако если обратиться к семантике имен, в повести обнаруживаются глубинные смыслы, которые не видны при анализе мотивов. Об этом и пойдет речь в нашей статье.

Поэтонимы в произведении являются не случайными единицами. В.М. Калинин пишет, что автор, выбирая имя для персонажа, «так или иначе учитывает, более того, в ы н у ж д е н у ч и т ы в а т ь либо собственно языковые факторы, либо свойства имени к языку не относящиеся, которые, как мне кажется, позволительно условно “расположить” в пространстве, определяемом модным сегодня литературоведческим понятием “внеаходимость”. И если последние (неязыковые) поэтонимологическими “сетями”, скорее всего, “не уловить”, то языковые (этимологические, словообразовательные, морфологические, фоносемантические и т. д.) сквозь “ячейки” лингвистического анализа “не проскочат”. Именно язык произведения может стать ключевым параметром при отнесении изображённого к категории героя, *персонажа* или *действующего лица*. Этими литературоведческими понятиями пользуются и поэтонимологи» [4, с. 199]. При этом интересно применить лингвистическое исследование поэтонимов к литературоведческому анализу. В.М. Калинин задается вопросом, принесет ли такая попытка пользу, но в любом случае, как он отмечает, «она поможет точнее определиться с собственным “хозяйством” поэтонимологии. <...> В рабочем порядке я уже давно предлагаю, анализируя поэтику собственных имён, отделять “героев” от “персонажей”, а “действующих лиц” от “упоминаемых”. Под упоминаемыми имею в виду лиц, имеющих лишь косвенное отношение к действию в произведении. Кроме того, в художественном произведении собственные имена могут использоваться в “фигуративных” целях, т. е. не быть ни действующими, ни упоминаемыми лицами. Героев, конечно, можно (нужно ли – для поэтонимологии пока вопрос) разделить на главных и второстепенных, персонажей таким же образом разделить на связанных с развитием основной сюжетной линии и обслуживающих вспомогательные линии сюжета. В любом случае дихотомия *герой / персонаж* (*имя героя / имя персонажа*) в языковом плане обязательно проявится. Другая дихотомия *действующее лицо / упоминаемое лицо* непременно актуализируется в характере повествования, в степени участия “лица с именем” в описываемых событиях. А сопоставление средств номинации (в том числе, собственных имён) позволит увидеть различия, если таковые существуют» [4, с. 200–201]. Таким образом, если принять деление имен персонажей на действующих и упоминаемых, то можно при анализе повести «Адель» принять за основные два поэтонима – Адель и Дмитрий. Это главные герои повести, ее действующие лица, не считая безымянного рассказчика, обнародовавшего дневник Дмитрия. Упоминаемыми лицами служат имена писателей и поэтов, художников, о творчестве которых главный герой беседует со своей возлюбленной, или художник Карло Дольче, картины которого блекнут рядом с красотой Адели. Поэтому сосредоточимся на анализе поэтонимов Адель и Дмитрий.

Имя Адели Н.П. Барсуков связывает с лирической героиней стихотворения А.С. Пушкина «Адель» [1]. Повесть посвящена О.С. А-вой. (Аксаковой) Ольге Семёновне, с которой он гадал о княжне, и Ольга Семеновна ему сказала, что нужно больше заниматься своей сферой деятельности. И когда вновь приехала княжна из Петербурга, то Погодин увидел, что она к нему охладела. Он ездил потом снова в Знаменское, читал княжне Шлегеля, экзаменовал ее, но не забывал, что она к нему охладела. В Дневнике он писал, что очень вовремя познакомился с Аксаковыми, и что

беллетристы 20-30-х годов XIX в.) (Томск, 1973); Кожуховская Н.В. Эволюция чувства природы в русской прозе XIX в. (Сыктывкар, 1995).

ему нужен был человек, которому он мог доверить свои любовные страдания, и таким человеком стала Ольга Сергеевна, и потому он посвятил ей повесть. М.П. Погодин был увлечен княжной Александрой Трубецкой, и это ее он вывел под именем Адель. Ей читал стихотворение Пушкина «Адели».

А. Немзер в примечаниях к повести «Адель» пишет, что «прототипом героини послужила княжна Александра Ивановна Трубецкая, домашним учителем которой был Погодин; в образе Дмитрия соединены черты самого Погодина и его рано умершего друга, лидера московских Любомудров, поэта Дмитрия Владимировича Веневитинова (1805–1826), как и Погодин, влюбленного в Трубецкую. Повесть тесно связана с романтическим культом поэта-философа, возникшим после смерти Веневитинова усилиями его друзей» [6]. Однако, прототипы не дают нам всей глубины постижения смысла повести. Можно перечислить ряд имен: Лже-Дмитрий, Дмитрий Самозванец, царевич Дмитрий (этот образ Погодина очень занимал как историка). Трагедия Сумарокова «Дмитрий Самозванец». Дмитрий Донской. Помещик Дмитрий Ларин в «Евгении Онегине». Дмитрий Веневитинов. Интересно понять, что имел в виду автор, называя своих персонажей Дмитрием и Аделью, и какую роль это играет в произведении.

Рассмотрим этимологию каждого имени. Происхождение имени Дмитрий связано с именем древнегреческой богини земли и плодородия Деметры. Имя Адель европейское и означает «благородная», «знатная». Интересно, что оба имени, таким образом, соответствуют социальному положению героев: он бедный помещик, она – знатная дама.

Если развить мысль далее, то можно говорить о философском смысле повести Погодина: может ли благородство найти счастье в земном? Антитеза благородного, поэтического и земного, страстного. Страсть исходит от земного, от Дмитрия. Благородная Адель, как и положено благородству, спокойна и достойна. И даже смерть ее представлена как возвращение в горнюю обитель: «Казалось, она встретила смерть, думая не об земле, которую покидала, а об небесном отце, пред которого предстать готовилась» [7, с. 284]. Дмитрий же умирает в страсти, схватив лежащую в гробу подружку и восклицая: «Адель... к тебе» [7, с. 285]. И мысли его о счастье земные, одетые яркими красками: «И собою она прелесть! – В ее темно-голубых глазах какая доброта, кротость!» [7, с. 266]. Все ее мысли о Евангелии, все его мысли – о ней. Когда мы смотрим на повесть Погодина с такой точки зрения, то замечаем, что учет поэтонимосферы придает литературоведческому анализу стройность, подводит под него философское основание: антитеза земного, плотского и небесного, благородного, поэтического. Имея в виду эту антитезу, мы глубже понимаем смысл повести.

Таким образом, рассмотренная в свете ономастики повесть Погодина «Адель» предстает в ином свете, нежели в свете только анализа образов и мотивов. Образы и мотивы глубже понимаются исследователем, когда он анализирует поэтонимы, разъясняет для себя их смысл и соотношение в тексте. Так, в повести Погодина поэтонимы Адель и Дмитрий оказываются важными для глубокого понимания смысла антитезы, лежащей в основе: земное и небесное. Понимая весь сюжет повести сквозь призму противостояния земного и небесного, мы иначе воспринимаем и образы, и мотивы. Например, выясняем, что вся повесть строится на этом контрасте земного и небесного, и трагедия в несоединимости этих двух начал.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина : [с приложением подробного указателя ко всем 22 книгам] / Н.П. Барсуков. – СПб.: А.Д. и П.Д. Погодины, 1888–1910. – 24 см. Кн. 2. – 1889. – VIII, 420 с.

2. Виролайнен М.Н. Молодой Погодин / М.Н. Виролайнен // М.П. Погодин. Повести. Драма. – М.: Сов. Россия, 1984. – С. 3–18.
3. Замятина Е.В. Образ сада в повестях М.П. Погодина «Сокольницкий сад» и «Адель» / Е.В. Замятина // Молодой ученый. – 2011. – № 5 (28). – Т. 2. – С. 12–15. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/28/3256/> (дата обращения: 27.01.2023).
4. Калинин В.М. Как в русской литературе онимы превращались в поэтонимы? / В.М. Калинин // Филологические исследования. – Вып. 15. – 2016. – С. 196–211.
5. Козлова С.М. Метафорический образ безумия в повести М.П. Погодина «Адель» / С.М. Козлова, М.А. Зимина // Филология и человек. – 2009. – № 4. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/metaforicheskiy-obraz-bezumiya-v-povesti-m-p-pogodina-adel> (дата обращения: 27.01.2023).
6. Немзер А. Примечания к повести М.П. Погодина «Адель» / А. Немзер // Русская романтическая новелла / Сост., подготовка текста, вступ. статья и примеч. А. Немзера. – М.: Худож. лит., 1989. – 384 с. – Режим доступа: https://az.lib.ru/p/pogodin_m_p/text_0020.shtml?ysclid=lfzs0c9zpg639178698 (дата обращения: 02.04.2023).
7. Погодин М.П. Повести. Драма / М.П. Погодин. – М.: Сов. Россия, 1984. – 432 с.

Поступила в редакцию 03.12.2022 г.

ONOMASTICS OF STORY “ADELE” BY M. P. POGODIN

I.V. Logvinova

The article addresses the poetonyms in the novella "Adele" by M.P. Pogodin (1830). The analysis of the poetonyms Adele and Dmitri gives an insight into the hidden meaning of the work, i.e. the juxtaposition of the characters' different social status. Adele and Dmitri's love was doomed, also because Adele belonged to a noble family, and Dmitri was a commoner. Poetonyms express this hidden meaning as a deep and important factor of the tragic outcome.

Key words: M.P. Pogodin, novella, poetonyms, onomastics, Russian literature of the XIX century.

Логвинова Ирина Владимировна.

Кандидат филологических наук, доцент.

ГБОУ ВО «Московский государственный институт музыки им. А.Г. Шнитке».

Кафедра философии, истории, теории культуры и искусства.

E-mail: Lo-grina@yandex.ru

Logvinova Irina Vladimirovna

Candidate of Philology, Associate Professor.

Moscow State Institute of Music named after A. Schnittke.

Department of Philosophy, History, Theory of Culture and Art.

E-mail: Lo-grina@yandex.ru

УДК 811.161.1'37

ТИПОЛОГИЯ ОНИМОВ В СФЕРЕ РОССИЙСКИХ ВООРУЖЕНИЙ

© 2022 Т.П. Романова

ФГАОУВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва»

Статья посвящена исследованию типологии собственных наименований видов российского оружия в исторической ретроспективе. В составе номинационного поля российских вооружений исследовано три типа онимических подсистем: индивидуальные собственные имена артиллерийских орудий XVI в.; современная система официальных номенов серийных вооружений, включающая общевойсковые буквенно-цифровые индексы и словесные наименования; а также неофициальные прозвища военной техники периода Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: хрематонимы, прозвища, прагматонимы, словесные наименования видов российского оружия.

Введение. Новизна и актуальность рассматриваемой темы связана с тем, что типология собственных наименований российского оружия, составляющих единое онимическое пространство, не исследована в прагмалингвистическом аспекте.

Вербальные знаки, индивидуализирующие виды серийных российских вооружений, находятся на крайней периферии онимического поля. Специального общепризнанного термина, который объединял бы все их разновидности, пока нет.

Уникальные неодушевленные предметы, представляющие для человека особую ценность, в том числе личное оружие, А.В. Суперанская предлагает называть хрематонимами [16, с. 190]. Н.В. Подольская уточняет термин хрематоним как разновидность прагматонимов – категории имен собственных, имеющих «денотаты в практической сфере деятельности человека, связанные с практикой, с предметной областью» [12, с. 110].

По отношению к средствам вооружения в современной лингвистике используются эти термины, включающие и другие виды объектов номинации. Так, Н.С. Шарафутдинова для онимов военной техники использует термин прагмоним, синонимичный прагматониму [18]. С.С. Буркова номинации современного российского оружия называет прагматонимами, номенами и словесными наименованиями [2]. А.М. Амиров, описывая собственные имена, функционирующие в сфере военного медиа-дискурса, не затрагивает сферу вооружений [1].

В популярной прессе процесс создания словесных названий видов оружия называется милитари-нейминг [10]. Соответственно, отдельную номинацию можно назвать милитари-нейм, однако при этом придется считать ее конструктором, специально создаваемым для рекламного продвижения. Что не соответствует российской реальности.

Для собственного имени объекта вооружения вполне мог бы подойти термин «милитарионим», если бы он не был уже закреплен Н.А. Фатеевой за собственными именами военных операций [17].

Я пока не хочу предлагать специального термина для собственных имен российских вооружений, хотя его необходимость очевидна.

Целью моего исследования является изучение типологии имен собственных, составляющих наполнение онимического пространства российских вооружений в

процессе его исторического развития. Фактический материал собран в открытых источниках.

Основная часть. В исторической ретроспективе в составе номинационного поля русского оружия нами выделены три основные онимические подсистемы, отличающиеся типологическими характеристиками:

1. Хремотонимы – индивидуальные собственные имена артиллерийских орудий, которые в России появляются в XVI в., в период правления Ивана Грозного;

2. Неофициальные прагматонимы – народные прозвища военной техники, которые становятся широко употребительны в период Великой Отечественной войны;

3. Официальные прагматонимы – словесные номинации современных серийных русских вооружений, дополняющие буквенно-цифровые общевойсковые индексы (основной танк Т-90 «*Владимир*»), предназначенные для оптимизации процесса коммуникации в профессиональном и информационно-пропагандистском дискурсе.

Исследование типологии собственных наименований русского оружия в исторической ретроспективе онимического пространства России актуально и очень интересно в аспекте выявления национально-культурной специфики номинаций.

1. Собственные имена уникальных артефактов

Традиция называть оружие собственным именем уходит корнями в глубокую древность. История нам доносить собственные имена рыцарских мечей, которые были особенно дороги владельцам, передавались по наследству и нередко считались священными предметами, как, например, *меч Дюрондаля* в «Песне о Роланде» [16, с. 190].

Традиция давать собственные имена отдельным, наиболее ценным артиллерийским орудиям зародилась в средневековой Европе. Так, например, в Германии XIV в. была построена бомбарда очень большого калибра «*Безумная Грета*» (Dulle Griet), с начала XV в. известна «*Ленивая Метта*» (Faule Mette), в Первой мировой войне участвовала «*Большая Берта*» (Dicke Bertha), а во Второй мировой войне – самоходная мортира «*Карл*» [13].

Именные орудия в России впервые появились во времена Ивана Грозного – создателя самой мощной средневековой артиллерии. Исторические документы XVI в. сохранили имена оригинальных русских артиллерийских орудий, сделанных лучшими мастерами, как правило, по высочайшему указу и представлявших собой особенно большую ценность. Первые хремотонимы относятся к 1555 году: литец Кашпир Ганусов изготовил мортиру *пушка Кашпирова*, а Степан Петров отлил мортиру «*Павлин*».

Именные предметы военно-инженерного искусства сегодня стали музейными экспонатами. Так, например, в Артиллерийском музее Санкт-Петербурга представлена осадная пицаль «*Иврог*» (Единорог), сделанная в 1577 году. На казенной части орудия отлита надпись, многие слова которой сокращены под титлами, в том числе подпись под изображением единорога «*и нрогъ*». Содержание надписи можно передать следующим образом: «*Божею милостию, повелением государя царя, великого князя Ивана Васильевича всея Руси, зделана сия пицаль Иврог в лето 7085, делал Ондрей Чохов*» [19]. Использование подтитловых сокращений приближает такие древнерусские тексты к сакральной традиции.

Другие работы Андрея Чохова также имели индивидуальные собственные имена: «*Астид*», «*Троил*», «*Лев*», «*Соловей*» и «*Скоропея*» отлиты в 1590 г., «*Барс*» – в 1597/1598 гг., «*Драгон*» – в 1598/1599 гг., «*Лисица*» – в 1575 гг., «*Царь Ахиллес*» – в 1617 г. В 1586 г. мастер отлил также бомбарду крупнейшего калибра «*Царь*»,

известную сегодня как *«Царь-пушка»*. На стволе орудия помещается конный портрет царя Феодора Иоанновича, высочайшим повелением которого была создана пушка. Орудие *«Волк»* Чохов повторил три раза: в 1577 г., 1579 г. и 1627 г. Кроме него, орудие *«Волк»* позже отливали Иван Москвитин в 1609 г. и Иван Харитонов в 1644 г.

Сохранились также сведения и о других именных орудиях: Семен Дубинин в 1590 г. изготовил пищали *«Медведь»* и *«Свиток»*, в 1591 г. – *«Лисицу»*, в 1610 г. – *«Рысь»*; московский мастер Кузьмин в 1571 г отлил пищаль *«Беркут»*. Кроме этого, известны пищали: *«Перс»*, *«Гамаюн»*, *«Собака»*, *«Ястреб»*, *«Песик»*, *«Ехидна»*.

Все именные орудия имели дизайн, соответствующий номинации. Например, орудие *«Три аспиды»*, скованное из трех труб, украшали три змеиные пасти. Про мортиру *«Аспид»* документы сообщают: *«На дульной части имеется литое рельефное изображение чудовища в виде крокодила с извивающимся хвостом и с человеческими головами в лапах. Внизу надпись: «Аспид»* [19].

Стволы именных орудий украшали фигурные орнаменты и барельефные изображения фантастических существ, животных и птиц, реде героических воинов, созданные в соответствии с традициями средневековой русской живописи XVI в. Таким образом, орудие воплощало в себе визуальный образ тотемного покровителя – свирепого зверя, чудовища или непобедимого воина, номинация которого переходила в собственное имя артефакта, завершая формирование уникального произведения военно-инженерного искусства и создавая его дополнительную ценность.

Средневековый хрематоним – индивидуальное собственное имя единичного артефакта – служил для вербализации тотемического концепта, реализованного в цельном инженерно-художественном образе орудия.

2. Прозвищная номинация советского оружия

Первоначально в СССР для номинации военной техники использовались только условные индексы, которые были засекреченной информацией. Однако во время Великой Отечественной войны практически безымянные для солдат механизмы получают народные прозвища, заполняющие вербальную лакуну.

Самое известное из них – *«Катюша»*. Эта народная номинация реактивного миномета БМ-13, во многом определившего исход войны, стала прецедентным именем не только в русском языке, но и во многих других языках народов мира.

Существует несколько версий происхождения этого прозвища. Представим наиболее вероятные. Строго секретное до конца войны новейшее орудие обозначалось либо индексом *«К»*, либо описательно: *гвардейский миномет* или же *пушка Костикова* (по фамилии конструктора Андрея Костикова). При соединении литеры *«К»* с номером *13*, получалось – *«ка тринадцать»*. Для стрельбы использовался снаряд М-8, обозначавшийся аббревиатурой *«КАТ»*, расшифровка которой также оставалась секретом (Костикова автоматический термитный) [7]. Эта индексальная номинация вполне могла послужить основанием для преобразования в прозвище миномета имени *Катюша* из популярной еще до войны песни. Кстати, эта песня Матвея Блантера на слова Михаила Исаковского и сегодня относится к числу наиболее ярких национально-культурных символов России.

Поэтический образ простой русской девушки *Катюши* – верной невесты, ждущей домой бойца, который *«землю бережет родную»*, стал восприниматься как собирательный образ всех любящих и любимых женщин, как аллегория Родины. А сам именной миномет превратился в чудесного помощника, незаменимого в ратном деле.

Это прозвище встречается в текстах военных дневников уже в 1941-1942 гг. Так, Андрей Авдеев 11 ноября 1941 г. пишет: *«Ведем по противнику сильный огонь, нам*

помогает «адовка» (Катюша) – прекрасная машина!» [6]. В июле 1942 г.: «Вспыхивают зарницы, артиллерия, жужжат самолеты, иногда освещает полнеба зарево залпов – бьет «катюша» (Лазарь Бронтман) [4]; «Говорили, что нам помогло орудие, называемое "Катюшей", сжигающее все на своем пути <...> По дороге сюда я встретил восемь "Катюш"» (Владимир Гельфанд) [5].

Немецкие войска «Катюшу» боялись, называя ее «*ОргАном Сталина*» (*Stalinorgel*) в соответствии с формой установки и характерным воющим звуком летящих ракет. В работе Н.С. Шарафутдиновой находим примеры и других немецких прозвищ советского оружия устрашающей семантики: «Советский штурмовик времен Великой Отечественной войны, боевой самолет Ил-2 за его живучесть и боевые характеристики называли в Германии: “*Betonflugzeug*” (бетонный самолет), “*Zementbomber*” (цементированный бомбардировщик), “*Schlächter*” (мясник), “*Fleischwolf*” (мясорубка), “*Eiserner Gustav*” (Железный Густав), “*Schwarzer Tod*” (Черная смерть)» [18, с. 334].

А немецкие вооружения, в свою очередь, также получали русские прозвища, однако чаще ласковые и смешные. Так, например, немецкий буксируемый реактивный миномет Nb.W 41 (*Nebelwerfer*) советские солдаты называли «*Ванюшей*», а за характерный звук – «*Ишаком*» или «*Скрипухой*».

Тяжелой реактивной установкой БМ-31 по аналогии с «*Катюшей*» дали прозвище «*Андрюша*». Минометная реактивная установка МАРС по-народному называлась «*Маруся*», гаубица М-30 – «*Матушка*», пушка-гаубица МЛ-20 – «*Емелька*». Тяжелая самоходная артиллерийская установка ИСУ-152 получила прозвище «*Зверобой*», гаубица Б-4 – «*Кувалда*», самолёт Ил-2 – «*Летающий Танк*», истребитель-моноплан И-16 – «*Ишак*», а пикирующий бомбардировщик Пе-2 – «*Пешка*».

У реактивных снарядов также могли быть прозвища: РС (реактивный снаряд), как бы расшифровывая инициалы, называли «*Раиса Сергеевна*», фугасный реактивный снаряд М-30 – «*Иван Долбай*» или «*Лука Мудищев*».

В постсоветский период прозвища вооружений продолжают появляться. Так, например, складной укороченный автомат Калашникова АКС74У называют *Ксюха*, *Ксюша* вследствие схожести аббревиатуры с женским именем Аксинья [9, с. 74–77].

Современные модернизации реактивного миномета БМ-13 получили уже вполне официальные словесные номены: «Град», «Ураган», «Смерч», но при этом неофициально их продолжают называть «Катюшами».

По сравнению с торжественными тотемическими именами средневековых орудий русские фольклорные прозвища имеют совершенно другую стилистику. Простые, ласковые или ироничные, они выполняют фатическую функцию. Давая прозвище «безымянным» видам военной техники, народные номинаторы как будто приручают их, делая их своими помощниками в ратном труде.

Словесная номинация отечественного оружия

В послевоенный период, вероятно, под влиянием процесса глобализации, в сфере профессионального военного дискурса постепенно стали входить в употребление словесные номинации отечественных вооружений. Эта традиция «перекочевала в Советский Союз, скорее всего, с полей Второй мировой, где проходил взаимообмен культур» [5]. Советские солдаты пользовались трофейным немецким оружием, которому давали свои названия. «Также по ленд-лизу СССР получал технику США, которая имела официальные прозвища. Возможно, американская традиция давать имена была позаимствована советскими конструкторами» [8].

Первые собственные имена получали «штучные» и наиболее ценные объекты вооружений, к числу которых относится, прежде всего, ядерное оружие: заряд РДС-3 «Мария», изделие 244Н «Татьяна», тактическая атомная бомба 8У49 «Наташа»; самоходный миномет большого калибра 2Б1 «Ока»; изделие 602 АН602 «Иван» имело также прозвища «Царь-бомба» и «Кузькина мать».

Позже и другие общевойсковые буквенно-цифровые индексы, кодирующие отечественное оружие, начали дополняться вербальными знаками, более удобными в профессиональной коммуникации и при этом сохраняющими секретность.

В течение постсоветского периода область военного дискурса стала открыто освещаться в популярных СМИ. Современные каталоги военной техники «Вооружение.рф» [3] и «Словесные названия российского оружия» [14] включают порядка 5000 вербальных знаков.

Для образования военных онимов используются только слова русского языка, которые могут повторяться у разных видов вооружений: «Бук» – бронированная скрывающаяся пулемётная установка; «Бук» – командная радиостанция; «Бук» – танковый прицел-прибор наведения 1К32; «Бук» – авиационная система улучшения видеоизображений; «Бук» – 9-мм опытный пистолет-пулемёт ОЦ-22. Снабженное дополнительными индексами, одно и то же слово может обозначать модификации вида оружия: зенитные ракетные комплексы 9К317М «Бук-М3», 9К317 «Бук-М2», 9К37М «Бук-М1-2».

Есть ли здесь система, которой подчиняется выбор словесных знаков? Сами военные ее не видят, хотя и пытаются как-то систематизировать лексический состав.

Военный аналитик Константин Сивков заявляет: «Определенной системы присваивания названий не существует. В советское время были такие подходы, когда военной технике давали названия мифических персонажей: „Персей“, например. В зенитной артиллерии и в сухопутных войсках техника получала названия цветов. Боевые корабли шли только по проектам, то же самое касалось и подводных лодок, и самолетов, в названии которых присутствует только индекс КБ и номер разработки.

Сейчас никакой системы нет. Все решается на посиделках, под настроение дают понравившееся название. Так, к примеру, противотанковому комплексу дали название „Корнет“. Это воинское звание в кавалерии Российской императорской армии. Как видим, такое название ничем не обусловлено» [15].

Генерал-полковник Виктор Есин, отмечает, что общественность пытается такие имена, как «Тополь» или «Ярс», к чему-то привязать, в то время как это всего лишь названия опытно-конструкторских работ (ОКР), то есть шифр. Он нужен прежде всего для сокрытия смысла разработки, при этом заводское название уже совсем другое. «Все ОКР, которые проводятся оборонно-промышленным комплексом, сведены в единый реестр, и каждый раз машина случайным образом выбирает название, и потом оно утверждается» [20].

Важно заметить, что, приравнивая словесные номинации вооружений к «шифрам», военный эксперт выделяет такие обязательные для них акустические и семантические параметры, как звучность, удобство при передаче голосом (что важно в условиях плохой связи) и легкая запоминаемость [20].

Исследователь языка С.С. Буркова, изучив массив современных словесных названий боевых единиц российской армии, смогла выявить основные тенденции номинации и проанализировать такие серии именований, как: «антропонимная», «гидронимная», «топонимная», «зоонимная», «фитонимная» и «мифонимная» [2].

С.С. Буркова находит, что словесные названия могут быть даны серийным комплекциям военной техники: 1) в соответствии с первой буквой названия модификации: «Светлана» – аэрофинишёр С-2; 2) посредством образования аббревиатуры: «Нона» – новое орудие наземной артиллерии; 3) по созвучию: радиоприборный комплекс РПК «Ребекка» – по созвучию технической аббревиатуры с женским именем; 4) в честь создателей: танк Т-90А «Владимир» (главный конструктор – Владимир Иванович Поткин); 5) по ассоциативному переносу: имя «Марина» присвоено подводному аппарату.

С.С. Буркова отмечает семантическую связь некоторых групп словесных знаков с сериями вооружений. Так, в «зоонимной» серии для обозначения летательных аппаратов используются названия птиц («Бекас», «Беркут», «Белый лебедь», «Чёрный лебедь»); для боевых единиц ВМФ, а также оружия, применяемого на флоте, – названия водных обитателей («Афалина», «Дельфин», «Касатка», «Кашалот»). Миномёты и артиллерийские установки имеют «фитонимные» названия («Тюльпан», «Василёк», «Акация» и т.д.), что, по мнению автора, «связано с внешним сходством цветущего растения (астры, хризантемы, акации) и огневого потока, производимого одноимённым оружием» [2, с. 27].

В отдельную группу автор выделяет иронические названия: противотанковая ракета «Малютка», авиационный пеленгатор перехвата «Встреча», резиновая дубинка «Аргумент», корабельный гранатомёт МРГ-1 «Огонёк», тяжёлая станция управления Р-410М «Диагноз», автомобиль УАЗ-3150 «Шалун», наручники «Нежность». «В некоторых случаях словесное название оружия указывает на его ключевые особенности: неожиданность действия и возможную реакцию противника (резиновая пуля «Привет», боеприпас «Подкидьш», реактивный снаряд «Волнение»), размер оружия (малогабаритный пистолет «Мальш»), потенциального адресата (женский пуленепробиваемый бронежилет «Грация»)» [2, с. 28].

На основании проведенного нами прагмалингвистического анализа словесных наименований современных российских вооружений, можно сказать, что рассматриваемое номинативное поле включает лингвистические единицы, отличающиеся особым набором характеристик, проявляющихся на фонетическом, графическом, словообразовательном, стилистическом и семантическом уровнях языка. Представим выявленные нами наиболее значимые параметры военных онимов:

1. **Краткость.** Все онимы – краткие однословные номинации (1-3 слога).

2. **Благозвучие.** Артикуляционная простота и акустическая ясность онимов обеспечивается гармоничным сочетанием гласных и согласных фонем, отсутствием труднопроизносимых сочетаний, включением сонорных согласных, придающих звучность («Град», «Орлан», «Алмаз»).

3. **Кириллица.** В графическом оформлении используется только кириллический алфавит, кроме номинаций оружия иностранного производства.

4. **Семантический способ образования.** Используются преимущественно способы семантической онимизации или трансонимизации; очень редко – аббревиация, причем только акронимного типа (НОНА); практически отсутствует словосложение, суффиксация, усечение, сращение и другие способы образования, связанные с изменениями структуры слова.

5. **Языковая игра на уровне семантических тропов.** Образная номинация происходит в основном за счет метафоризации, метонимизации или символизации. В результате получают специфические, «по-мужски» простые и конкретные формы

наименований, образный смысл которых зависит от выбора называющего слова («Солнцепёк», «Лягушка», «Фара», «Сармат»).

6. **Стилистически нейтральная лексика.** Большая часть слов, образующих онимы, в составе корпуса русской лексики нейтральна и относится к сферам преимущественно «мирной» семантики: «Ласточка», «Шмель», «Оса», «Герань», «Иноходец», «Утёнок», «Пенициллин», «Пионер», «Интриган», «Ирония», «Сумрак».

7. **Ироничная тональность номинации.** Целенаправленно создаваемая ирония онимов возникает в результате ономаσιологической несочетаемости «мирной» семантики этимонов с «военными» денотатами: штурмовой бронезилет «Шушун», БПЛА «Проня» и «Отшельник», маскировочный костюм «Оборотень», реактивные снаряды «Абзац» и «Абрикос», система записи телефонных разговоров «Незабудка». Интересно, что Е.С. Отин отмечал непреднамеренную ономаσιологическую несочетаемость в эргонимии как нежелательное явление (прачечная «Радий») [11, с. 123], однако в сфере военной прагматонимии ономаσιологический оксюморон является приемом языковой игры. Ироничность словесной номинации российского оружия можно считать национально-культурной особенностью.

8. **Патриотичность номинации.** Многие онимы включают ценностные маркеры картины мира россиянина, который любит свою Родину. Так, для номинации оружия нередко используются историзмы и архаизмы («Булава», «Воевода», «Гусар», «Молодец», «Печенег», «Пицаль», «Редут»); российские топонимы («Байкал», «Волга», «Дон», «Сибирь», «Тунгуска», «Ямал»); названия из мира отечественной природы («Береза», «Бук», «Клюква», «Тополь», «Лесочек», «Поле», «Медведь», «Москит», «Рысь»); номинации атмосферных явлений («Буря», «Вьюга», «Метель», «Снежинка»); личные имена («Ваня», «Иван», «Мария»); имена лиц и названия предметов из сферы традиционной национальной культуры («Илья Муромец», «Руслан», «Пересвет», «Буратино», «Чебурашка», «Гармонь», «Ладья»).

Выявленные нами прагмалингвистические параметры словесных номинаций российского оружия обеспечивают им функциональное удобство в профессиональной и общественно-политической коммуникации. Прежде всего, обращает на себя внимание фонетико-акустическая и семантическая простота словесных номенов, а также их принципиальная неописательность. Это особая сфера патриотического русского нейминга, где все названия образуются только от слов русского языка, оформляются в кириллической графике и несут в себе патриотические коннотации.

В популярных текстах масс-медиа военные прагматонимы могут выполнять в том числе и рекламную функцию, хотя появляются в среде разработчиков технических образцов оружия, а не разрабатываются маркетологами как бренд-неймы с целью рекламного продвижения. Здесь нет никаких билингвальных и биграфемных номинаций, а также других словообразовательных изысков, которые составляют тренды современного рекламного бренд-нейминга.

Рассмотренный нами состав современных словесных номинаций в целом отражает ДНК бренда российского оружия: силу, точность, скорость, надежность и смелость российского воина, которая проявляется в ироничном отношении к противнику.

Заключение. Выделенные нами в истории номинации российского оружия три типа собственных имен объединяет прагматическая направленность:

1. Индивидуальные собственные имена средневековых артиллерийских орудий, авторских произведений военно-прикладного искусства являются вербальным выражением концепции орудия и создают его дополнительную ценность.

2. Видовые прозвища военной техники, возникающие в результате народной номинации практически безымянных технических изделий, заполняют вербальные лакуны, приближая оружие к человеку.

3. Прагматонимы – словесные номены современных российских вооружений, представляющие собой дополнительную вербальную маркировку серийных боевых единиц, имеющих общевоинские буквенно-цифровые индексы, делают коммуникацию в профессиональной и общественно-политической сфере общения более удобной.

Рассмотренное нами онимическое поле российского оружия эволюционирует от тотемной номинации средневековых орудий и антропоморфизма фольклорных прозвищ периода Великой Отечественной войны к условной символичности современных прагматонимов, неизменно отражая ценностную картину мира россиянина на всех этапах отечественной истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амиров А.М. Функционирование ономастических единиц в милитарном дискурсе / А.М. Амиров // Вопросы ономастики. Екатеринбург, 2021. – Т. 18. – № 1. – С. 237–250.
2. Буркова С.С. Этимология словесных названий российского вооружения / С.С. Буркова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2021. – № 1 (40). – С. 24–28.
3. Вооружение.рф. Каталог военной техники. – Режим доступа: <https://xn--b1agac13aeas4a.xn--p1ai/armaments/?ysclid=lahz86y594587704277> (дата обращения: 25.11.2022).
4. Дневники 1932-1947 гг. Бронтман Лазарь Константинович // ЛитМир: сайт. – Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=106726&p=1> (дата обращения: 25.11.2022).
5. Дневники 1941-1946 годов - Гельфанд Владимир Натанович // ЛитМир: сайт. – Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=57342&p=13> (дата обращения: 25.11.2022).
6. Дневники и воспоминания // Прожито: сайт. – Режим доступа: <https://prozhito.org/notes?diaries=%5B312%5D&offset=25&ysclid=lathc1re9d485350331> (дата обращения: 25.11.2022).
7. История Катюши – оружие победы во время Великой Отечественной войны // Наука. Club: сайт. – Режим доступа: <https://nauka.club/istoriya/istoriya-katyushi.html?ysclid=la9dx90vvq556603990> (дата обращения: 25.11.2022).
8. История названий российского оружия // Оптимист: блог. – Режим доступа: <http://oppps.ru/istoriya-nazvanij-rossijskogo-oruzhiya.html?ysclid=la80xuo29n392514407> (дата обращения: 25.11.2022).
9. Куваев В. Наша «ксюха» / В. Куваев // Мастер-ружьё. – 2003. – № 7 (76). – С. 74–77.
10. Милитари-нейминг – почему у российских вооружений «веселые» названия // Агентство интернет-маркетинга Exiterra.com. – Режим доступа: <https://exiterra.com/blog/marketing-blog/militari-neyming-pochemu-u-rossijskogo-vooruzheniya-veselye-nazvaniya/?ysclid=la81mla5o4695055375> (дата обращения: 25.11.2022).
11. Отин Е.С. Из истории русской эргонимии / Е.С. Отин // Материалы к серии «Народы и культуры». – Вып. XXV. Ономастика. – Кн. I. – Ч. I. Имя и культура. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН. – С. 110–123.
12. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
13. Самые большие, крупнокалиберные, дальнобойные и мощные пушки разных стран // militaryarms.ru: сайт. – Режим доступа: <https://militaryarms.ru/voennaya-texnika/artilleriya/10-samih-znamenitih-artilleriyskih-orudiy> (дата обращения: 25.11.2022).
14. Словесные названия российского оружия // Википедия: свободная энциклопедия. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 25.11.2022).
15. Слободян Е. Кто выбирает названия для российской военной техники? / Е. Слободян // Аргументы и факты. 02.01.2019. – Режим доступа: https://aif.ru/society/army/kto_vybiraet_nazvaniya_rossijskim_vooruzheniyam (дата обращения: 25.11.2022).
16. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1973. – 366 с.

17. Фатеева Н. А. Названия военных событий как особый класс хрононимов / Н.А.Фатеева // Вестник ВГУ. – Серия: Филология. Журналистика. – 2018. – № 2. – С. 57–59.
18. Шарафутдинова Н.С. Прагмонимы в специальной лексике по авиации / Н.С. Шарафутдинова // Преподаватель XX век. Языкознание. – М., 2016. – № 2. – С. 327–336.
19. Широков А. «Зверинец» на царской службе / А. Широков // Мир тесен: сайт. – Режим доступа: <https://civil-war.mirtesen.ru/blog/43852814204/-Zverinets-na-tsarskoy-sluzhbe> (дата обращения: 25.11.2022).
20. Шквал, Ярс и другие: как создаются названия российских ракет // Рамблер. – Режим доступа: https://news.rambler.ru/other/40333322/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 25.11.2022).

Поступила в редакцию 02.12.2022 г.

TYPOLOGY OF ONYMS DESIGNATING RUSSIAN WEAPONS

T.P. Romanova

The article deals with typology of proper names designating types of Russian weapons in historical retrospective. Three types of onymic subsystems have been studied as part of Russian weapons nomination system. Among them are as follows: individual proper names of artillery guns of the XVI century, a modern system of official serial weapons nomens, including combined-arms alphanumeric indices and word designations; as well as unofficial nicknames of military equipment of the period of the Great Patriotic War.

Key words: chrematonym, nickname, pragmatonym, designations of types of Russian weapons.

Романова Татьяна Павловна.

Кандидат филологических наук, доцент.
ФГАОУВО «Самарский национальный
исследовательский университет имени академика
С.П. Королёва».
Доцент кафедры русского языка и массовой
коммуникации.
E-mail: romanovatp@mail.ru

Romanova Tatyana Pavlovna.

Candidate of Philology, Associate Professor.
Samara National Research University named after
Academician S. P. Korolev.
Associate Professor at Department of Russian
Language and Mass Communication.
E-mail: romanovatp@mail.ru

УДК 821.161.1, 82-65, 82-155, 930.2

**М.В. ЛОМОНОСОВ О СВОЁМ ЛИТЕРАТУРНОМ И НАУЧНОМ ТВОРЧЕСТВЕ
(на материале писем И.И. Шувалову)**

© 2022 *Е.В. Суровцева*

*ФГАОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова»,
ОЧУ ВО «Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет им. Феофана
Затворника»*

В статье ставится вопрос о необходимости изучения тематического разнообразия эпистолярного наследия русских писателей, в частности богатый материал для размышлений предоставляют письма М.В. Ломоносова И.И. Шувалову. В 32 известным нам писем нами выделено 26 тем, самыми частотными из которых являются литературное и научное творчества Ломоносова (обе темы встречаются в 9 письмах). Мы даём подробный анализ названных тем в каждом из писем.

Ключевые слова: М.В. Ломоносов, И.И. Шувалов, письмо, тематика.

Одним из актуальных вопросов современного литературоведения, на наш взгляд, является изучение эпистолярного наследия писателей (в том числе – обращения представителям власти), что поможет нам расширить и уточнить представления о жизни и творчестве литератора и о его взаимоотношениях с современниками. Это касается и писем М.В. Ломоносова И.И. Шувалову. Актуальность нашего исследования заключается в том, что эпистолярное наследие Ломоносова, как ни странно, до сих пор не получило удовлетворительного освещения. Из обобщающих исследований, посвящённых эпистолярной литературе XVIII века, мы можем назвать только работы Р.М. Лазарчук [4] и Г.П. Макогоненко [6]; нам известны также две статьи, касающиеся писем Ломоносова – это работы Я.К. Грота [3] и П.Е. Бухаркина [2]. Письма Ломоносова Шувалову отличаются тематическим разнообразием – согласно нашим подсчётам [7], в 32 дошедших до нас писем (все они опубликованы и прокомментированы – подробно, хотя и не без присущих эпохе идеологических издержек – к академическом собрании сочинений [4]) мы выделили 26 тем, в том числе – литературное (выделена в 9 письмах) и научное (выделена также в 9 письмах) творчество.

Сначала проанализируем тему литературного творчества.

В письме от 1 ноября – 28 декабря 1750 г. Ломоносов вспоминает персонажей своей пьесы «Тамира и Селим» – Тамира, более счастливая, чем её сочинитель, предстанет перед очами монархини; и когда в третьем действии вознамерится бежать от отца, то будет поймана Заисаном не в самом бегстве, но тогда, когда засмотрится на красоту здания, остановится и забудет о Селиме (отметим, что данное письмо начинается поздравлениями Шувалову с прибытием в Царское Село; в 1750 г. под руководством В.В. Растрелли проводились работы по отделке Большого Императорского Дворца); Мамай будет проколот Нарсимом тогда, когда он на «позлащённые верхи оглянется». Ломоносов желает, чтобы Тамира поступила так же, как и у него дома – Михайло Васильевич у себя на дому читал Шувалову свою новую пьесу, которая произвела на слушателя благоприятное впечатление, и автору хотелось бы, чтобы и императрица так же восприняла его сочинение. Отметим, что анализируемое письмо аллегорично. Оно является самым ранним дошедшим до нас письмом Ломоносова Шувалову.

Письмо Ломоносова Шувалову от 10 сентября 1751 г. написано в связи с состоявшимся 8 сентября 1751 г. спуском с верфей Адмиралтейства военного корабля «Иоанн Златоуст» – об этом событии сообщали «Санкт-Петербургские ведомости» (№ 73 за 1751 г. – с. 554). Михаил Васильевич приводит написанные им стихи, посвящённые этому событию (они были напечатаны в первом томе «Собрания сочинений» Ломоносова в 1757 г. в несколько иной редакции). Далее стихотворец сообщает, что старается закончить «Демофонта» – эта трагедия была напечатана в декабре 1750 г. по особому распоряжению императрицы и закончена между 10 сентября и концом ноября 1751 г.

Согласно упоминанию самого Ломоносова в письме от 16 октября 1753 г., Шувалов направил учёному послание, до нас не дошедшее, но, судя по словам самого Михаила Васильевича, содержавшее в себе предложение или даже «приказание» выступить с возражением против нападок, которым стала в это время подвергаться поэзия Ломоносова. Михаил Васильевич, отвечая своему высокопоставленному адресату, пишет, что он должен благодарить своих ненавистников за то, что они своей хулой увеличивают его славу и что «подали причину» Шувалову написать Ломоносову письмо с рассуждениями о словесных науках, обращающие в ничто злобу зоилов. Михаил Васильевич называет этих зоилов – это «Перфильевич», то есть И.П. Елагин, и «его учитель», то есть Сумароков. Ломоносов задет тем, что недоброжелатели осуждают его за «надутые изображения» – но таким образом «самых великих древних и новых стихотворцев высокопарные мысли, похвальные во все веки и от всех народов почитаемые, унижить хотят». Для доказательства это мысли приводятся примеры – из «Илиады», «Энеиды», Камознса – для оправдания «возможного подражания» этим авторам. Обиженный поэт ссылается на свою «Риторику», в которой написано о том, что Камознс подражал античным авторам. Нам не удалось отыскать ни одного относящегося к этим годам произведения Сумарокова или Елагина, где подобное обвинение было бы предъявлено Ломоносову открыто. Нам известна лишь опубликованная М.И. Сухомлиновым афиша, где имя Ломоносова не названо, но где высмеивается приподнятость его поэтического стиля. Эту именно афишу Ломоносов и называет, вероятно, пародией Елагина на «Тамиру». Однако из текста публикуемого письма можно заключить, что в данном случае Ломоносов восстает не против этой пародии, а против других, более поздних, «намерений и движений» Елагина, в частности против его послания к Сумарокову, где поэзия Ломоносова подвергалась уже прямому осуждению. В конце письма имеется интересный пассаж: «Данный мне от него титул никогда бы я не оставил в его стихах, если бы я хвастовством моих завистников не принужден был рассудить, что тем именем ныне ученику меня назвать можно, которым меня за двадцать лет учителя мои называли». Так как письмо написано в 1753 г., значит, речь идёт о времени пребывания Ломоносова в Московской Славяно-греко-латинской академии. Наши сведения о поэтической деятельности Ломоносова в эти годы очень скудны, поэтому сообщение Ломоносова о том, что его тогдашние стихотворные опыты высоко оценивались его учителями, приобретают большое значение.

Письмо, написанное Ломоносовым Шувалову не ранее 16 октября 1753 г. Оно целиком посвящено рукописной сатире И.П. Елагина «На петиметра и кокеток» – точнее сказать, непосредственным объектом внимания стали 16 начальных стихов сатиры, посвящённых восхвалению Сумарокова. Ломоносов считает, что Елагин хотел его «похвалить, но не зная толку, весьма нелепо выбрал», и комментирует некоторые выражения стиха, например: «Рожденным из мозга богини сыном» – имеется в виду,

что Сумароков является сыном богини Минервы, которая, по мифологическим представлениям римлян, считалась рожденной из головы Юпитера – «Отмщать завистнику меня вооружают» и «Златой людей и беспечальный век». Отметим, что во вступительных словах обоих писем речь идёт о том, что Шувалов принуждает Ломоносова вступить в полемику с Елагиным, к чему сам Ломоносов не склонен. Публикуемое письмо содержит выпады не столько против Елагина, сколько против Сумарокова, на чью долю приходятся самые тяжелые удары. Все письмо в целом является превосходным образцом того полускрытого «насмешества», о котором Ломоносов говорит в § 120 своей «Риторики». Адресат письма не обозначен. А.С. Будилович предположил [1, с. 36], что письмо обращено к Шувалову. Видимо, документ был предназначен для того, чтобы ходить по рукам так же, как ходили по рукам направленные против Ломоносова стихи его литературных противников. Один из проникших в публику списков письма был скопирован ещё в XVIII в. составителем рукописного сборника, носившего заглавие «Разные стиходействии», другой список оказался в архиве графа И.А. Остермана, откуда перешёл уже в XIX в. к писателю И.И. Лажечникову. Именно этот, по-видимому, список и опубликовал в 1828 г. «Московский телеграф».

В письме от 13 ноября 1757 г. Ломоносов пишет, что «желаемое будет всех больше не тем, что я о том прошу больше трёх лет, но для того что оно соединено с общею пользою и что оным новая кровь в жилы мои вольется к совершению начатого героического описания трудов Петровых, которых окончание выше всех благополучий в жизни моей почитаю». Здесь Ломоносов имеет в виду свою героическую поэму «Пётр Великий», начатую, как видно из его отчётов о своих трудах, в 1756 г.

В послании от 14 февраля – 17 апреля 1760 г. Ломоносов сообщает, что собирается «в один год» закончить «Петриаду» – т.е. вою поэму «Пётр Великий», оставшейся незаконченной. Её первую часть Ломоносов преподнёс Шувалову в рукописи 1 ноября 1760 г.

Получение университетской привилегии, о которой просит Ломоносов в письме от 20 апреля 1760 г., будет концом ломоносовского попечения об успехах в науках «сынов российских» и «начало особого рачения к приведению в исполнение старания моего в словесных науках» – как думают, последние слова являются намёком на работу над поэмой «Пётр Великий».

В письме от 11 июля 1764 г. в качестве одного из оправданий задержки с ответом Ломоносов называет «ожидание выходу из печати сочинений», пересылаемых вместе с письмом – в их числе ода на новый 1764 г. (можно предположить, что это сочинение в числе прочих и было послано Шувалову).

Теперь перейдём к анализу темы «научное творчество».

В письме от 10 сентября 1751 г. Ломоносов сообщает Шувалову, что составляет план «Российской истории», который покажет Шувалову, когда вернётся в Петербург.

В письме от 4 января 1753 г. Ломоносов благодарит Шувалова за «ободрение» к написанию «Российской истории», высказанное, в частности, в письме Шувалова Ломоносову от 28 декабря 1753 г. (это послание не отыскано). Ломоносов стремится к созданию истории нашей страны. «Коль великим счастьем я себе почесть могу, ежели мою возможную способностью древность российского народа и славные дела наших государей свету откроются, то весьма чувствую». В нынешнем году Ломоносов уповает завершить первый том. Упражнения в химии и в физике Михаил Васильевич намерен оставить, т.к. «нет в том ни нужды, ниже возможности». Он не хочет искать «от трудов упокоения» ни в картах, ни в «табачном дыму» – в них нет «ничего, кроме скуки», а

найдёт его в сочинении «Российской истории» и в «украшении русского слова». Здесь имеется в виду «Российская грамматика», над которой Ломоносов трудился с конца 1740-х гг. до конца 1750 г. Однако именно с этого времени Ломоносов стал заниматься историей не только «по досугам», как раньше, а систематически. В свободное же от истории время можно для пользы Отечества ставить химические и физические опыты. Заключительные слова анализируемого письма Ломоносова о том, что устройством фабрики завершаются все его химические труды, потерять которые «бесплодно» было бы для него «несносным мучением», говорят о том, что Михаил Васильевич стремился связывать теоретическую научную работу с производственной практикой: оставить свои лабораторные труды не внедренными в производство означало, по его мысли, потерять их «бесплодно». «Всепокорнейшим прошением о фабрике» Ломоносов именуется своё представление об организации мозаичного дела, которое он подал на имя императрицы 25 сентября 1752 г.

В письме от 31 мая 1753 г. Ломоносов описывает свои научные занятия. Прежде всего речь идёт об электрических опытах, проводимых совместно с Рихманом. К этому посланию были приложены подробное «описание и рисунок», до сих пор не найденные. Говорится также и о дальнейшей работе вместе с Рихманом – Рихман будет опыты предлагать, а Ломоносов – «теорию и пользу». Упомянут в письме и «Мушенбровков опыт с сильным ударом» – способ получения сильного электрического разряда с помощью «лейденской банки», открытой независимо друг от друга Э. Клейстом в 1745 г. и П. Мушенбромом в 1746 г. Потом сообщается, что вторая часть «Руководства к красноречию» в конце октября должна выйти из печати; что Ломоносов стремится закончить первый том «Российской истории» к новому году. Фраза «Ежели кто по своей профессии и должности читает лекции, делает опыты новые, говорит публично речи и диссертации и вне оной сочиняет разные стихи и проекты к торжественным изъявлениям радости, составляет правила к красноречию на своем языке и историю своего отечества и должен ещё на срок поставить, от того я ничего больше требовать не имею, и готов бы с охотой иметь терпение, когда бы только что путное родилось» характеризует научную и педагогическую деятельность Ломоносова в 1752-1753 учебном году. В конце письма Ломоносов пишет, что «обещанных оптических вещей» в доме Ломоносова пока устроить не может, т.к. дом пока не закончен (он находился на Невском проспекте, на углу Малой Садовой, и был окончательно отделан к приезду Шувалова из Москвы в 1754 г.). Но «электрические шарики» будут присланы по возможности быстро. Ломоносов жалуется на нехватку «мастеровых людей» и просит дозволения от имени Шувалова дать распоряжение в Канцелярию мастерам о том, какие инструменты нужны Шувалову. Какие именно «оптические вещи» и «инструменты» делались для Шувалова под надзором Ломоносова, неизвестно.

В письме от 26 июля 1753 г. речь идёт об опытах Ломоносова по изучению природы молнии, о наблюдениях за этим явлением, которые проводили Ломоносов и Рихман.

В письме от 7 октября 1753 г. Ломоносов сообщает, что пересылает Шувалову «переписанную речь» – т.е. «Слово о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих», приготовленное им для произнесения на торжественном заседании Академии Наук 5 сентября 1753 г. Ломоносов пишет о том, что он настаивает, чтобы отмененный «публичный акт» был перенесен не на апрель 1754 г., а на более ранний срок – на ноябрь 1753 г. – и чтобы на этом акте ему было разрешено огласить свой трактат (необходимо пояснить, что И.-Д. Шумахер, секретарь медицинской канцелярии

и директор Петербургской библиотеки Академии наук, с которым у Михаила Васильевича были очень непростые отношения, уговаривал Ломоносова удовольствоваться опубликованием своей речи в академических «Комментариях» и отказаться от публичного её произнесения). В конце письма Ломоносов напоминает Шувалову об обещании дать ему второй том «Истории» Татищева, находившийся в рукописи у Шувалова и необходимый Ломоносову для работы над «Древней российской историей».

В начале письма от 28 марта 1754 г. Ломоносов упоминает воё письмо Шувалову, названное Шуваловым «ласкательным» (его же далее Ломоносов понимает под «всепокорнейшим прошением»), и ответ Шувалова на это письмо (эти документы не разысканы). Вторая фраза письма («Всепокорнейшее прошение...») недостаточно ясна – непонятно, о каком именно прошении идёт речь. Можно только сказать, что Ломоносов имеет в виду какую-то свою работу и что смысл данной фразы состоит в просьбе Ломоносова, чтобы Шувалов выступил в роли цензора, который мог бы «отрецензировать» работу. Михаил Васильевич указывает, что Иван Иванович лучше других может оценить в том числе и его стиль.

Письмом от 10 октября 1757 г. Ломоносов сопроводил посылку Шувалову своего сочинения «Сокращённое описание самозванцев и стрелецких бунтов» [VI, с. 97–162]; сообщается также о работе над «Сокращением о житии государей и царей Михаила, Алексея и Феодора» (не отыскано) (эти сочинения писались для «Истории Петра» Вольтера). Кроме того, к письму прилагаются «свидетельства и труды» о себе – они не сохранились, но можно предположить, что это были разного рода выписки из отзывов о Ломоносове – наподобие тех, что он приложил к письму М.И. Воронцову от 19 января 1764 г. (эти материалы, к счастью, сохранились и были опубликованы вместе с письмом).

В письме от 8 июля 1759 г. Ломоносов пишет о своём научном творчестве в связи с подготовляемыми им материалами для «Истории Петра» Вольтера и с «ночезрительной трубой», работа над которой осложняется происками недоброжелателей.

В письме от 11 июля 1764 г. в качестве одного из оправданий задержки с ответом Ломоносов называет «ожидание выходу из печати сочинений», пересылаемых вместе с письмом. Со времени отъезда Шувалова до момента написания анализируемого письма вышли «Первые основания металлургии» («Металлургия» упомянута в письме Ломоносова Воронцову от 19 января 1764 г. – сочинение было «приписано» и поднесено императрице) и перевод «Российской грамматики» (можно предположить, что эти издания вместе с одой на новый 1764 г. и были послано Шувалову).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Будилович А.С. Ломоносов как писатель / А.С. Будилович. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1871. – 332 с.
2. Бухаркин П.Е. Письма М.В. Ломоносова и А.П. Сумарокова в истории русской литературы / П.Е. Бухаркин // Малые жанры в русской и советской литературе. – Киров: КГПИ, 1986. – С. 31–41.
3. Грот Я.К. Письма Ломоносова и Сумарокова к И.И. Шувалову. Материалы для истории русского образования / Я.К. Грот. – В издании: Записки императорской Академии наук. Том 1. Приложение № 1. – СПб. Академия наук, 1862. – 52 с.
4. Лазарчук Р.М. Дружеское письмо второй половины XVIII века как явление литературы. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук Р.М. Лазарчук. – Л.: Ленинградский ордена трудового красного знамени государственный педагогический институт имени А.И.Герцена, 1972. – 19 с.
5. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений / М.В. Ломоносов. – Том 10: Служебные документы. Письма. 1734–1765. – М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1957. – 935 с.

6. Макогоненко Г.П. Письма русских писателей XVIII в. и литературный процесс / Г.П. Макогоненко // Письма русских писателей XVIII века / Публикация В.П. Степанова. – Л.: Наука, 1980. – С. 3–41.

7. Суровцева Е.В. О чём пишут властям? Тематика писем М.В. Ломоносова И.И. Шувалову / Е.В. Суровцева // Социально-гуманитарные инновации: стратегии фундаментальных и прикладных научных исследований: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). – Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2022. – С. 155–157.

Поступила в редакцию 04.12.2022 г.

**M.V. LOMONOSOV ABOUT HIS LITERARY AND SCIENTIFIC WORK
(BASED ON LETTERS TO I.I. SHUVALOV)**

E.V. Surovtseva

The article raises the question of the need to study the thematic diversity of the epistolary heritage of Russian writers. The letters of M.V. Lomonosov to I.I. Shuvalov in particular provide rich material for reflection. In 32 letters known to us, we have identified 26 topics, the most frequent of which are the literary and scientific works of Lomonosov (both topics are found in 9 letters). A detailed analysis of the topics mentioned in each of the letters is carried out.

Key words: M.V. Lomonosov, I.I. Shuvalov, letter, subject.

Суровцева Екатерина Владимировна.

Кандидат филологических наук, профессор Российской академии естественных наук, ФГАОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова», ОЧУ ВО «Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет им. Феофана Затворника».

Старший научный сотрудник лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии МГУ, учащаяся ПСТГУ.

E-mail: surovceva-ekaterina@yandex.ru

Surovtseva Ekaterina Vladimirovna.

Candidate of Philology, Professor of the Russian Academy of Natural Sciences.

Lomonosov Moscow State University.

Theophan the Recluse Orthodox St. Tikhon's Humanitarian University.

Senior researcher at the Laboratory of General and Computer Lexicology and Lexicography of MSU, student of OSTHU.

E-mail: surovceva-ekaterina@yandex.ru

УДК 81'373.2

К ИСТОРИИ ПОЭТОНИМА КАРМЕН В ЛИТЕРАТУРЕ И МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

2. Аллюзии и реминисценции из Серебряного века

© 2022 А.А. Шульдишова

ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»

Поэтоним *Кармен*, кроме значений, зафиксированных в одноименном цикле А. Блока (статья 1), в поэтическом языке авторов Серебряного века использовался и в несколько иных. Они реализовались с помощью оригинальных способов и приёмов употребления, различных речевых средств в индивидуально-авторских “сочетаниях с поэтонимом” *Кармен*. Эти значения следует непременно учитывать как при изучении поэтонимогенеза так и в ономографии *Кармен*.

Ключевые слова: аллюзия, Кармен, ономография, поэтонимогенез, реминисценция, Серебряный век.

Вторая статья об истории поэтонима *Кармен* могла бы быть озаглавлена – «От Блока до наших дней»¹⁴, но было принято решение ограничиться преимущественно аллюзиями и реминисценциями из Серебряного века. Блоковский цикл «Кармен» дал новый толчок развитию символизации, метафоричности и иных образных возможностей поэтонима *Кармен* в творчестве поэтов Серебряного века.

Особо отметим тот факт, что в «Словаре коннотативных собственных имён» Е.С. Отин имя *Кармен* не представлено. “Пропустить” его, оставить без внимания, тонкий знаток поэзии, в молодости отдавший дань поэтическому творчеству, сохранивший и, при случае, использовавший “навыки” версификации с “домашними” целями, просто не мог. Попытаемся предположить, что именно в генезе поэтонима *Кармен* не позволило Е.С. Отину включить имя *Кармен* в словарь.

“Анализ функционирования поэтонимов, перемен в их содержательной информации фактически в каждом новом контексте <...> убеждает, что в поэтическом языке нет поэтонимов, а есть чрезвычайно сложный генезис собственного имени – поэтонимогенез”, – писал В.М. Калинин, вводя понятие *поэтонимогенез* в метаязык поэтонимологии [9, с. 149]. По мнению того же автора, изменчивость имён в речевой практике, их способность преобразовываться в результате употребления в различного рода контекстах, предполагающих переносное употребление, метафоризацию и пр. стала тем “полигоном”, на котором Е.С. Отин приступил к изучению явления коннотонимизации” [8, с. 22].

Е.С. Отин в своём словаре отразил “перевоплощение” (по термину В.М. Мокиенко) собственных имён, вторичную, иносказательную номинацию с метафорическим или символическим значением. Иными словами, для того, чтобы оним, кроме выполнения своей прямой изначальной функции, начал

¹⁴ Часть первая «От Мериме до Блока» опубликована в «In Nōminum Spatio (В пространстве имён)»: коллективная монография, посвящённая 90-летию со дня рождения кандидата филологических наук, доцента Всеволода Николаевича Михайлова / ред. В.М. Калинин, А.В. Петров. – Симферополь : ПОЛИПРИНТ, 2022. – С. 121–127.

коннотонимизироваться, он должен “проникнуться вторичным дополнительным понятийным содержанием”, стать в речи экспрессивно-оценочным заместителем имени нарицательного [13, с. 11].

Попытаемся в аллюзиях и реминисценциях из Серебряного века выявить направление поэтонимогенеза *Кармен*.

Интерес к имени *Кармен* развился в поэзии Серебряного века именно после создания Блоком одноимённого цикла, посвящённого оперной певице Л.А. Дельмас, в марте 1914 года. Поэтический цикл стал импульсом для поэтов Серебряного века. Среди обратившихся к использованию потенциальной образной энергии этого имени можно назвать М. Цветаеву. Её творчество занимает особое место в поддержании интереса к этой традиции. Во множестве поэтических произведений М. Цветаевой зафиксированы разные блоковские образы. В статье «М. Цветаева и А. Блок» С.Н. Бройтман писал, что “... диалог с А. Блоком М. Цветаева начинает с первых своих книг ... При этом неклассические художественные принципы и мотивы Блока проникают в самые потаенные глубины ее поэзии” [5, с. 7]. У М. Цветаевой можно найти множество поэтических откликов на блоковский цикл «Кармен», в которых каждое появление поэтонима несёт в себе что-то коннотационно иное:

1) «Спят трещотки и псы соседовы...», 1915 (*Запах розы и запах локона, / Шелест шелка вокруг колен... / О, возлюбленный, – видишь, вот она – / Отравительница! – Кармен* /) [22, т. 1, кн. 1, с. 55];

2) «Ревнивый ветер треплет шаль...» из цикла «Любви старинные туманы», 1917 [22, т. 1, кн. 1, с. 114] (*– Какое зарево! – Сегодня / Я буду бешеной Кармен. / Так, руки заложив в карманы, / Стою. Меж нами океан / Над городом – туман, туман. / Любви старинные туманы.* /). Здесь блоковское ключевое слово-символ-образ-метафора *туман* как составляющая поэтического пейзажа оказывается не природным явлением; его причиной является, возможно, утраченное преданное прошлое, которое не отпускает, терзает душу лирической героини. Стихотворение построено на антитезе состояний лирической героини – *Я буду бешеной Кармен. / и / Стою. Меж нами океан / Над городом – туман, туман. / Любви старинные туманы.* Оно сложилось не только под влиянием литературно-музыкальных связей, но и под воздействием определённых биографических обстоятельств.

3) «Страстно рукоплеща...», 1917 (*Страстно рукоплеща / Лает и воет чернь. / Медленно встав с колен / Кланяется Кармен. / Взором – кого ища? /*) [23, т. 1, кн. 2, с. 46];

4) «Стоит, запрокинув горло...», 1917 (*Так кончилась – этим словом – / Последняя ночь Кармен* /) [23, т. 1, кн. 2, с. 43];

5) «После стольких роз, городов и тостов...», 1917 (*В этот самый час / Дон-Жуан Кастильский / Повстречал – Кармен* /) [23, т. 1, кн. 2, с. 22];

6) «Как много красавиц, а ты – один...», 1918 (*Как много красавиц, а ты – один, / Один – против ста тридцати Кармен, / И каждая держит цветок в зубах, / И каждая просит – роли /*) [22, т. 1, кн. 1, с. 87]; В стихотворении эксплицированы блоковские аллюзии и реминисценции:

а) у Цветаевой: *Как много красавиц, а ты – один* / – у Блока: *Среди поклонников Кармен, / Спешащих пестрою толпою, / Ее зовущих за собою, / Один, как тень, у серых стен* / – “перевёрнутая” блоковская цитата [4, т. 3, с. 232];

б) у Цветаевой: *К мехам и духам, и невинны все* / – у Блока: *Дыша духами и туманами / Она садится у окна / и / Твой стан под душиной летней тучей, / Твой стан, закутанный в меха* / [4, т. 2, с. 185];

7) У Цветаевой есть ещё одна отсылка к опере Ж. Бизе «Кармен», вернее, к двум её фрагментам – ариям Кармен и Эскамильо («У любви, как у пташки, крылья...» и «Тореадор, смелее в бой!...»): / *Не уходи шарманчик слепой, / Легким ветром колеблется штора, / И сменяется: «Пой, птичка, пой» / дерзким вызовом Тореадора /* [23, т. 1, кн. 2, с. 24].

Семантическая палитра имени собственного *Кармен* в творчестве Цветаевой изменилась и расширилась. Её лирическая героиня переключается с блоковской благодаря реминисценциям, аллюзиям, символике. Цветаева варьирует блоковский образ во многих стихотворениях. По справедливому замечанию С.Н. Бройтмана, Кармен в стихотворениях поэтессы – это второе “я” лирической героини [5, с. 20]. Имя-символ *Кармен* служит двойником поэтического персонажа, наполнено автобиографическим содержанием. Такую “замену” – переход личного имени из поэтической плоскости в реальную – можно проиллюстрировать следующими стихами: / – *Дон-Жуан я. / – А я – Кармен /* («Ровно – полночь...», 1917 [22, т. 1, кн. 1, с. 93]).

Семантика цветаевского имени *Кармен* пронизана музыкальными влияниями. Образ Кармен у М. Цветаевой возникает из единства реминисценций блоковского цикла и оперного либретто. Приведём примеры:

1) **Опера Ж. Бизе «Кармен»:** 1) (третий акт): цыганки и контрабандисты обращаются к Хозе: *Жизнью ты своей заплатишь, Эскамильо; Кто за любовь свою не жертвовал бы жизнью;* 2) (четвёртый акт) Хозе: *Итак, загублю свою душу, Погибну навек за тебя.* – **А. Блок:** перефразированная цитата: / *Ценою жизни / Ты мне заплатишь за любовь /* [4, т. 3, с. 231]. – **М. Цветаева:** / *Вот грудь моя. Вырви сердце / И пей мою кровь, Кармен!* / [23, т. 1, кн. 2, с. 43].

Ещё одна реминисценция из Блока: / *Моя и ничья – до конца лет. / <...> / Пребудешь? Не будешь ничья, – нет? /* [22, т. 1, кн. 1, с. 87] (ср. у **Блока:** / *Нет, никогда моей, и ты ничьей не будешь /* [4, т. 3, с. 239]; ср. у **Бизе:** (четвёртый акт оперы)). К этому же блоковскому стиху отсылает другой цветаевский фрагмент: / *Ты не будешь ничей жених, я – ничьей женой ... /* из стихотворения «Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес...» [22, т. 1, кн. 1, с. 42].

К имени главной героини и новелле Мериме примыкает ряд других поэтических произведений, связанных с образом Кармен и написанных уже после опубликования блоковского цикла. Примеры:

1) имя собственное *Кармен*, отсылает, во-первых, к стихотворению И. Северянина («Кармен», 1918), однако, на образности этого стихотворения мы остановимся позже [7, с. 85];

2) ряд продолжает стихотворение А. Белого «Киркою рудокопный гном...», 1921 (/ *Ее пленяли Пиренеи, Кармен /* [1, с. 456]);

3) Кармен становится героиней стихотворения О.Ф. Берггольц «Прохожу через Летний сад...», 1928 (/ *Перегнулась на корме, / По струе ладонью плеча, / В непомерных серьгах Кармен, / С пиджаком на острых плечах... /* [2, с. 94]);

4) Т. Табидзе «Карменсита», 1923 (Перевод Б. Пастернака, 1926 [15, с. 94]) (/ *Но ты ведь ангел, Карменсита, / Я б вверить жизнь тебе желал. / <...> / И так как боли неприкрытой / Не утаить перед людьми, / Пронзи мне сердце, Карменсита, / И на небо меня возьми /*). Стихотворение, во-первых, отсылает к блоковским стихам «О да, любовь вольна как птица...» / – *Ты налетела хищной птицей / И я с пути, как видишь, сбит. /* и к «Бушует снежная весна...» (/ *И я забыл все дни, все ночи... /*) – / *И вот я тлею дни и ночи, / Горя на медленном огне. /* В следующих стихах / *Не вижу от тебя*

защиты. / В меня вонзила ты кинжал. / – отчётливо обозначается оперная реминисценция. Изобразительная “конструкция облика” лирического персонажа отсылает к образу *Хозе*.

5) среди писателей, обратившихся к складывающейся в литературе традиции использования поэтонима Кармен, можно назвать и С Парнок. Попутно заметим, что в лексиконе поэтессы довольно обширна группа “музыкальных” слов [*sotto voce, presto* (музыкальные термины), *колокол, бубен, смычок, виолончель, песня, оркестр, дирижер, орган, флейта, хор, рожок, пюпитр, гитара, оперные персонажи* и др.]. Остановимся подробнее на стихотворении «Разве мыслимо рысь приручить», 1926 [14, с. 302].

*Разве мыслимо рысь приручить,
Что, как кошка, ластишься ты?
Как сумела улыбка смягчить
Роковые твои черты!
Так актрисе б играть баловниц:
Не глядит и глядит на вас
Из-под загнутых душных ресниц
Золотистый цыганский глаз.
Это злое затишье – к грозе
Так же тихо было, когда
«Ты сам черт», – произнес дон *Хозе*,
И *Кармен* отвечала: «Да».*

Кармен у поэтессы – это обобщающий символ, в котором сливаются биографические обстоятельства (романтические отношения между Парнок и Эрарской), личные переживания поэтессы и музыкально-поэтические реминисценции. Кармен у Парнок является не столько именем оперного персонажа, сколько трансформируется в индивидуально-авторский “портрет” возлюбленной поэтессы. Кроме того, стих / *Это злое затишье – к грозе* / вызывает блоковскую аллюзию: / *Как океан меняет цвет, / Когда в нагроможденной туче / Вдруг полыхнет мигнувший свет, – / Так сердце под грозой невучей / <...> / И кровь бросается в ланиты, / И слезы счастья душат грудь / Перед явленьем Карменситы.* / [4, т. 3, с. 227].

6) В. Ходасевич также использовал образность «Кармен» в стихотворении «За окном – ночные разговоры», 1916 (/ *Эти песни, ласки, розы – плен! / Ах, из роз люблю я сердцем лживым / Только ту, что жжет огнем ревнивым, / Что зубами с голубым отливом / Прикусила лживая **Кармен!*** / [20, т. 1, с. 222]), мотивационной базой, которого стало творчество А. Блока. Сопоставляя блоковское стихотворение и стихотворение Ходасевича, нельзя не обратить внимание на очевидную параллель, например, между строками поэтического произведения «Золотит моя страстная осень...»: (/ *Эти ласки и песни ночные – / Только ночь – загорятся опять.* / [4, т. 1, с. 525] и фрагментом поэтического произведения Ходасевича: / *Эти песни, ласки, розы – плен!* /). Образ Кармен в стихотворении связывается с образами “ложь” (через определение) и “плен” (через рифму), как бы подчёркивая заданную поэтом семантику. В сильной позиции и позиции рифмы прилагательное *лживая* и существительное *плен* укрупняются, становятся ярче, сближаются, расширяют семантический диапазон образа Кармен.

Обратимся к стихотворению «Кармен» И. Северянина, основанному на монтаже различных литературных и музыкальных образов. Поэт вплёл в его канву, кроме общеизвестных музыкальных понятий и реминисценций, различные имена собственные. По существу, все поэтонимы стихотворения являются антуражем

(онимным контекстом) антропонима *Кармен*. В северянинских строках представлен любовный “квартет” главных героев оперы: *Кармен – Микаэла – Дон-Хозэ – Эскамильо*. Во второй строфе “*кокетливая хабанера*” – выходная ария Кармен из пятой сцены первого акта оперы. В воображении всплывают и другие арии Кармен в исполнении оперных див *Медеи Фигнер, Зигрид Арнольдсон и Марии Гай*¹⁵.

Ещё одна переключка стихотворения и музыкального произведения, отображающая место действия в опере: “*И ты, гитанная Севилья*”. Как известно, Северянин проявлял интерес к творчеству Ж. Бизе, свои “испанские” сонеты он назвал хабанерами. Поэт в стихотворении обращается и к писателю *Мериме*, и к композитору *Жоржу Бизе*. В стихотворении преобладают образы из оперного произведения, поэтому, очевидно, что это отклик на оперу. Оно написано под воздействием впечатлений поэта от прослушанного музыкального произведения.

Кармен! *какая в ней бравада!*
Вулкан оркестра! Луч во тьме!
О, Гвадиана! О, Гренада!
О, Жорж Бизэ! О, Меримэ!

Кокетливая хабанера,
И пламя пляски на столе,
Навахи, тальмы и сомбреро,
И Аликант в цветном стекле!..

Застенчивая Микаэла
И бесшабашный Дон-Хозэ...
О ты, певучая новелла!
О, Меримэ! О, Жорж Бизэ!

И он, брагурный Эскамильо,
Восторженный торреадор;
И ты, гитанная Севилья,
И контрабанда в сердце гор...

Кармен! *И вот – Медея Фигнер,*
И Зигрид Арнольдсон, и Гай...
Пусть навеки май их сгинул, –
Но он ведь был, их звучный май!

¹⁵ Медея Ивановна Фигнер (урождённая *Дзорáиде (Дзовáиде)*) – итальянская и русская певица. С 1887 по 1912 год она выступала в Мариинском театре в Санкт-Петербурге. Фигнер была первой исполнительницей партии Кармен на русской сцене. Вторая упомянутая шведская оперная певица – Сигрид Арнольдсон – неоднократно выступала на ведущих российских сценах. Среди множества оперных партий исполняла роль Кармен. Певица Мария Гай в 1908-1910 гг. выступала с Петербурге в 1913 г. – в Москве. Партия Кармен стала для неё лучшей ролью. Известный оперный певец-баритон, музыковед С.Ю. Левик писал, что М. Гай «по-своему объединив Бизе с Мериме, прежде всего “опустилась” до бытовизма наглой уличной цыганки. И поэтому она по-разному относится к своим любовникам. В Хозе она видит своего брата-простолюдина. Смело и без особой скромности она, что называется, “берет его на бордаж” с первой минуты встречи и, заигрывая, увлекает за собой. <...> Совсем иначе, чем с Хозе, гораздо сдержаннее и тоньше Кармен – Гай держала себя с Эскамильо. В ее глазах он был барином, важной персоной, и ее кокетство принимало более тонкие формы» [10, с. 155].

*Пусть время тленно, и сквозь сито
Его просеяны лета, –
Она бессмертна, Карменсита,
И несказанно золота!* [7, с. 85]

Приведём другие примеры, демонстрирующие своего рода “симбиоз” образностей поэтической и музыкальной культур. Собственное имя-название оперы Ж. Бизе «Кармен» использовалось И.Г. Эренбургом и В.В. Маяковским в поэтических произведениях, у А. Блока оно представлено в письмах, дневниковых записях и записных книжках.

1) **И.Г. Эренбург**: «Ты смеешься весьма миловидно и просто...», 1915 (*Нет, лучше у горячих стен / Потанцуй под «Кармен», / Потанцую, подурачусь, покричу – / В домике оставил я трескучую свечу!..* /). Здесь наблюдается авторская онимизация-синекдоха – подмена названием оперы фрагмента-арии Кармен [17, с. 201].

2) В стихотворении **В.В. Маяковского** /– *Подать, говорю, на дом оперу «Кармен».* /– *Подали, и слушаю, в кровати лёжа* / («Я / завел / чемоданчик, братцы...», 1928 [11, т. 9, с. 319]) и нехудожественных текстах **А. Блока**: («<...> она будет <...> опять сниматься – в “Кармен” <...>» [Блок, ЗК, с. 213]; «“Кармен” в последний раз» [3, ЗК, с. 220]; «Я страшно тороплюсь в “Кармен”» [3, ЗК, с. 211]; «Вечером мы с Любой в “Кармен” (Андреева-Дельмас)» [3, ЗК, с. 200]; «Я смотрю на Вас в “Кармен” третий раз, и волнение мое растёт с каждым разом. Прекрасно знаю, что я неизбежно влюбляюсь в Вас, едва Вы появитесь на сцене... Я – не мальчик, я знаю эту адскую музыку влюбленности, от которой стон стоит во всем существе и которой нет никакого исхода...» [4, т. 8, с. 433] и пр.) – прямое указание на оперу Ж. Бизе.

Имя, перенесённое из новеллы П. Мериме в мир музыкальных ассоциаций и реминисценций, “обрастает” новой семантикой, насыщается разными семами, выполняет функции-представления: является “образом-характером”, “сравнением-отождествлением”. Переход имени *Кармен* из сферы искусства в публицистический текст можно представить рядом иллюстраций. Приведём примеры деминутивной формы испанского женского имени *Кармен* (*Карменсита*):

1. *Королевские-де дворцы можно отдать для нужд трудящихся – «Посмотри, Карменсита, как жила буржуазия при старом режиме»* [16];

2. *В Аргентине, Испании, Мексике, в Финляндии, у себя в Гаване, в Китае, США. Последняя была в Токио. – И какая Карменсита была самой лучшей? – Конечно, Майя! Дстойно танцевала эту партию Алисия Алонсо (сестра хореографа)* [19];

3. *Если на пути какая-нибудь жгучая карменсита встретит соперницу – выживет кто-то один.* [21]. В статье апеллятив *карменсита* не онимизирован.

4. *И даже Люба Менделеева и роковая Карменсита искали по ночам во мгле его, ревнуя к улице сердито* [6];

5. *На этот раз Карменсита была блистательной – в этой партии казанцы услышали солистку Венской государственной оперы Екатерину Максимову* [12];

6. *Начало в 18:30, билеты 100–250 руб. 26.05. «Карменсита». Драма в стиле танго на музыку А. Пьяцоллы и Т. Родригеса в исполнении И. Каменских, ансамбля солистов и шоу-балета «Визави»* [18].

Проведённый анализ показывает, что в поэзии Серебряного века полноценный переход антропонима *Кармен* в отпонимный коннотоним не состоялся. Обретя свойства репрезентативного в системе

интертекстуальных отношений русской культуры, антропоним “дополучил” в семантическую структуру множество “состояний”, “наполнений” и “смыслов”, но не использовался как “стопроцентный” даже окказиональный авторский коннотоним. По-видимому, именно этим объясняется отсутствие имени *Кармен* в «Словаре коннотативных собственных имён». В ряде статей, освещающих работу над проблемами коннотонимографии, Е.С. Отин описывал, как развиваются референтные коннотации или оттенки созначений в именах первичных, полноценных, так и в их экспрессивно окрашенных производных. В любом случае значимой для него являлась историческая перспектива развития созначений.

Привёл ли поэтонимогенез *Кармен* в русской поэзии следующих после Серебряного периодов к рождению отпоэтонимного коннотонима, покажет изучение его функций, поэтики и семантики в современной поэзии. Анализу дальнейшего оноимогенеза как антропонима, так и омонимичных ему названий литературно-художественных, музыкальных произведений, театральных ролей и т.д. посвящена заключительная статья нашей “трилогии” о поэтониме *Кармен*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белый А. Собрание сочинений. Стихотворения и поэмы / А. Белый // Сост., предисл. В.М. Пискунова; коммент. С.И. Пискуновой, В.М. Пискунова. – М. : Республика, 1994. – 559 с.
2. Берггольд О. Избранные произведения / О. Берггольд. – Л. О., изд-во «Советский писатель», 1983. – 608 с.
3. Блок А. Записные книжки / А. Блок. – М. : Художественная литература, 1965. – 663 с.
4. Блок А. Собрание сочинений / А. Блок. – М.-Л. : Гос. изд-во художественной литературы, 1960–1963. – (Сочинения: в 8 т.).
5. Бройтман С.Н. М. Цветаева и А. Блок / С.Н. Бройтман // Новый филологический вестник. – Вып. 1. – М., 2005. – С. 7–37.
6. Евтушенко Е. «В начале было слово» / Е. Евтушенко // Труд-7, 2003.09.25.
7. Испанские мотивы в русской поэзии XX века / сост. Т.В. Балашова, Москва – 2011.
8. Калинин В.М. Отин – коннотонимограф / В.М. Калинин // Восточноукраинский лингвистический сборник им. Е.С. Отина: сборник научных трудов / Редколлегия: В.М. Калинин (отв. ред.) и др. – Вып. 3 (18). – Горловка, 2022. – 299 с.
9. Калинин В.М. Поэтика онима / В.М. Калинин. – Донецк : Юго-Восток, 1999. – 408 с.
10. Левик С.Ю. Записки оперного певца / С.Ю. Левик. – Москва : Искусство, 1962. – 713 с.
11. Маяковский В.В. Полное собрание сочинений в 13-ти т. / В.В. Маяковский. – Том 9. Стихотворения 1928. – М. : Государственное издательство художественной литературы, 1958. – 611 с.
12. Наумова А. Десант афроамериканцев и лучший Онегин Европы / А. Наумова // Вечерняя Казань, 2015.02.17.
13. Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имён / Е.С. Отин. – 3-е изд., перераб. и доп. – Донецк : Юго-Восток, 2010. – 518 с.
14. Парнок С. Собрание стихотворений / С. Парнок. – СПб., 1998.
15. Пастернак Б.Л. Не я пишу стихи...: переводы из поэзии народов СССР : Переводы из поэзии народов СССР / Б.Л. Пастернак ; сост. Е.С. Левитин ; худож. В.Е. Валериус. – Москва : Советский писатель, 1991. – 350 с.
16. Соколов М. На пенсию по состоянию здоровья / М. Соколов // Известия, 2014.06.04.
17. Стихотворения и поэмы – СПб : Академический проект, 2000. – 816 с.
18. Феофилова О. Концертная жизнь в Туле: выбираем артиста или группу / О. Феофилова // Комсомольская правда, 2011.04.28.
19. Фомина О. Прима-балерина Большого театра Светлана Захарова: Моя Кармен не роковая женщина, она хулиганка! / О. Фомина // Комсомольская правда, 2005.11.18.
20. Ходасевич В.Ф. Собрание сочинений : В 4 т. / В.Ф. Ходасевич. – М., 1996.
21. Хрусталева С. О каких женщинах мечтают мужчины? / С. Хрусталева, Л. Васильева, О. Бакушинская // Комсомольская правда, 2005.03.18.
22. Цветаева М.И. Собрание сочинений : В 7 т. Т. 1. Кн. 1 : Стихотворения / М.И. Цветаева // Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. – М. : ТЕРРА ; «Книжная лавка – РТР», 1997. – 425 с.

23. Цветаева М.И. Собрание сочинений : В 7 т. Т. 1. Кн. 2 : Стихотворения / М.И. Цветаева // Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. – М. : ТЕРРА ; «Книжная лавка – РТР», 1997. – 320 с.

Поступила в редакцию 08.12.2022 г.

**ON HISTORY OF POETONYM *KARMEN* IN LITERATURE AND MUSICAL CULTURE.
2. ALLUSIONS AND REMINISCENCES FROM THE SILVER AGE**

A.A. Shuldishova

The poetonym *Carmen*, in addition to the meanings recorded in the cycle of the same name by A. Blok (see article 1), was used in the poetic language of the authors of the Silver Age in several other ways. The meanings in question were realized by means of original methods and techniques, various expressive means in individual author's "combinations with the poetonym" *Carmen*. These meanings should certainly be taken into account both in the study of poetonyms genesis and in the *Carmen* onymography.

Key words: allusion, Carmen, onymography, reminiscence, Silver age.

Шульдишова Алина Анатольевна.

Кандидат филологических наук.

ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов».

Доцент кафедры русского языка № 5 Института русского языка.

E-mail: shuld_a@mail.ru

Shuldishova Alina Anatolievna.

Candidate of Philology.

Peoples' Friendship University of Russia.

Associate Professor of the Russian Language

Department № 5 at the Institute of the Russian Language.

E-mail: shuld_a@mail.ru

УДК 81'42+070

ПОНЯТИЕ И АТРИБУТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ЖАНРА «СКАМ-КОММЕНТАРИЙ»

© 2022 А.О. Якель

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В представленном исследовании анализируется понятие речевого жанра «скам-комментарий». Рассмотрен контекст распространения текстовых сообщений такого типа в виртуальном дискурсе в условиях роста популярности мессенджера «Телеграм». Автор даёт определение исследованному речевому жанру, опираясь на его атрибутивные особенности: структуру, а также основные приёмы, используемые для привлечения внимания аудитории к сообщениям, созданным в анализируемом речевом жанре.

Ключевые слова: скам-комментарий, речевой жанр, новые медиа, виртуальный дискурс, социальные медиа

Динамика развития виртуальной коммуникативной среды требует проведения исследований, направленных на описание явлений, оказывающих воздействие на её функционирование на данном этапе. Участники коммуникации, осваивая нетипичные для своей деятельности площадки, создают условия для использования новых коммуникативных инструментов (речевых жанров (далее — РЖ), коммуникативных технологий и т. п.). Их форма, параметры, виды и воздействующий потенциал ещё недостаточно изучен, так как подобные единицы введены в использование за последние несколько лет, а результаты их влияния ещё очевидно не выражены. Учитывая данные обстоятельства, наше исследование посвящено понятию «скам-комментарий», которое ранее в научных исследованиях отдельно не рассматривалось, несмотря на активное использование данного инструмента в области рекламы и связей с общественностью.

Инструментальные и функциональные особенности различных социальных медиа создают условия для появления специфических коммуникативных явлений, не свойственных другим платформам. Поэтому **актуальностью данного исследования** является изучение особенностей коммуникации в виртуальном дискурсе и, в частности, скам-комментариев с учётом как общей специфики развития коммуникации в интернет-пространстве, так и технологических, функциональных аспектов работы сетевых ресурсов. Отдельного внимания заслуживает рассмотрение динамики изменения коммуникативного инструмента во временной перспективе, так как платформы медиабрендов со временем совершенствуют свой функционал, изменяя поведение аудитории — что можно рассматривать как перспективу развития нашего исследования.

Цель нашего исследования — определить ключевые особенности, свойственные текстам, идентифицируемым как скам-комментарии, и, опираясь на них, дать определение понятию речевого жанра «скам-комментарий».

Прежде чем перейти к непосредственному рассмотрению проблемы речевого жанра «скам-комментарий», следует уделить внимание контексту его появления и функционирования. В 2022 году в условиях проведения специальной военной операции (далее — СВО) российское медиапространство существенно трансформировалось, при этом изменения «коснулись не только системы СМИ, но и характера выстроенных

внутри них коммуникаций». [2, с. 224] Медиа, выполняющие социально заказанную функцию, изменили свои традиционные формы взаимодействия с аудиторией — перешли к активному использованию своих аккаунтов в социальных медиа, вследствие чего вынуждены конкурировать с активными площадками, относящимися к категории гражданской журналистики.

Характер социально-политических изменений отмечен рядом вызовов, с которыми новые медиа в России также столкнулись впервые. Так, ограничение деятельности отдельных медиакомпаний на территории Российской Федерации стимулировало аудиторию к изменению привычного медиапотребления (миграция пользователей из одних социальных медиа в другие, стремительный рост популярности актуальных тематик в открытых нишах и т. д.), а также особенностей взаимодействия с платформами, определяемые усовершенствованием их функционала.

Такая трансформация парадигмы медиа оказала воздействие и на развитие коммуникационных процессов. Появились новые речевые форматы продвижения контента, изменилось соотношение охватов популярных площадок для распространения и потребления контента. Мессенджер «Телеграм» в данном отношении стал одной из ключевых платформ. Так, в 2022 году для получения актуальной и социально значимой информации 61 % населения Донецкой Народной Республики использовали новые медиа, из них 53 % в качестве основного источника информации рассматривали социальные сети, а 30 % доверяли информации, размещённой в социальных медиа. Наиболее востребованной тематикой в 2022 году для пользователей новых медиа в ДНР стало освещение хода проведения СВО — 73 % пользователей следили за данным информационным блоком. 55 % указанной аудитории использовали «Телеграм» в качестве источника получения актуальных новостей.

При этом «Телеграм» до начала СВО не был так популярен, как в середине 2022 года. По данным компании Mediascope, к сентябрю 2021 года «Телеграмом» пользовались около 17 % взрослого населения РФ, а к аналогичному периоду 2022 года — около 35 %. Это самый высокий показатель роста аудитории среди популярных социальных медиа в России. Для сравнения: за 2022 год прирост аудитории «ВКонтакте» составил 13 %, «Одноклассников» — 1 %, а Instagram и Facebook (принадлежащие компании Meta, которая признана экстремистской и запрещена в Российской Федерации) потеряли 80 % и 79 % соответственно.

В практике работы с социальными сетями и другими новыми медиа, где основным носителем информации является текст, используется инструментарий продвижения, направленный на популяризацию у потенциальной аудитории фрагментов контента или отдельных публикаций. Например, применяются средства контекстной и таргетированной рекламы, тексты подвергаются семантической оптимизации (включают в себя лексемы, наиболее популярные у потенциальной аудитории таких изданий), что делает данные медиа востребованными и доступными тем, кто готов потреблять их контент. Специфика «Телеграма» состоит в том, что данное социальное медиа до последнего времени не располагало развитым инструментом для продвижения контента.

Основным массово-коммуникационным инструментом мессенджера «Телеграм» являются телеграм-каналы — площадки, которые представляют собой персональные или коллективные ленты сообщений с возможностью для аудитории оставлять комментарии или другие типы реакций в зависимости от настроек, которые использует автор такого медиа. При этом они не являются полноценными сообществами

социальных медиа — пользователи не могут, кроме комментирования публикаций, взаимодействовать внутри канала друг с другом (использование личных сообщений для переписки является в данном случае отдельным инструментом, как и создание чатов для общения участников, формируемых в «Телеграме» сообществ).

Несмотря на большую популярность в мире и интенсивный рост новых пользователей русскоязычного сегмента в 2022 году, когда в первой половине года произошёл массовый исход пользователей с платформ, запрещённых на территории Российской Федерации, оказалось, что очевидных механик для продвижения контента телеграм-каналов у анализируемого мессенджера нет. В то же время потребность в рекламировании ресурсов такого типа сохраняется. Так, ликвидность социального медиа подтверждается ростом официальных площадок известных медиабрендов. По данным каталога каналов и чатов «Телеграм» TGStat у телеграм-канала «РИА Новости» по состоянию на 21 февраля 2022 года было 394 038 подписчиков, набранных за 4 года существования площадки. 24 февраля 2022 года их число выросло до 634 555. К 21 мая 2022 года — до 2 017 986 подписчиков. Не менее активно развиваются медиабренды, получившие значительную популярность с началом СВО. Так, телеграм-канал Readovka к 24 февраля 2022 года имел 359 195 подписчиков, а к 26 мая 2022 года — 1 088 450 подписчиков.

Максимально быстрый рост популярности «Телеграма» как площадки для распространения журналистского контента, стимулировал появление массы новых ресурсов, не имевших сформированного медиабренда до февраля 2022 года. Команды и отдельные медиаспециалисты, работающие над продвижением таких площадок, в условиях постоянно растущей конкуренции вынуждены искать новые подходы к привлечению подписчиков на свои ресурсы. Одним из таких инструментов является распространение ссылки на продвигаемые ресурсы с помощью скам-комментариев.

Материалом проведённого исследования являются 130 уникальных скам-комментариев, позиционированных в рамках тематики СВО, размещённых в формах обратной связи (системах комментирования) телеграм-канала Readovka, отобранные с помощью метода сплошной выборки.

Данный речевой жанр по своей природе близок к спам-комментариям. Тексты, идентифицируемые как скам-комментарии, содержат ссылку на продвигаемый ресурс, для привлечения внимания задействуют манипулятивные механики, максимально отвечают своим содержанием информационным потребностям целевой аудитории и спекулируют на популярных информационных поводах.

В отечественной науке скам-комментарии не выделяют в отдельную группу. Наиболее близкий речевой жанр «спам-комментарий» В. В. Арутюнов определяет так: «спам можно определить как нелегальную массовую рассылку по электронной почте рекламных и других не интересующих получателя материалов». [1, с. 44] Также исследователь делит данное понятие на такие виды, как «нигерийские письма», фишинг, рассылки религиозного содержания, флуд для перегрузки почтовых серверов, рассылки вирусных программ, а также рекламу. Последний вид в числе атрибутивных особенностей предполагает наличие ссылки на продвигаемую веб-страницу, что также свойственно скам-комментариям.

Однако в то же время скам-комментарий нетождественен спам-комментариям, хотя распространяются оба типа текстовых фрагментов с помощью вирусной механики с опорой на диалоговость на площадках, где активно проявляет себя потенциальная целевая аудитория.

Скам-комментарий отличается двусоставной структурой, которая представляет собой каркас из основных элементов и нескольких валентных дополнительных компонентов, используемых для усиления воздействия на аудиторию и позволяющих выделить его некоторые наиболее распространённые типы.

Опираясь на изученный материал, можно сделать вывод о том, «что скам-комментарий в «Телеграм» состоит из двух основных компонентов:

1. Категорическое суждение, описывающее предлагаемый ресурс или указывающее на сенсационное/шокирующее событие.

2. Ссылка на продвигаемую страницу или телеграм-канал». [7, с. 396]

Также в структуре речевого жанра «скам-комментарий» могут находиться валентные элементы. Наиболее распространены следующие:

1. Призыв к действию.

2. Характеристика продвигаемого ресурса (указание на содержание и его качество, целевую аудиторию, авторов контента).

3. Риторический вопрос после ссылки.

4. Элементы псевдорепортажа.

5. Псевдо-тайм-коды — размещение временных меток видео с коротким их описанием, при клике на которые пользователь переходит на продвигаемый ресурс.

6. Ложная рубрикация — под каждую выделяемую рубрику определена одна и та же ссылка, ведущая на продвигаемый ресурс.

7. Предупреждение. Например, «*Строго 18+ (видео не для слабонервных)*», «*Осторожно, очень много мата*» или «*Возрастное ограничение допуска 18+*» (прим. — тут и далее сохранены авторская орфография, грамматика, лексика, синтаксис и пунктуация).

8. Заголовок.

Рис. 1. Пример скам-комментария, содержащего валентные элементы

Так как переход по ссылке — ключевая цель создания скам-комментария, для её позиционирования в тексте используется ряд приёмов, основными из которых являются следующие:

1. Ссылка на продвигаемый телеграм-канал может быть оформлена как прямая гиперссылка или как гипертекст.

2. Гипертекст может содержать призыв, часто дополняемый эмоджиконами («*смотреть видео тут*», «*Подписаться*», «*СМОТРЕТЬ ТУТ*», «*СМОТРЕТЬ*», «*Подписывайтесь, не пожалеете!*»).

3. Гипертекст может включать акцентированный актуальный элемент информационного повода (выделение начертанием в гипертексте скам-комментария слов, которые привлекают внимание читателя: «*МАКСИМ БАРСКИХ*», «*Националистический батальон АЗОВ*», «*поймали одного из главных нациков «Азова»*»).

4. Ложное указание на наименование файла, привлекающего внимание аудитории, имитация ссылки на скачивание/просмотр видео («*Казнь-пленных-07.04.2022.mp4*», «*18.04.22rasstrel-azovstal.mp4*», «*vsy-yni4tojenie.mp4*»).

5. Ссылка может повторяться несколько раз в тексте или может размещаться несколько раз подряд в тексте.

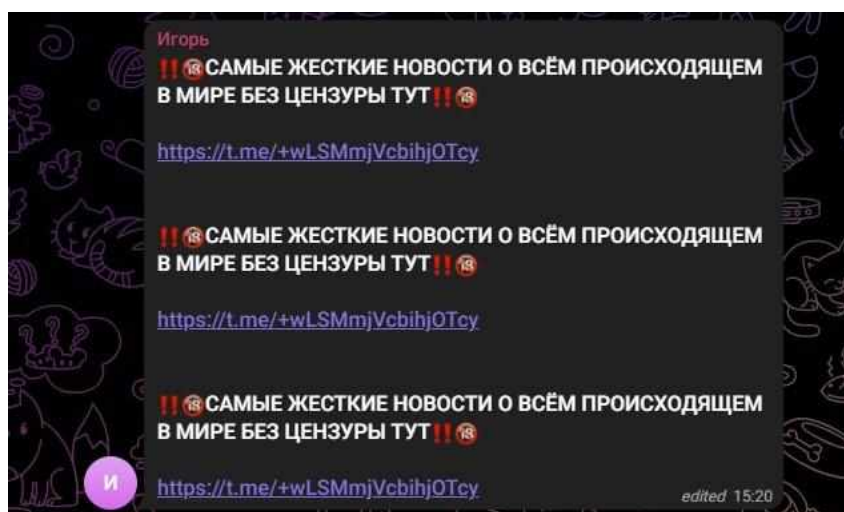

Рис. 2. Пример многократного размещения ссылки на продвигаемый ресурс в скам-комментарии

Также контент-анализ изученных скам-комментариев позволил выявить ряд приёмов, используемых для эмоционального воздействия и манипулирования целевой аудиторией:

1. Спекуляция на эксклюзивности и достоверности контента («*ЧВК “Вагнер” заливают лютые видео в телеграм*», «*Кстати, единственный Российский канал о войне которому я доверяю*», «*Самый эксклюзивный контент со спец.операции на Украине в live формате*»).

2. Спекуляция на ограниченности доступа к контенту («*оставлю ссылку на 10 минут*», «*Оставлю ссылку на 5 минут, смотрите быстрее*», «*Эти жёсткие кадры доступны для просмотра СТРОГО совершеннолетним по ссылке*»).

3. Указания на наличие шок-контента («АЗОВЦЫ НАДРУГАЛИСЬ НАД ДЕВУШКОЙ И ЗАПИСАЛИ ВСЕ НА ВИДЕО», «Укронацистку, снявшуюся в социальном ролике с казнью, якобы, российского десантника, нашли в Молдове небезразличные и жестокие ребята», «Очень жёсткие кадры с Попасной в закрытом канале. Слабонервным просьба не смотреть»).

4. Указание на авторитетность и компетентность авторов продвигаемого ресурса («Канал сотрудника спецслужб дружественной стороны», «Спецоперация в Мариуполе глазами танкиста оперативно-боевого тактического формирования ДНР», «Наши военные экстренно создали COMMUNITY, где показывают то, что остаётся от ВСУ и нацбатов после боёв и все что происходит в мире!», «Я простой русский сержант, с 24 февраля нахожусь на Украине и веду свой телеграм канал, где показываю всю правду и реалии спецоперации»).

5. Создание фейковых инфоповодов, содержащих «сенсационную» информацию («Сегодня утром 6 мая в 8:30 Хохляцкий певец МАКСИМ БАРСКИХ который кричал об истреблении русских был пойман бойцами из Чечни», «Сегодня нацики азова вышли с АзовСтали! Тех, кто остался на заводе – вытаскивают силой и жёстко допрашивают», «Только что с белым флагом с Азовстали вышел зам.командира Азов Святослав Паламар известный как “Волына” и уже появились первые кадры допросов. То что он поведал по поводу американских биологических лабораториях от этого кровь стынет в жилах», «КАДЫРОВ В КИЕВЕ ВСТРЕТИЛСЯ С ЗЕЛЕНСКИМ»).

6. Спекуляция на национальном признаке («...сливает инсайды из украинских чатов и издевается над истеричными чубатыми...», «Они предлагали “рззать” кадировцев, но прилегли отдохнуть», «Чеченский боец смеется, несмотря на ранение, и просит вернуть ему автомат: СМОТРЕТЬ»).

Разграничение элементов структуры скам-комментариев как понимание внешней стороны реализации анализируемого речевого жанра интернет-дискурса или формы, а также выделение ключевых приёмов и мотивов, используемых для привлечения внимания аудитории, что напрямую связано с их содержанием вне зависимости от тематической группы продвигаемых ресурсов, позволяет дать определение понятию «скам-комментарий». Скам-комментарий — речевой жанр интернет-дискурса, используемый для продвижения сетевых ресурсов, реализуемый в формах обратной связи социальных медиа в виде комментария, содержащего описывающее продвигаемый ресурс категорическое суждение и ссылку на него, а также некоторые дополнительные элементы, усиливающие эмоциональное воздействие на реципиента, с использованием манипулятивных приёмов.

Последующее рассмотрение примеров реализации речевого жанра «скам-комментарий» даст возможность выделить его функциональные разновидности, а также наиболее эффективные способы использования для продвижения сетевых ресурсов в интернет-дискурсе, так как «прагматический подход в исследовании интернет-комментария с учётом специфики виртуального дискурса позволяет решить проблему категориальной принадлежности данного РЖ, а также выявить его инструментальные разновидности». [6, с. 76]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнов В. В. Спам: история возникновения и противодействие его распространению / В. В. Арутюнов // Вестник Московского финансово-юридического университета МФЮА. — 2012. — № 1. — С. 44–48.

2. Бурляй А. С. Эффективные коммуникативные инструменты формирования имиджа бренда в социальной сети Instagram / А. С. Бурляй, А. О. Якель, В. П. Безродный // Донецкие чтения 2017: Русский мир как цивилизационная основа научнообразовательного и культурного развития Донбасса: Материалы Международной научной конференции студентов и молодых ученых. Посвящена 80-летию ДонНУ, Донецк, 17–20 октября 2017 года / Под общей редакцией С.В. Беспаловой. — Донецк: Донецкий национальный университет, 2017. — С. 244–246.

3. Кузьмина, А. Д. Новые медиа в информационно-коммуникационном пространстве в условиях новой реальности (на примере «ВКонтакте», «Telegram», «Rutube», «Яндекс.Дзен») / А. Д. Кузьмина // E-Scio. — 2022. — № 6 (69). — С. 443–448.

4. Суходолов, А. П. Цифровые технологии и наркопреступность: проблемы противодействия использованию мессенджера «Телеграм» в распространении наркотиков / А. П. Суходолов, А. М. Бычкова // Всероссийский криминологический журнал. — 2019. — Т. 13, № 1. — С. 5–17.

5. Топчий, И. В. Комментарий в социальных медиа / И. В. Топчий // Знак: проблемное поле медиаобразования. — 2020. — № 2 (36). — С. 157–162.

6. Якель А. О. Речевой жанр «агрессивный комментарий» как коммуникационный инструмент в виртуальном дискурсе новых медиа / А. О. Якель // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2019. — № 3. — С. 76–80.

7. Якель, А. О. Структура речевого жанра «скам-комментарий» в мессенджере «Телеграм» / А. О. Якель // Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: материалы VII Международной научной конференции, посвящённой 85-летию Донецкого национального университета, Донецк, 27–28 октября 2022 года. — Донецк: Донецкий национальный университет, 2022. — С. 394–397.

Поступила в редакцию 28.11.2022 г.

CONCEPT AND ATTRIBUTIVE FEATURES OF SPEECH GENRE "SCAM COMMENTARY"

A.O. Iakel

The article deals with the concept of the speech genre "scam commentary". Distribution of this type of text messages in the virtual discourse in the context of the Telegram messenger growing popularity is considered. The author defines the speech genre under study based on its attributive features, among which is the structure, as well as the main techniques used to attract the attention of the audience to the messages created in the analyzed speech genre.

Keywords: scam commentary, speech genre, new media, virtual discourse, social media

Якель Алексей Олегович.

Кандидат филологических наук.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Доцент кафедры журналистики.

E-mail: ayakel@narod.ru.

Iakel Aleksey Olegovich.

Candidate of Philology.

Donetsk National University.

Associate Professor of Journalism Department.

E-mail: ayakel@narod.ru.

УДК 81.373.21

ЛИЧНОСТНЫЙ МЕМОРАТИВНЫЙ КОД В ГОДОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ВОЛГОГРАДА

© 2022 *Н.С. Антоненко*

ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»

Предметом исследования являются личные меморативы – разновидность номинации линейных и точечных объектов города, увековечивающая память значимых исторических фигур. В статье приводится количественный анализ личных меморативов в зависимости от социально-исторической роли и сферы профессиональной деятельности персоналии, в честь которой назван элемент улично-дорожной сети.

Ключевые слова: топонимика, годоним, личный меморатив.

Урбанизацию без преувеличения можно назвать одной из наиболее характерных черт глобального развития. Как отмечает Е.А. Коломак, горожане составляют 74% населения современной России, что позволяет утверждать о весьма высокой распространенности этого социально-экономического процесса [3]. Специфическая особенность урбанизации заключается в росте городов, что в свою очередь приводит к появлению новых объектов улично-дорожной сети и, следовательно, к потребности их именованию.

Особая роль в формировании городского пространства отводится годонимам как специфическим маркерам локуса [2]. Н.В. Подольская определяет годоним как «название линейного объекта в городе, в т. ч. проспекта, улицы, линии, переулка, проезда, бульвара, набережной» [5]. Существует, однако, и другая точка зрения, согласно которой в состав годонимических единиц включаются и наименования точечных объектов (см. [8]).

Объектом исследования являются годонимы Волгограда, зафиксированные нормативным документом: «Общегородским перечнем наименований элементов улично-дорожной сети и элементов планировочной структуры городского округа город-герой Волгоград» [6]. По состоянию на 25.08.2020 г. в годонимическое пространство города (совокупность зарегистрированных названий линейных топообъектов, находящихся на территории населенного пункта [2]) входят 2833 улицы, 271 переулок, 27 проездов, 15 площадей, 8 проспектов, 5 набережных, 3 бульвара, 2 шоссе, 2 тупика и 2 разъезда.

Предмет исследования – личные меморативы, закрепленные в номинациях линейных и точечных объектов города. Личностный меморативный код как разновидность кода лингвистического (способы и средства создания лексических единиц с целью номинации объекта внеязыковой действительности в соответствии с системой определенных правил, присущих языку) обладает такими характеристиками, как системность, структурность, наполненность определенной информацией, релевантной для пользователей, а также в ряде случаев символизм и условность [там же].

Личностные меморативы, присваиваемые объектам городской застройки для увековечивания памяти исторических фигур, широко используются в качестве волгоградских годонимов. Из 3168 линейных объектов, чье существование закреплено Перечнем, наименования 598 являются личностными меморативами. Неравномерно группируясь в зависимости от деятельности и исторической роли увековечиваемой персоналии, такие номинации отражают ценностные стереотипы и приоритеты

социума, информацию о его исторических, идеологических и эстетических вкусах и пристрастиях [там же].

Основная сложность при систематизации фигур, в честь которых названы элементы улично-дорожной сети города, связана с неоднозначностью профессиональной принадлежности или исторической роли. Так, Перечень характеризует М.В. Ломоносова как ученого-естествоиспытателя, не учитывая его литературное наследие и реформаторскую деятельность в этой сфере. На основании этого наименование отнесено и в категорию меморативов, увековечивающих память ученых, и в категорию названий, посвященных литературным деятелям. В подобных неоднозначных ситуациях номинации относятся в несколько групп наименований.

Группирование личностных меморативов позволяет сделать вывод о наиболее значимом историческом периоде для города. В случае Волгограда это Великая Отечественная война и Сталинградская битва. Крупнейшая категория личностных меморативов (152 единицы) может быть разделена на три подгруппы:

- номинации, увековечивающие память военачальников (улицы им. *Маршала Крылова, маршала Еременко*, проспект им. *Маршала Советского Союза Г.К. Жукова*);
- названия, связанные с именами героев Великой Отечественной войны, не являющимися участниками Сталинградской битвы (улицы им. *А. Матросова, Л. Чайкиной*);
- наименования, увековечивающие память героев Сталинградской битвы (улицы им. *М. Балонина, М. Паникахи, Г. Королевой*).

Характеризуя русскую культуру, С.В. Глушков отмечает литературоцентричность как ее ключевую особенность [1]. По всей видимости, отражением этого является и тенденция присваивать линейным объектам города имена как отечественных (включая уроженцев Волгограда и области), так и зарубежных литературных деятелей (улица и переулок им. Достоевского, улицы им. *Тургенева, Шиллера, Шекспира*).

69 элементов городской застройки носят имена героев и участников других войн и военных конфликтов (улицы им. *Кожанова, адмирала Макарова, Денисовская*). Отметим, что в рамках этой категории весьма частотным является отнесение одной номинации в несколько категорий. Яркий пример этого – название, увековечивающее память маршала Рокоссовского: ее можно отнести к именованиям, посвященным героям других войн, героям гражданской войны, героям Великой Отечественной войны, а также политическим деятелям.

Распространенной для Волгограда является тенденция номинации линейных объектов в честь представителей определенных профессий. Наиболее многочисленной категорией таких меморативов являются именования в честь отечественных и зарубежных ученых, при этом первых в категории 63, а вторых – только 5 (улицы им. *Дарвина, Коперника, Галилея, Навои, Ковалевской*).

Октябрьская революция, по мнению Т.В. Шмелевой, способствовала превращению годонимов в часть политического словаря эпохи [8]. Подтверждением этого является тот факт, что следующая категория насчитывает 67 номинаций, увековечивающих память революционно-политических деятелей: улицы им. *Ульянова*, а также одноименные проспект, площадь и улица им. *Ленина*, апеллирующие к одному и тому же человеку, улицы им. *Тельмана, Менжинского, Луначарского*.

С исторической точки зрения одновременно двум категориям – номинациям в честь героев Великой Отечественной войны и названиям, связанных с именами революционно-политических деятелей – близка группа годонимов, сохраняющих память о героях и участниках гражданской войны. Царицын (название современного Волгограда до 1925

года) был важным форпостом и как стратегически значимый город трижды оборонялся Красной Армией, что закономерно отразилось в названиях элементов городской застройки. Аналогично именованию, связанным с героями и участниками Великой Отечественной войны, названия 64 линейных объектов распределяются по трем категориям:

- номинации, связанные с именами военачальников и командиров воинских подразделений (улицы *им. Щорса, Фрунзе, Чапаева*);
- названия, апеллирующие к участникам гражданской войны, не имеющих непосредственного отношения к обороне Царицына (улицы *им. Котовского, Лазо, Дундича*);
- годонимы, представленные именами непосредственных участников обороны города (улицы *им. Хорошева, командира Рудь, Тулака*).

Еще одна группа наименований, объединенная по признаку профессиональной деятельности исторических фигур, связана с музыкантами и композиторами (30 номинаций). В этом случае вновь наблюдается деление на представителей отечественной и зарубежной культуры (улицы *им. Рахманинова, Бетховена, Шопена*).

24 элемента городской застройки Волгограда названы в честь художников (улицы *им. Брюллова, Крамского*). Отметим, что здесь, в отличие от предшествующих категорий, связанных с культурой, иностранные творцы не представлены, исключением являются улица и переулок *им. Навои*.

Две группы личностных меморативов состоят из 21 единицы. Одна из них связана с профессиональной деятельностью исторических фигур и увековечивает память отечественных театральных деятелей, в частности актеров и режиссеров (улицы *им. Немировича-Данченко, Щепкина*). Вторая группа сформирована именами героев мирного времени. Такие номинации сохраняют память о персоналиях, совершивших значимый вклад в развитие общества, трудовой или иной подвиг в мирное время. Сюда относятся названия улиц *им. Паши Ангелиной, ударницы труда; милиционера Буханцева, погибшего при исполнении служебных обязанностей, Федорова, отечественного первопечатника*.

Отдельную категорию представляют номинации, увековечивающие память первопроходцев, мореплавателей и исследователей. 8 меморативов из 9 связаны с отечественными путешественниками (улицы *им. Седова, Дежнева*) и только 1 – с зарубежным (улица *им. Колумба*).

Как мы отмечали выше, во многих категориях обнаруживаются наименования, указывающие на уроженцев города и области, а также на исторические фигуры, чья деятельность связана с Волгоградом. В группе номинаций, отсылающих к именам архитекторов, 3 единицы из 5 носят имена персоналий, непосредственно участвующих в судьбе города. Так, улица *им. Алабяна* названа в честь разработчика плана восстановления Сталинграда, название улицы *им. Симбирцева* посвящено главному архитектору города, а улица *им. Вучетича* хранит память о создателе символа Волгограда – скульптуры «Родина-мать зовёт!»

Наименее объемные группы объектов, в которые входит по 3 единицы, представлены именами спортсменов и космонавтов. 2 улицы города названы в честь шахматистов (улицы *им. Алехина, Чигорина*), третья – в честь борца Поддубного.

Имя первого человека в космосе носит улица *им. Гагарина*, имя первого человека, совершившего продолжительный космический полет, – улица *им. Титова*, в честь первой женщины-космонавта названа улица *им. Терешковой*.

Несмотря на весьма обширную историческую справку, которой снабжены практически все объекты, включенные в Перечень, ряд наименований подобными данными не сопровождается. Это улицы *им. Абадиева, Гвоздкова, Кочеткова*,

Покровского, Просвилова, Фролова, Щедрина, переулок им. Коневского. Из-за высокой распространенности фамилий и отсутствия инициалов не удалось установить, в честь кого названы улицы им. Фролова и Щедрина. Кроме того, не установлено, чье имя носит улица им. Покровского и 8 одноименных проездов около нее. Однако с разной степенью уверенности и достоверности можно говорить об идентификации остальных исторических фигур.

Так, улица им. Абадиева названа в честь участника Сталинградской битвы, гвардии подполковника Японца Арскиевича Абадиева. Об этом накануне присвоения линейному объекту названия сообщали волгоградские СМИ [7].

Мы предполагаем, что улица им. Гвоздкова носит имя Прокофия Захаровича Гвоздкова, дважды Героя Социалистического труда, директора Деминской МТС Новоаннинского района. Косвенным и не самым достоверным подтверждением истинности этого предположения является местоположение объекта: непосредственная близость к Волгоградскому государственному аграрному университету.

Перечень не располагает данными и по поводу названия улицы им. Кочеткова. Однако тот факт, что на Большой братской могиле мемориального комплекса на Мамаевом кургане есть плита с этой фамилией, а также тенденция именованя линейных объектов в честь героев Сталинградской битвы, позволяют предположить, что улица названа в честь Героя Советского Союза Василия Дмитриевича Кочеткова, погибшего при обороне города.

Информационное агентство «Высота 102» сообщало, что в городе появится улица им. Просвилова, названная в честь сельского учителя, участника Великой Отечественной войны [4].

Название переулка им. Коневского, по всей видимости, увековечивает память Анатолия Георгиевича Коневского, профессора Волгоградского государственного медицинского университета, доктора медицинских наук, участника Великой Отечественной войны, однако документальных подтверждений или опровержений эта гипотеза не имеет.

Принимая во внимание установленные данные, мы представили процентное соотношение волгоградских номинаций, чью основу составляют имена исторических фигур (рисунок 1).

Личностные меморативы города составляют почти 20% от общего количества именованных, что позволяет назвать этот лингвистический код значимым. Присвоение линейным объектам подобных номинаций отражает основные этапы развития общества, а также позволяет сохранить память об исторических фигурах, значимых как на уровне государства и мировой культуры, так и непосредственно связанных с историей города.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь в двух томах. Т1 /Абаев–Любичев / Пред. ред. коллегии И.Н. Шкадов. – М.: Воениздат, 1987. – 911 с.
2. Глушков С.В. Философия книги: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / С.В. Глушков. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 122 с.
3. Ильин Д.Ю. Лингвистические коды волгоградских топонимов как отражение региональной топонимической политики / Д.Ю. Ильин, Е.Г. Сидорова // Вестник ВолГУ. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19. – № 6. – С. 69–80.
4. Коломак Е.А. Ресурс урбанизации в России / Е.А. Коломак // Пространственная экономика. – 2015. – № 4. – С. 59–74.
5. Новые улицы Волгограда назвали в честь учителя, маршала и поэта // ИА «Высота 102». 17.07.2017. – Режим доступа: <https://v102.ru/news/65991.html> (дата обращения: 20.11.2022).
6. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
7. Постановление об утверждении Общегородского перечня наименований элементов улично-дорожной сети и элементов планировочной структуры городского округа город-герой Волгоград. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/446506494> (дата обращения: 20.11.2022).
8. Шереметьева И.В. Волгограде две улицы назовут в честь героев Сталинградской битвы Джабраила Кортоева и Японца Абадиева / И.В. Шереметьева // Комсомольская правда. 26.12.2016. – Режим доступа: <https://www.volgograd.kp.ru/online/news/2611460/> (дата обращения: 20.11.2022).
9. Шмелева Т.В. Советское наследие в новгородской топонимии / Т.В. Шмелева. – Режим доступа: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/1797/2/Part2%202008-28.pdf> (дата обращения: 20.11.2022).

Поступила в редакцию 11.12.2022 г.

PERSONAL MEMORATIVE CODE IN VOLGOGRAD GODONYMIC SYSTEM

N.S. Antonenko

The research deals with personal memoratives as a kind of linear and point city objects nominations. Such nominations perpetuate the significant historical figures memory. The article provides a quantitative analysis of personal memoratives depending on the social and historical role and scope of professional activity of the personality whose name is assigned to the road network element.

Key words: toponymy, godonym, personal memorative.

Антоненко Наталья Сергеевна.

Аспирант кафедры русской филологии и журналистики института филологии и межкультурной коммуникации.

ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет».

E-mail: yala-211_824431@volsu.ru

Antonenko Natalia Sergeevna.

Postgraduate student of Russian philology and journalism department, Institute of Philology and Intercultural Communication.

Volgograd State University.

E-mail: yala-211_824431@volsu.ru

УДК 81'373

СОЦИАЛЬНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ КОД В ГОДОНИМИКОНЕ БОЛЬШОГО ДОНБАССА

© 2022 *Е.В. Ладнова*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Статья посвящена анализу специфики реализации социально-идеологического кода культуры в годонимиконе Большого Донбасса на материале наименований линейных адресных объектов г. Шахтёрска, г. Енакиево, г. Снежного ДНР и г. Донецка, г. Каменска-Шахтинского, г. Миллерово РФ. Определены лексико-семантические и структурные характеристики данного типа имён собственных.

Ключевые слова: урбаноним, годоним, Донбасс, культурный код.

Годонимы – это наименования внутригородских адресных линейных объектов, т. е. улиц, переулков, бульваров, проспектов и пр (см. обзор в [7; 8; 9]). Наряду с агоронимами (названиями площадей, рынков и других открытых городских пространств) годонимы составляют ядро урбанонимического поля [5]. Основная функция годонимов – *адресно-идентификационная*, т. е. фиксация линейного адресного объекта и различение его среди ряда подобных.

В рамках лингвокультурологического подхода годонимы изучаются в неотрывной связи с культурой, под которой в работе понимаем «универсум искусственных объектов (идеальных и материальных предметов; объективированных действий и отношений), созданный человечеством в процессе освоения природы и обладающий структурными, функциональными и динамическими закономерностями (общими и специальными)» [3]. Так, на формирование системы годонимов влияет много разных факторов — социальные, политические, экономические, идеологические.

Специфика годонимов как особого разряда имён собственных состоит в том, что они являются результатом искусственной номинации, которая, как указывает М.В. Голомидова, представляет собой «номинативный акт, который принадлежит сфере институированной коммуникации и ставит своей целью создание наименования, рассчитанного на априорную узуализацию» [2, с. 45]. Так, годонимы могут выполнять важные общественные функции – сохранения коллективной памяти, воспроизводства идеологической гегемонии, просвещения и др.

Цель предлагаемой статьи заключается в том, чтобы на примере годонимиконов городов Большого Донбасса (Шахтёрска, Енакиево, Снежного ДНР и Донецка, Миллерово, Каменска-Шахтинского РФ) определить специфику реализации социально-идеологического кода культуры.

Объектом исследования выступают годонимы указанных населённых пунктов Большого Донбасса, реализующие с помощью своих производящих основ социально-идеологический код культуры. В то время как **предметом анализа** являются лексико-семантические и прагматические особенности данного типа наименований. **Материал исследования** извлекался методом сплошной выборки годонимов из различных реестров наименований адресных объектов названных населённых пунктов. **Аспект анализа** – синхронный. Исследованию подвергаются официальные, письменно фиксируемые формы наименований.

Годонимы, реализующие социально-идеологический код культуры, относятся к наиболее частотным в структуре наименований линейных адресных объектов городов Большого Донбасса. Прежде всего данный код культуры объективируют наименования, мотивированные идеологемами, которые указывают на идеологические символы или ценности. Так, в Снежном было зафиксировано 28 таких наименований, в Шахтёрске – 29, в Енакиево – 18, в Донецке РФ – 18, в Каменске-Шахтинском – 13, в Миллерово – 32.

В ходе исследования было выделено несколько групп годонимов, реализующих социально-идеологический код культуры:

1. Годонимы, мотивированные идеологическими понятиями:

Авангардный пер., Коммунистическая ул., Советский пер., Социалистическая ул. в г. Енакиево; *Коммунистическая ул., Социалистическая ул.* в г. Шахтёрске; *Коммунистическая ул., Революционная ул., Социалистическая ул.* в г. Донецке РФ; *Советская ул., Социалистическая ул.* в г. Миллерово; *Коммунистический пер., Советская ул., Социалистическая ул.* в г. Каменске-Шахтинском.

Данная группа наименований представлена в рассматриваемых населённых пунктах односоставными адекватными годонимами. Характерно то, что во всех этих городах встречаются названия, отсылающие к господствующей в советский период идеологии: *Социалистическая ул., Коммунистическая ул.*

2. Годонимы, указывающие на символы советские эпохи: ул. *Броненосца «Потемкина»*, *Красная ул., ул. Крейсера «Аврора»* в Енакиево; *Арсенальная ул., Красная ул., ул. Правды* в Снежном; *Красный пер.* в Шахтёрске; *пер. Правды* в Донецке РФ.

Так, годоним ул. *Броненосца «Потемкина»* в Енакиево отсылает к восстанию на броненосце «Князь Потемкин-Таврический» 1905 года. Данному событию, первому восстанию целой воинской части в ходе Первой русской революции, в советский период были посвящены художественные книги (драматическая поэма Шенгели «Броненосец «Потемкин», книга В. Катаева «Белеет парус одинокий» и т. д.), фильмы (С. Эйзенштейн «Броненосец «Потемкин»). Данные события в контексте советской истории стали носить символический характер. Линейные адресные объекты с подобным названием есть и в других городах постсоветского пространства – Луганске, Харькове и др. К январскому восстанию 1918 года в Киеве, начавшемуся на заводе «Арсенал», восходит наименование *Арсенальная ул.* в г. Снежном.

Другой символ советской эпохи отражен в наименовании ул. *Крейсера «Аврора»* в Енакиево. Известно, что холостой выстрел с крейсера «Аврора» стал сигналом к началу штурма Зимнего дворца, а в 1948 году «Аврора» была установлена на вечную стоянку на Неве как памятник Октябрьской революции. Годоним ул. *Правды* в Донецке РФ отсылает, кроме прочего, к названию газеты «Правда», основанной Лениным в 1912 году.

Годонимы *Красная ул.* и *Красный пер.* одновременно объективируют социально-идеологический и колористический коды культуры. С 1871 года красный цвет стал символом международного коммунистического движения. Данное наименование также вызывает ассоциации с цветом советского флага.

В структурном плане данная группа наименований более разнообразна. Как видно из примеров, здесь представлены однокомпонентные адекватные (*Красная ул., Красный пер.*), однокомпонентные субстантивные генитивные (ул. *Правды*), а также многокомпонентные годонимы (ул. *Броненосца «Потемкина»*, ул. *Крейсера «Аврора»*).

3. Годонимы, отражающие ценностные понятия: *Вольная ул., Трудовая ул.* и др. в Енакиево; *Интернациональная ул., Интернациональный пер., ул. Мира, Мирный пер., ул. Свободы, пер. Свободы, Ударный пер.* в Шахтёрске; *ул. Дружбы, ул. Мира, пер. Дружбы, Интернациональная ул., пр-т Мира, Мирный пер., Трудовая ул.* в Донецке РФ; *ул. Мира, Мирная ул., Свободный пер.* в Шахтёрске; *Верный пер., ул. Мира* в Миллерово.

Наиболее частотными в данных городах являются годонимы, образованные от таких слов, как *мир, труд, свобода, дружба*. Данные названия отражают как настроение революционной эпохи, так и, к примеру, специфику периода борьбы за мир, начавшегося после Первого всемирного конгресса мира в 1949 году.

Данная группа наименований представлена однокомпонентными адъективными (*Вольная ул., Мирная ул.* и др.) и субстантивными генитивными (*ул. Свободы, ул. Мира* и др.) годонимами.

4. Годонимы, соотносимые с хрононимами: *Октябрьская ул., ул. 8 Марта, ул. 50 лет СССР, ул. 40 лет Октября, ул. 50 лет Октября* в Шахтёрске; *ул. Октябрьской Революции, ул. Парижской Коммуны, Первомайская ул., ул. Февральской Революции* и др. в Енакиево; *ул. 16 июля, ул. 250 лет Донбасса, ул. 40 лет Октября, ул. 8 Марта, ул. Восьмого Октября, Октябрьская ул., Первомайская ул.* и др. в Снежном; *Октябрьская ул., Юбилейный б-р, ул. 5 Пятилетки, ул. 6 Фестиваля, пер. 8 Марта, ул. 20 Партсъезда, ул. 50-летия Победы, пер. Победы* и др. в Донецке РФ; *Октябрьская ул., Первомайская ул., мкрн 60 лет Октября* и др. в Каменско-Шахтинском; *квартал 70 лет Победы, ул. 1 Мая, ул. 14 Съезда ВЛКСМ, ул. 19 Съезда КПСС, ул. 20 лет РККА, ул. 25 лет Октября, ул. 27 Февраля, ул. 30 лет ВЛКСМ, ул. 50 лет ВЛКСМ* и др. в Миллерово.

Годонимы данной группы представлены однокомпонентными адъективными (*Октябрьская ул., Первомайская ул.* и др.), многокомпонентными числовыми генитивными (*ул. 8 Марта, ул. 25 лет Октября* и др.), многокомпонентными адъективно-субстантивными генитивными наименованиями (*ул. Октябрьской Революции, ул. Февральской революции* и др.).

Такие наименования или отсылают к важным праздникам (*ул. 8 Марта, Первомайская ул.* и др.), или указывают на важные исторические события (*ул. Парижской Коммуны, ул. Октябрьской Революции*), или посвящены важным юбилейным датам (*ул. 250 лет Донбасса, ул. 40 лет Октября* и др.). Большая часть этих наименований, как и в других группах годонимов, объективирующих социально-идеологический код культуры, связана с советской идеологией. Исключением можно назвать годоним *ул. 16 июля* в Снежном, который связан с идеологией украинского государства.

Годонимы, указывающие на хрононимы, относятся к группе наименований, которые комплексно реализуют несколько кодов культуры. Так, кроме социально-идеологического кода, эти номинации объективируют темпоральный код.

Социально-идеологический компонент представлен также в некоторых годонимах, объективирующих антропоморфный код. Речь идёт в первую очередь о мемориальных наименованиях, соотносимых с именами революционеров и советских партийных деятелей: *пер. Ильича, пер. Калинина, ул. Карла Маркса* и др. в Шахтёрске; *ул. Карла Либкнехта, ул. Калинина, ул. Карла Маркса, ул. Розы Люксембург* в Енакиево; *пер. Бабушкина, ул. Артёма, ул. Кропоткина* и др. в Снежном; *ул. Артёма, ул. Братьев Дорошевых, пр-т Ленина* и др. в Донецке РФ; *пр-т Карла Маркса,*

ул. *Ленина*, ул. *Орджоникидзе* в Каменске-Шахтинском; ул. *Буденного*, ул. *Георгия Димитрова*, ул. *Крупской* в Миллерово.

Данный код культуры объективируется также в годонимах, соотносимых с именами героев Великой Отечественной войны: ул. *Багратиона*, ул. *Ватутина*, ул. *Зои Космодемьянской* в Шахтёрске; ул. *Вити Черевичкина*, ул. *Гризодубовой*, ул. *Маршала Жукова* в Снежном; ул. *Доватора*, ул. *Жлобы*, ул. *Малиновского* в Енакиево; ул. *Лизы Чайкиной*, ул. *Матросова*, пер. *Осипенко* в Донецке РФ; ул. *Кошевого*, ул. *Осипенко* и др. в Каменске-Шахтинском; ул. *Ватутина*, ул. *Гастелло*, квартал имени *Маршала Ефимова* и др. в Миллерово. Годонимы данной группы не только отражают важные для советской истории события, но и служат сохранению коллективной памяти о Великой Отечественной войне.

Антропоморфный и социально-идеологический коды реализуют также адекватные годонимы, соотносимые:

1) с названиями советских вооруженных формирований: *Красногвардейская ул.*, *Краснофлотская ул.* в Енакиево; *Партизанская ул.*, *Партизанский пер.* в Шахтёрске; ул. *Героев Интернационалистов*, *Конармейская ул.*, *Красноармейская ул.* и др. в Снежном; *Конармейский пер.*, *Красноармейская ул.*, ул. *Советской Армии* и др. в Донецке РФ; *Красноармейский пер.* в Каменске-Шахтинском; ул. *Героев-освободителей*, ул. *Защитников Отечества*, *Красноармейская ул.* и др. в Миллерово;

2) с названиями других советских организаций и объединений: ул. *Коммунаров*, *Пионерская ул.*, *Пионерский пер.* и др. в Шахтёрске; *Комсомольская ул.*, *Пионерская ул.* и др. в Снежном; *Женсоветская ул.*, *Комсомольская ул.*, *Орсовская ул.* и др. в Енакиево; *Комсомольская ул.*, *Пионерская ул.*, *Профсоюзная ул.* и др. в Донецке РФ; *Пионерский пер.* в Каменске-Шахтинском; *Комитетская ул.*, *Комсомольская ул.*, ул. *3 Интернационала* и др. в Миллерово;

3) с названиями рабочих профессий, социальных групп: *Шахтёрская ул.*, ул. *Шахтостроителей* и др. в Шахтёрске; ул. *Геологов*, ул. *Горняков*, ул. *Мастеров Угля* и др. в Енакиево; *Строительный пер.*, *Машиностроительный пер.*, *Крестьянская ул.* и др. в Снежном; *Горноспасательный пер.*, ул. *Обогатителей*, квартал *Текстильщиков* и др. в Донецке РФ; ул. *Геологов*, ул. *Текстильщиков*, проезд *Нефтяников* в Каменске-Шахтинском; *Милицейская ул.*, *Молодёжный пер.*, *Пролетарская ул.* и др. в Миллерово.

В некоторых случаях годонимы могут реализовывать комплексно топоморфный и социально-идеологический коды. Так, например, наименование *Волочаевский пер.* в Донецке РФ отсылает не только к названию станции Волочаевка Амурской железной дороги, но и ассоциируется с Волочаевской операцией 1922 года, происходившей в рамках Гражданской войны.

Таким образом, анализ годонимов таких городов Большого Донбасса, как Снежное, Енакиево, Шахтёрск ДНР и Донецк, Каменск-Шахтинский и Миллерово РФ в аспекте реализации с помощью их производящих основ социально-идеологического культурного кода показывает, что эта группа наименований линейных адресных объектов представляет значительный пласт годонимикона изучаемого региона и уступает по частотности лишь годонимам, реализующим антропоморфный и топоморфный коды. Данные годонимы отражают прежде всего идеологию советского государства. Социально-идеологический компонент присутствует также в наименованиях, реализующих антропоморфный и топоморфный коды культуры.

Рассмотреть специфику реализации других кодов культуры на материале топонимов Большого Донбасса – следующая задача нашего исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белорусское Поозерье: культура – ономастика – социум / А.М. Мезенко, Т.Ю. Васильева, Ю.М. Галковская, М.Л. Дорофеев; под науч. ред. А.М. Мезенко. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2017. – 180 с.
2. Голомидова М.В. Искусственная номинация в русской ономастике / М.В. Голомидова. – Екатеринбург: Изд-во Уральского пед. института, 1998. – 232 с.
3. Культура // Философия: Энциклопедический словарь. – [Электронный ресурс]. – М.: Гардарики. Под редакцией А.А. Ивина. 2004. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/581/%D0%9A%D0%A3%D0%9B%D0%AC%D0%A2%D0%A3%D0%A0%D0%90 (дата обращения: 14.03.2022 г.).
4. Кюрегян А.Л. Семиотика культуры и культурные коды / А.Л. Кюрегян // Вестник Вятского государственного университета. – 2012. – № 4. – С. 79–81.
5. Мадиева Г.Б. Система современной русской урбанонимической терминологии / Г.Б. Мадиева, В.И. Супрун // Вопросы ономастики. – 2017. – Т. 14. – № 2. – С. 115–125.
6. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская; под ред. А.В. Суперанской. – 2-е изд. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
7. Ярошенко Н.А. Культурные коды в урбанонимике Донбасса (на материале адъективных топонимов Центрально-Городского района г. Макеевки) / Н.А. Ярошенко, У.Л. Чабан // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – № 3–4. – Донецк: ДонНУ, 2018. – С. 59–66.
8. Ярошенко Н.А. Антропоморфный код в урбанонимике Донбасса (на материале отапельтивных топонимов г. Донецка) / Н.А. Ярошенко // Материалы IV Международ. научн. конф. «Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» (г. Донецк, 31 октября 2019 г.); под общей ред. проф. С.В. Беспаловой. – Т. 4. Филологические науки. Культура и искусство. Библиотечное дело. – Ч. 2. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2019. – С. 128–132.
9. Ярошенко Н.А. Культурные коды в топонимике г. Енакиеве ДНР и г. Каменска-Шахтинского РФ / Н.А. Ярошенко, Е.В. Ладнова // «In Nōminum Spatio (В пространстве имён)»: коллективная монография, посвящённая 90-летию со дня рождения кандидата филологических наук, доцента Всеволода Николаевича Михайлова / ред. В.М. Калинин, А.В. Петров. – Симферополь: «ПОЛИПРИНТ», 2021. – С. 201–215.

Поступила в редакцию 19.12.2022 г.

SOCIAL AND IDEOLOGICAL CULTURAL CODE IN GODONYMS OF GREAT DONBASS

E.V. Ladnova

The article analyzes the specifics of the implementation of the social and ideological code of culture in the toponyms of the Great Donbass on the material of the names of linear address objects in Shakhtersk, Yenakievo, Snezhnoye of the DPR, Donetsk, Kamensk-Shakhtinsk, Millerovo of the Russian Federation. The lexical, semantic and structural characteristics of this type of proper names have been determined.

Key words: urbanonym, toponym, Donbass, cultural code.

Ладнова Екатерина Владимировна.

Аспирант кафедры общего языкознания и истории языка имени Е.С. Отина.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
E-mail: ciolkovskaja@gmail.com
kf.genling@donnu.ru

Ladnova Ekaterina Vladimirovna.

Graduate Student at Department of General Linguistics and History of Language named after E.S. Otin.
Donetsk National University.
E-mail: ciolkovskaja@gmail.com
kf.genling@donnu.ru

УДК 811.16:81.373.232.1

ИСТОРИЯ ФАМИЛИИ *ДОНСКОВ* У ЯИЦКИХ/УРАЛЬСКИХ КАЗАКОВ

© 2022

А.И. Назаров

Представлены результаты исследования фамилии *Донсков* уральских (яицких) казаков по архивным документам 1724–1834 гг. Эта фамилия развилась из формы *Донской*, которая к 1770-м гг. трансформировалась в *Донсков*. Выявлены пути появления этой фамилии на Яике. К 1834 г. фамилия *Донсков* у уральских казаков – одна из наиболее частотных и встречалась в двенадцати населённых пунктах.

Ключевые слова: русские фамилии, *Донской*, *Донсков*, яицкие казаки, уральские казаки.

Фамильный антропонимикон уральских (яицких) казаков ранее не подвергался обстоятельному ономастическому исследованию. Несмотря на общность фамилий разных регионов расселения русских казаков, отражающую социально-культурные традиции жителей, имеются специфические для каждого казачьего войска антропонимы. Важное место в уральском фамильном антропонимиконе занимает фамилия *Донсков*, указывающая на возможное происхождение основателей рода. Деривационный и квантитативный анализ данной фамилии прежде не осуществлялся, поэтому данная статья обладает необходимыми признаками актуальности. Работа имеет теоретическую значимость для теории антропонимики, ономастики, лингвогеографии, этнолингвистики и других лингвистических и сопряжённых с ними дисциплин.

Научная новизна статьи определяется вкладом в исследование русских фамилий, их географическое и социальное распространение, в изучение частотных характеристик фамилии *Донсков*. Целью работы является исследование фамилии *Донсков* уральских (яицких) казаков по архивным документам 1724–1834 гг. Для достижения поставленной цели в статье решаются следующие задачи:

- эксцерпировать из архивных документов случаи использования фамилии *Донсков* на территории расселения уральских (яицких) казаков;
- провести деривационный и этимологический анализ фамилии *Донсков*;
- провести фреквентативный анализ распространения фамилии *Донсков* в поселениях уральских (яицких) казаков;
- определить географическое распространение фамилии *Донсков* на территории расселения уральских (яицких) казаков, а также на евразийском пространстве.

Перспективами настоящей статьи станет исследование других фамильных антропонимов уральских (яицких) казаков, а также составление словаря казачьих фамилий.

Введение. Уральское (Яицкое) казачье войско, существовавшее до 1920 г., занимало территорию преимущественно на правобережье реки Яик, переименованного в 1775 г. указом Екатерины II в Урал для стирания памяти о Пугачёвском восстании. Соответственно Яицкий гор. стал Уральском, Яицкое казачье войско (Якв) – Уральским казачьим войском (Укв), яицкие казаки (Як) – уральскими казаками (Ук). Если речь идёт о периоде до 1775 г., то используем Якв, Як, если после 1775 г., то Укв, Ук.

Статья, посвящённая одной фамилии, кажется слишком узкой. На самом деле это не так. Исследование регионального фамиликона Як/Ук, которым автор занимается с

1998 г., предполагает изучение каждой его фамилии. Фамилия *Донсков* в Укв занимает заметное место и уже в силу этого заслуживает детального рассмотрения.

Выбор данной темы для очередных чтений памяти Е. С. Отина во многом обусловлен тем, что фамилия *Донсков* и название города *Донецк*, в котором прошли десятилетия жизни основателя Донецкой ономастической школы, хотя и принадлежат к разным классам онимов, связаны между собой гидронимом *Дон*. Предки многих носителей фамилии *Донсков* в Якв/Укв попали на казачий Яик с Подонья, ономастика которого занимала важное место в научном творчестве Е. С. Отина.

Объектом исследования является фамилия *Як/Ук Донсков*. Предмет исследования – рассмотрение развития фамилии *Донсков* в Якв/Укв в XVII в. – начале XX в. В ходе исследования мы использовали описательный и квантитативный методы.

Основными источниками при написании этой статьи стали такие исторические документы, как перепись Як 1633 г. (пьяк-1633), перепись Як 1723–1724 гг. (пьяк-1724), перепись Як 1773 г. (ис-1773), ревизская сказка Укв 1817 г. (рс-1817), ревизская сказка Укв 1834 г. (рс-1834). С пьяк-1633 мы знакомы через книгу А. Б. Карпова, включившего в приложение материалы этой переписи [5, с. 1–15]. С остальными документами, хранящимися в архивах Москвы, Оренбурга, Уфы, мы знакомы по цифровым копиям.

Русские фамилии с формантами *-ский, -ской, -сков*. Фамилия *Донсков* развилась из фамилии *Донской*, которая имеет форму прилагательного. Как отметил Б.О. Унбегаун, такие фамилии имели тенденцию адаптироваться под общерусскую модель русских фамилий на *-ов/-ин* [15, с. 107]. Б.О. Унбегаун писал, что «фамилии на *-ский/-цкий* обычно не разделяют этого развития, за исключением донских казаков, среди которых распространены формы на *-сков/-цков*, образованные от топонимов на *-ская/-цкая* (прилагательных, относящихся к слову *станция*) [15, с. 107]. На самом деле регионов образования фамилий на *-сков* больше. Исследователь диалекта Ук Н.М. Малеча, описывая его морфологические особенности, отметил, что «характерны фамилии уральцев на *-сков* (*Азовсков, Садовсков, Сурсков, Питерсков, Ширявсков* и др.) [6, с. 29].

В использованных документах XVIII в. по Як из формантов *-ский/-цкий* и *-ской/-цкой* в фамилиях встречается только второй. С.И. Зинин отметил, что в XVII–XVIII вв. *-ский* и *-ской* – самостоятельные форманты, между которыми в то время происходило столкновение; из них *-ский* – заимствованный формант, а *-ской* – исконно русский [2, с. 256]. В фамилиях на *-ской* ударение должно было стоять на форманте, а в фамилиях на *-ский* – на производящей основе [2, с. 256]. В XIX–XX вв. граница между обоими формантами стёрлась и антропонимисты рассматривают их как варианты [2, с. 256]. Форманты *-цкий, -цкой* в XVII–XVIII вв. выступали как «фонетические варианты формантов *-ской, -ский*, образовавшиеся в результате столкновения начального звука *-с* фамильной морфемы и звука *-т* конца производящей основы» [2, с. 256].

Б.А. Успенский не противопоставляет форманты *-ский/-цкий* и *-сков/-цков* как заимствованный и исконный, хотя и пишет, что «со второй половины XVII в. фамилии на *-ский/-цкий* могут указывать также на украинско-белорусское или польское происхождение» [17, с. 340]. Рассматривая эти форманты, он делает акцент на социолингвистических различиях, на мотивах смены одного из этих формантов на другой. Так, Б.А. Успенский отмечает, что «фамилии на *-ский/-цкий* становятся принятыми в духовной среде», а «фамилии на *-ской/-цкой* в принципе маркированы как дворянские» [17, с. 341]. В случае с Як говорить о «дворянской» социальной маркировке фамилий на *-ской/-цкой* излишне, т. к. в период становления фамилий на

-сков/-цков ни один ЯК, носивший фамилию с этим формантом, не принадлежал к дворянскому сословию. На примере Як можно увидеть, что по крайней мере в XVIII в. социальная окраска фамилий на *-ской/-цкой* была не такой однозначной, как это представляет Б.А. Успенский, а довольно нейтральной.

Н.Н. Парфенова, как и С.И. Зинин, рассматривает русскую фамильную модель на *-сков* исконной, но отмечает и наличие русифицированных фамилий польского происхождения [9, с. 228].

Фамилия *Донской/Донсков* яицких/уральских казаков в переписях. Пяк-1633 [5] содержит наиболее ранний список Як. У многих Як после личного имени и краткого отчества стоит добавочное именование, образованное от того или иного топонима: *Вологженин, Казанец, Переяславля Залеского, Пермитин, Самарин, Черноярский* и др. Именований от топонима *Дон* не найдено. Из этого не следует, что у Як в тот период их не было, т. к. список Як 1633 г. неполный. А.Б. Карпов предположил наличие в архивах еще одного списка Як [4, с. 169]. Тем более из пяк-1724 видно, что выходцы с Дона на Яике в первой трети XVII в. были. Братья *Семен Никифоров сын Донской* и *Федор Никифоров сын Донской* сообщили в ходе переписи, что их дед – казак с Дона, который пришёл на Яик в 1623 г. [10, л. 230об.].

К началу проведения переписи Якв в 1723–1724 гг. именованья от топонима *Дон* среди Як уже существовали, что видно по пяк-1724. Ценность этого документа для истории и антропонимики Якв трудно переоценить, т. к. в нем содержатся сведения о местах и времени выхода казачьих родов из той или иной местности. В этом документе насчитывается 29 человек, объединённых фамилией *Донской/Донсков*. Подавляющее их число (28) – казаки (служащие, отставные, малолетние, беглые). Один был «пришлым в работниках» и жил у казака Григория Погадаева.

По пяк-1724 можно проследить историю для двадцати четырёх носителей фамилии *Донской/Донсков* (в их числе два сына казаков – двух и девяти лет). Корни четырнадцати ведут на казачий Дон или через него в другой регион. Из них двенадцать объединяет то, что либо они, либо их отцы, деда – из донских казаков.

Фамилия *Донской/Донсков*, носители которой сами или у которых их отцы или деда до начала службы в Якв жили на Дону, возникли на Яике и указывали на территорию, с которой пришли их носители.

В сказках шести Як и одного пришлого работника Дон как место рождения или проживания не упомянут. О причинах происхождения фамилии *Донской/Донсков* у них можно лишь выдвигать предположения. Возможно, в этих случаях фамилия принесена на Яик в готовом виде. Но это не снимает вопроса о появлении этой фамилии за пределами Яика. Нехватка информации о прошлом предков этих семи человек не позволяет убедительно ответить на данный вопрос. Ведь далее деда сведений от казаков не требовали. Между тем более ранний предок мог иметь отношение к Подонью. Или же кто-то из прадедов жил в селениях, принадлежавших московскому Донскому монастырю? Любопытно, что несколько носителей рассматриваемой фамилии до прихода на Яик имели были дворовыми или крестьянами представителей боярского рода Стрешневых, хотя и жили в разных местах. Те Як и не казаки, по которым нет сведений о пребывании их или их предков на Дону, фамилию *Донской/Донсков* скорее всего принесли её на Яик в готовом виде. Нельзя также исключать, что если беглый дворовый или крестьянин до прихода на Яик был бесфамильным и до принятия его в казаки жил у казака с фамилией *Донской/Донсков* как его работник, то мог получить фамилию по его фамилии.

В XVII в. казаков на Яике с фамилией *Донской/Донсков* немного: четверо (они пришли на Яик в 1623, 1653, 1663 и 1683 гг.). Появление её носителей за счёт миграции извне приходится в основном на XVIII в., на период 1703–1721 гг.

В паре *Донской – Донсков* в пяк-1724 заметно преобладает первая форма. Вторая встречается только три раза. Если обратиться ко всем фамилиям данного морфологического типа в пяк-1724, то на более трёх десятков фамилий на *-ской/-цкой* (*Донской, Засецкой, Камской, Курсановской, Сурской, Терской, Шуранской* и др.) приходится только четыре на *-сков* (*Адавсков, Донсков, Черноморсков, Шеварновсков*). Из этого следует, что к концу первой трети XVIII в. в среде Як трансформация *-ской/-цкой* в *-сков/-цков* находилась в начальной стадии.

Как видно из книги А.Б. Карпова, в документах, датированных годами немного ранее переписи 1723–1724 гг., у Як встречаются и формы фамилий на *-ский*: *Алексей Антипов Азовский, Прокофий Трифонов Новинский* [4, с. 683]. Из доноса Як Карташева видно, что употребление формантов *-ской* и *-ский* было не всегда последовательным: *Меркулей Заровской, Василий Азовской, но Петр Шерваковский* [4, с. 565–566].

Примечательно, что Л.М. Щетинин, на которого ссылаются, характеризуя фамилии на *-сков/-цков* как характерные для донских казаков, выводит этот суффикс из суффикса *-ский/цкий* и не упоминает суффикса *-ской/-цкой*: «Фамилии на *-ский* в большинстве документов имеют синхронные диалектные дубликаты на *-сков*. <...> Свыше 300 таких пар обнаружено в метрических книгах. Очевидно, они воспринимались как идентичные и взаимозаменяемые, так как двумя вариантами фамилии в разных частях документа часто обозначалось одно и то же лицо [18, с. 171]. В материалах переписей Як 1724 и 1773 гг. фамилии на *-ский* не встречаются и если и говорить о синхронных дубликатах в Якв, то с финалями *-ской/-цкой* и *-сков/-цков*.

К переписи 1773 г. все фамилии с топонимом *Дон* в основе имеют формант *-сков*. Это свидетельствует о том, что к этому времени трансформация форманта *-ской/-цкой* в *-сков/-цков* в Якв почти завершилась. Просмотр ис-1773 показывает, что оттопонимные фамилии с форматом *-ской/-цкой* у Як всё ещё имелись, но их всего четыре: *Миоцкой, Новиковской, Шацкой, Щербовской*. В остальных фамилиях данного морфологического типа формант *-ской/-цкой* уже перешёл в *-сков/-цков*.

В рс-1817 и рс-1834 все фамилии Ук с основой от топонима *Дон*, имеют формант *-сков*. Фамилий на *-ской/-цкой* в рс-1817 нет. Это свидетельствует о том, что к этому времени переход форманта фамилий *-ской/-цкой* в *-сков/-цков* у Ук завершился. Но в рс-1834 неожиданно встречается фамилия *Серепутовский* у единственной семьи, глава которой – *Яков Егоров Серепутовский* [12, л. 649об.]. В рс-1817 он записан как *Яков Щерпутовсков* [13, л. 21об.]. В предыдущих переписях Як следов этой фамилии не найдено. Вероятно, в Укв она появилась в период с 1800 г. до 1817 г. Возможно, её первый носитель в войске – пленный, захваченный Ук во время одной из войн, в которых они в эти годы участвовали в составе русской армии, и привезённый на казачий Урал. Варьирование форманта и основы этой фамилии свидетельствует как в пользу её иноязычности, так и новизны для Укв. Отсутствие у Якова Щерпутовскова упоминания в рс-1817 родственников укрепляет в предположении, что в Укв он появился недавно. В дальнейшем его сын Василий, дети Василия и т. д. носили уж вполне русифицированную фамилию *Серпутовсков*, что отражено на страницах «Уральских войсковых ведомостей» (этот официальный печатный орган Укв издавался с 1867 г.).

Написание основы фамилии. Предударная позиция в акающих диалектах, к каким Н.М. Малеча отнёс диалект Ук [7, с. 7], является предпосылкой для редукции этимологического [o]. На письме это в условиях неграмотности или низкой грамотности приводит к написанию *a* вместо *o*. Это можно увидеть и на примере вариантов *Донсков* и *Дансков*. Но из использованных переписей это варьирование заметно проявляется только в рс-1834. В пяк-1724 пишется только *Донской/Донсков*. В ис-1773 вариант *Дансков* встречается единично: *Иван Михайлов сын Дансков* [3, л. 404об.]. Единично он отмечен и в рс-1817: *Матвей Дансков* [13, л. 221об.], но в правой части разворота этот казак записан как *Донсков*: «казака Матвея Донского жена Анисья» [13, л. 222].

Чем объяснить довольно позднее отражение аканья на письме в фамилии *Донской/Донсков*? Еще недостаточным развитием аканья в речи писцов, хорошей выучкой писцов? Пример из ис-1773 *Иван Кондратьев сын Донсков* [3, л. 226об.] демонстрирует, что автор этой записи, судя по написанию краткого отчества, был носителем акающего диалекта, т. к. в соответствии с нормой написания имени *Кондратей* должно было бы быть *Кондратьев*. Почему же? На наш взгляд то, что в фамилии *Донсков* аканье долгое время почти не отражалось на написании гласной буквы в первом слове, объясняется тем, что писцы в случае фамилии *Донсков* ориентировались на написание топонима *Дон*, лежащего в её основе.

В рс-1834 мы видим, что фамилия пишется и *Донсков*, и *Дансков* при количественном преобладании первого варианта. Если считать только глав семейств, то первое написание у 22 человек, второе – у 11. Видимо, влияние диалекта Ук у части писцов брало верх в ситуации выбора, сохранять ли связь в написании фамилии *Донсков* с написанием топонима *Дон* или не сохранять. Вероятно, у писцов с более низкой подготовкой влияние диалекта на письме было более заметным. Также надо принимать во внимание вывод Н.М. Малечи о том, что диалект Ук сложился в первой половине XIX в. [6, с. 26], поэтому те или иные его характеристики в области фонетики в начале XIX в. и ранее могли ещё не иметь чёткого вида и явного отражения на письме. Вообще, написание антропонимов могло быть непоследовательным даже одним и тем же писарем. Так, два брата из Иртецкого ф. на одной и той же странице записаны по-разному: *Донсков* и *Дансков* [12, л. 342об.].

Квантитативный аспект фамилии *Донсков/Дансков*. В полной мере этот аспект мы можем рассмотреть на материале рс-1834, т. к. рейтинг фамилий Укв нами составлен на основе только этого документа.

Приведём 15 самых частотных фамилий Укв по рс-1834. Выбор именно 15 условен и объясняется необходимостью экономии места. Научной же обоснованности в выборе первых 5, 10, 15 и т. д. фамилий, как это, бывает, практикуют в работах по антропонимике, нет. В скобках указана частота фамилии. Варианты фамилии перечислены через косую черту. Частота варианта указана через пробел от варианта.

1. *Болдырев* (359). 2. *Кузницов* 185 / *Кузнецов* 86 (271). 3. *Погадаев* 137 / *Погадав* 73 / *Погодаев* 29 / *Погодав* 14 (253). 4. *Поляков* (252). 5. *Горбунов* (231). 6. *Чеботарев* 201 / *Чиботарев* 17 (218). 7. *Попов* 165 / *Папов* 41 (206). 8. *Гаршков* 167 / *Горшков* 37 (204). 9. *Азовсков* 194 / *Адавцов* 4 / *Азовцов* 4 (202). 10. *Донсков* 148 / *Дансков* 53 (201). 11. *Портнов* 161 / *Партнов* 30 (191). 12–14. *Карпов* (188); *Плотников* 184 / *Платников* 4 (188); *Хахлачев* 106 / *Хохлачев* 82 (188). 15. *Шапошников* (186).

Если сравнить приведённый краткий список с далеко неполными рейтингами фамилий в Санкт-Петербурге [15, с. 312–313], Москве [8, с. 15] и Волгограде [14, с. 82–83], то можно увидеть существенные отличия фамиликона Укв. Детальное их

рассмотрение целесообразно в отдельной работе. Отметим только наличие в числе наиболее частотных фамилий Укв двух оттопонимных фамилий. Одна из них – *Донсков/Дансков*. Вторая – *Азовсков* (с вариантами), различие с которой по частоте минимальное. Ни в топ-100 фамилий Санкт-Петербурга и Москвы, ни в топ-30 фамилий Волгограда оттопонимных фамилий нет. Высокая позиция фамилии *Донсков/Дансков* в рейтинге фамилий рс-1834 объясняется, возможно, тем, что в прошлом у неё были хорошие стартовые возможности для количественного роста. Попросту говоря, довольно большим количеством выходцев с Подонья.

География фамилии *Донсков/Дансков* в Уральском/Яицком казачьем войске.

В пяк-1724 нет указаний на места проживания казаков на Яике и географию распространения фамилий по этому документу выяснить невозможно. Но скорее всего все носители фамилии *Донской/Донсков* к моменту переписи Захарова проживали в Яицком гор., в котором сосредотачивалось почти всё население Якв. На это указывают материалы ис-1773, в котором дифференциация Як по местам проживания уже приведена. Согласно этому документу *Донсковы/Дансковы* проживали в Яицком гор. (56 человек), Сакмарской ст. (18) и Илецкой ст. (1). Сакмарская и Илецкая ст. были основаны после переписи полковника Захарова (в 1725 г. и 1737 г.). Из этого следует, что на момент переписи Захарова все *Донсковы* на Яике проживали в Яицком гор.

В ис-1773, как и в пяк-1724, записаны лица только мужского пола. Если исходить из количества всех охваченных переписью, то наиболее плотно фамилия *Донсков/Дансков* к 1773 г. была представлена в Сакмарской ст. (18 из 616; в Яицком гор. 56 из 9608).

Ис-1773 позволяет увидеть тенденцию к расширению географии фамилии *Донсков/Дансков*. О двух казаках с этой фамилией, числящихся при Яицком гор., сообщается, что они служат на форпосте, но не указано, на каком. Речь идёт о службе по очереди на тех форпостах, которые на тот момент ещё не имели постоянного населения.

К переписи Укв в 1817 г. количество нас. п. в нем выросло до 86, а к 1834 – до 116. Соответственно расширилась география фамилии *Донсков/Дансков*: отмечена в 13 нас. п. в рс-1817 и в 12 нас. п. в рс-1834. При этом списки нас. п., в которых встречалась фамилия *Донсков/Дансков*, в обеих переписях совпадают частично.

Перечислим нас. п., в которых носители фамилии *Донсков/Дансков* проживали в период 1765–1834 гг. В скобках цифрами отмечены переписи, которыми эта фамилия отмечена: ис-1773 – 1, рс-1817 – 2, рс-1834 – 3.

Бударинский ф. (2), *Волсков / Волосковых х.* (2, 3), *Генварцевский ф.* (3), *Горячинский ф.* (3), *Гурьев гор.* (2), *Деркульский кордон* (3), *Дьяковский х.* (3), *Илецкая ст.* (1, 2, 3), *Иртецкий ф.* (2, 3), *Коловертный х.* (2), *Круглоозерный ф.* (2, 3), *Новосорочинский ф.* (3), *Рубеженский ф.* (2), *Сакмарская ст.* (1, 2, 3), *Строгоновы сады / Садовский х.* (2), *Яицкий гор. / Уральск* (1, 2, 3), *Янайкин х.* (2, 3).

В рс-1817 больше всего носителей фамилии *Донсков/Дансков* отмечено в Уральске (56), Сакмарской ст. (22), Круглоозёрном ф. (19). В рс-1834 список нас. п. с наибольшим количеством носителей рассматриваемой фамилии тот же, но последовательность нас. п. немного изменилась: Уральск (53), Круглоозёрный ф. (49), Сакмарская ст. (34).

По «Уральским войсковым ведомостям» географию фамилии *Донсков* можно проследить с 1867 г. до 1917 г. В связи с передачей Сакмарской ст. Оренбургскому казачьему войску с середины 1860-х гг. *Донсковых* в Укв стало меньше. В Укв после 1834 г. казачьи семьи с фамилией *Донсков* и во второй половине XIX в., и в начале XX

в. продолжали жить в Иртецкой ст., Круглоозёрном пос., Уральске, Январцеском пос. Список, конечно, не полный. Во второй половине XIX в. к территории распространения фамилии *Донсков* стали относиться также Варшавский пос., Кушумский х., Ранневский пос., Сергиевский умет, Сламихинская ст., Ташлинский пос. и др.

Причины, по которым географическое распространение фамилий меняется, разные. Основные из них – переезд на новое место, пресечение рода по мужской линии, смерть всех носителей фамилии (например, от болезни во время эпидемии), смена фамилии на другую.

Более частотная фамилия не обязательно географически более распространённая. Фамилия *Азовсков* без вариантов *Адовцов* и *Азовцов* по данным рс-1834 занимает 11-е место, уступая по частоте фамилии *Донсков/Дансков* (10-е место). Но первая в рс-1834 отмечена в 19 нас. п. Укв, а вторая – в 12 нас. п. Фамилия *Асиновсков* в 1834 г. по частоте на 67-м месте. Но по географическому распространению чуть-чуть уступает фамилии *Донсков/Дансков*, встречаясь в 11 нас. п.

Фамилия Донсков в масштабе Евразии. На сайте SpravkaRU.Net с базами квартирных телефонов (около 400 нас. п.) фамилия *Донсков* отмечена в 85. Больше всего абонентов с ней в Москве, Волгограде, Уральске, Ростове-на-Дону, Нижнем Новгороде. По относительной частоте (процент от общего числа абонентов нас. п.) из перечисленных нас. п. лидируют Волгоград, Волжский, Уральск.

Сервис ОБД «Мемориал» позволяет выявить регионы, у уроженцев которых фамилия *Донсков* в первой половине XX в. встречалась чаще всего. В выборке из 480 человек лидируют Сталинград (Волгоград) / Сталинградская (Волгоградская) обл. (111) и Ростов-на-Дону / Ростовская обл. (98). Далее следуют Пензенская обл. (25), Чкалов (Оренбург) / Чкаловская (Оренбургская) обл. (25), Горький (Нижний Новгород) / Горьковская обл. (20), Уральск / Западно-Казахстанская обл. (20). В других регионах количество носителей фамилии *Донсков* меньше 20.

Ростовская и часть Сталинградской обл. – исторические территории Донского казачьего войска, для которого фамилии на *-сков* типичны. Объяснимы и довольно высокие позиции Чкаловской и Западно-Казахстанской обл., т. к. здесь много потомков Ук. С Горьковской и Пензенской обл. ситуация не понятна.

В ст. Ищерская и Калиновская (в прошлом относились к Терскому казачьему войску, ныне к Чеченской Республике) у уроженцев встретились 16 фамилий с формантом *-ский*, 1 – со *-ской* и одна – со *-сков* (как раз *Донсков*).

Как следует из работы [1], в Оренбургском казачьем войске в 1816–1834 гг. было 19 оттопонимных фамилий на *-сков* и более 60 на *-ский*.

Эти примеры показывают, что дополнительно к территориям проживания донских и уральских казаков регионов с последовательным переходом *-ский/-ской*, *-цкий/-цкой* в *-сков/-цков* пока не обнаружено. Но примечательно, что география фамилии *Донсков* намного шире зон, где такой переход происходил. Предположительно, что появление фамилии *Донсков* вне пределов бывших земель донских и уральских казаков всё же связано с донскими и уральскими казаками, и её наличие там объясняется миграциями: фамилия принесена в готовом виде.

Вывод. Как показывают просмотренные нами переписи, фамилия *Донсков* у Як впервые зафиксирована в пяк-1724. Из этого документа видно, что она – одна из старейших фамилий этой общности. Её появление в Якв можно отнести к периоду не позже 1623 г. вместе с приходом на Яик одного из донских казаков. По мере прибытия на Яик с Дона других казаков и не казаков число носителей этой фамилии

увеличивалось – менее активно в XVII в., более активно в первые два десятилетия XVIII в.

Форма *Донсков* является более поздней и развилась из формы *Донской* с исконным суффиксом *-ской*. Наиболее активно переход фамильного форманта *-ской/-цкой* в *-сков/-цков* у Як происходил в период 1724–1773 гг. и был последовательным. Причиной этого перехода было стремление к унификации, стандартизации морфологической структуры фамилий, к подстраиванию их под господствующий формант *-ов* русских фамилий. Трансформация форманта *-ской/-цкой* в *-сков/-цков* сближает Як с донскими казаками. Вероятно, земли тех и других – единственные в Русском государстве, где этот переход происходил очень последовательно.

У пришедших на Як с Подонья фамилия *Донской* сформировалась на Яике и указывала на прежнее место жительства. В этих случаях фамилия *Донской/Донсков* является своеобразным историческим мостом, эксплицитно связывающим Подонье с Якв/Укв. У части носителей этой фамилии в Якв факт пребывания на Дону первых её носителей не известен, и они пришли на Як из других мест. В этих случаях, вероятно, фамилия *Донской* была принесена в готовом виде. Иными словами, фамилия *Донской* на Яике появлялась двумя путями: формировалась на Яике и приносилась на Як извне.

Что касается основы фамилии *Донской/Донсков*, то писцы долгое время писали *о*, написание *а* было крайне редким до 1834 г. По-видимому, это объясняется ориентированием на написание топонима *Дон*. К 1834 г. написание *Дансков* заметно участилось, но всё равно уступало написанию *Донсков*. Вероятно, к этому времени начало активнее проявляться влияние диалекта Як на письменную речь.

Фамилия *Донсков/Дансков* к концу первой трети XIX в. входила в ядерную группу фамилий Укв и в их рейтинге занимало 10-е место. Для известных рейтингов фамилий других регионов Российской империи такое высокое место оттопонимной фамилии нетипично.

Географическое распространение фамилии *Донсков* в Якв/Укв постоянно расширялось после 1724 г. по мере появления новых нас. п. Но она была не так широка на фоне весьма высокой частоты этой фамилии – в 1834 г. в 12 нас. п. По тем или иным причинам география фамилий подвержена с течением времени изменениям. Но основные места сосредоточения каждой фамилии более или менее стабильны. Для фамилии *Донсков* в Укв это в первую очередь Уральск, пос. Круглоозерный, ст. Сакмарская (до её передачи в Оренбургское казачье войско).

В масштабах Евразии география фамилии *Донсков* довольно широкая и выходит далеко за границы бывших земель донских и уральских казаков, у которых фамилии на *-сков/-цков* – обычное явление.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

гор. – городок

ис – именной список

нас. п. – населённый пункт

обл. – область

пос. – посёлок

пьяк – перепись яицких казаков

рс – ревизская сказка

ст. – станица

Ук – уральский казак

Укв – Уральское казачье войско

ф. – форпост

х. – хутор

Як – яицкий казак

Якв – Яицкое казачье войско

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вишневецкий В. Справочник фамилий казаков Оренбургского казачьего войска по населённым пунктам, 1816–1834 гг. / В. Вишневецкий. – [б. м.]: Издательские решения, 2020. – 86 с.

2. Зинин С.И. Формант *-ский, -ской* в русских фамилиях / С.И. Зинин // Очерки по русскому языку. Учёные записки Калининского гос. пед. института им. М.И. Калинина. – Т. 66, ч. I. – Калинин, 1969. – С. 254–258.
3. Именной список яицких казаков 1773 года // РГВИА. – Ф. 653. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 1–675.
4. Карпов А.Б. Уральцы: исторический очерк / А.Б. Карпов. Ч. 1: Яицкое войско от образования войска до переписи полковника Захарова (1550–1725 гг.). – Уральск: Войсковая тип., 1911. – Ч. 1. – 1911. – 904 с.
5. Карпов А.Б. Приложения к первой части исторического очерка Уральского войска / А.Б. Карпов // Уральцы: исторический очерк / А.Б. Карпов. Уральск: Войсковая тип., 1911. – С. 1 [907] – 95 [1003].
6. Малеча Н.М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков. В 4 т. – Т. 1. А–Ж / Н.М. Малеча. – Оренбург: Оренбургское книжное издание, 2002. – 496 с.
7. Малеча Н.М. Фонетический строй территориального диалекта уральских казаков: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.М. Малеча. – Уральск, 1954. – 16 с.
8. Никонов В.А. Русские фамилии: Москва XVI–XX вв. / В.А. Никонов // Этнические группы в городах европейской части СССР: формирование, расселение, динамика культуры [Сб. ст.] / Редкол.: Е.М. Поспелов (пред.) [и др.]. – М.: МФГО, 1987. – С. 5–15.
9. Парфенова Н.Н. Русские фамилии конца XVI–XVIII веков: По арх. источникам Зауралья / Н.Н. Парфенова. – Сургут: РИО СурГПИ, 2001. – 278 с.
10. Книга переписная переписи господина полковника и лейб-гвардии капитана Захарова с товарищи Яицким казаком 1723 и 1724 годов // РГВИА. – Ф. 13. – ОП. 1. – Св. 22. – Д. 2. – Л. 1–360.
11. Обобщённый банк данных «Мемориал». – Режим доступа: <https://obd-memorial.ru/> (дата обращения: 01.12.2022).
12. Ревизская сказка Уральского казачьего войска 1834 года // ГАОО. – Ф. 98. – Оп. 2. – Д. 65. – Л. 1об. – 1389об.
13. Ревизская сказка Уральского казачьего войска 1817 г. // Национальный архив Республики Башкортостан. – Ф. И-138. – Оп. 2. – Д. 188. – Л. 1 – 803об.
14. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: Монография / В.И. Супрун. – Волгоград: Перемена, 2000. – 172 с.
15. Унбегаун Б.О. Русские фамилии / Б.О. Унбегаун; пер. с англ. Л.В. Куркиной [и др.]; общ. ред. и послесл. Б.А. Успенского; коммент. А.А. Архипова. – М.: Прогресс, 1989. – 443 с.
16. Уральские войсковые ведомости. – 1867–1917.
17. Успенский Б.А. Социальная жизнь русских фамилий: вместо послесловия / Б.А. Успенский // Унбегаун Б.О. Русские фамилии / Б.О. Унбегаун. – М.: Прогресс, 1989. – С. 336–364.
18. Щетинин Л.М. Русские имена: Очерки по донской антропонимике / Л.М. Щетинин. – Ростов/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1972. – 232 с.
19. SpravkaRu.Net. Квартирные телефоны России, Украины, Беларуси, Казахстана, Латвии и Молдовы. – Режим доступа: <http://english.spravkaru.net/?nj> (дата обращения: 01.12.2022).

Поступила в редакцию 10.12.2022 г.

HISTORY OF SURNAME DONSKOV OF YAITSK / URAL COSSACKS

A.I. Nazarov

The article deals with the results of the study of the surname *Donskov* of the Ural (Yaik) Cossacks according to archival documents of 1724–1834. This surname developed from the form *Donskoy*, which by the 1770s transformed into *Donskov*. The ways of this surname appearance on Yaik are revealed. By 1834, the surname *Donskov* was one of the most frequent among the Ural Cossacks and was found in twelve settlements.

Key words: Russian surnames, Donskoy, Donskov, Yaik Cossacks, Ural Cossacks.

Назаров Алоис Ильич.

Казахстан, Алматы.

Главный редактор.

Веб-проект «Планета имён и фамилий».

E-mail: imja44@yandex.ru

Nazarov Alois Pyich.

Kazakhstan, Almaty.

Chief editor.

Web project Planet of names and surnames.

E-mail: imja44@yandex.ru

УДК 811.161.1'373.2 + 81'367.622.12:81'25

**КОММЕНТИРОВАНИЕ ОНИМОВ В РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ РОМАНА
Я. ИВАШКЕВИЧА «ХВАЛА И СЛАВА»**

© 2022 *Н.А. Шокотко, А.И. Овчаренко*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В работе рассматриваются онимы в русском переводе романа Я. Ивашкевича, к которым были составлены примечания, выясняется значение последних для понимания текста произведения. Прокомментированные имена собственные распределяются по разрядам. Было выявлено, что среди исследуемых онимов преобладают антропонимы и идеонимы; комментарии составлены к тем ономам, которые могут быть неизвестны русским читателям.

Ключевые слова: оним, антропоним, перевод, комментарий, частотность употребления.

Введение. При изучении славянских и других языков особое внимание следует уделять именам собственным, состав которых в каждой лингвокультуре (польской в том числе) имеет свои особенности, поэтому возникает необходимость их истолкования в процессе перевода. Исследователь В.А. Филатова, ссылаясь на В.Б. Кашкина, отмечает, что «наиболее близкими к тексту перевода являются предисловия, послесловия и примечания, которые поясняют авторский текст и помогают представителям другой лингвокультуры лучше его понять» [3, с. 189]. Таким образом, одним из перспективных для анализа разделов *метатекста* являются комментарии, которые позволяют читателю восполнить необходимую информацию, не отвлекаясь от текста произведения.

Предметом нашего исследования стали имена собственные, прокомментированные в русском переводе романа Я. Ивашкевича «Хвала и слава». Актуальность работы определена комментированием имён собственных, которые нуждаются в изучении и мало представлены в исследованиях. Научная новизна работы – в выборе предмета исследования. Онимы в романе Ивашкевича, к которым были составлены примечания Б. Стахеевым, ранее не рассматривались.

Проблема комментирования имён собственных в тексте связана с неоднозначностью их природы. Н. Горчовская говорит о том, что «наибольшей трудностью становится... различие имён аутентичных, данных денотатам фиктивным, и имён неаутентичных реалистичных, созданных автором произведения по образцу онимов, существующих в реальности нелитературной» [5, с. 24]. По мнению Ч. Косыля, изучающего имена собственные в прозе Ивашкевича, онимы выполняют «...веристическую функцию, заключающуюся в использовании подлинных имён собственных для того, чтобы сделать правдоподобным мир, представленный в произведении» [5, с. 27]. Однако, становясь частью текста произведения, оним теряет соответствие реальному референту. В.М. Калинин комментирует это так: «...важнейшим свойством поэтонимов является то, что они обозначают не реальные, а существующие в творческом сознании автора и (через текст произведения) в воспринимающем сознании читателей *идеальные образы* реальных или вымышленных объектов, названных *собственными именами*. Если онимия реального мира предполагает наличие референтов материальных, которые в большинстве своем можно ощутить органами чувств, то референтная база поэтонимии сплошь произведена Словом» [2, с. 198]. Важно, что после переноса уже существующего онима на

вымышленный объект не теряется связь с референтом, что позволяет воспринимать подобные имена как реальные и сопровождать их пояснением.

Комментарии позволяют читателю разобраться в природе имён, отличить «реальность» от вымысла. При комментировании онимов в романе Ярослава Ивашкевича исследователем Стахеевым (русский перевод 1974 года) учитывались имена, имеющие соответствие в реальном мире, а также поэтонимы, относящиеся к другим произведениям. К последним были составлены пояснения для того, чтобы ввести читателя в круг культурных явлений, которые играют важную роль для понимания смысла романа. Комментарий обычно представляет краткую справку, которой вполне достаточно, чтобы получить общее представление об ониме. Например, «...комнаты пани Дульской... – Дульская – героиня всемирно известной пьесы Габриэли Запольской (1857–1921) “Мораль пани Дульской” (1906), олицетворение мещанского образа жизни, тупости и ханжества» [1, I, с. 579]. Также кратко были прокомментированы имена исторических деятелей и топонимы, которые выполняют ту же роль, что и названия произведений – культурную, и в рамках ознакомления с текстом романа в подробном анализе не нуждаются. Наиболее подробно были прокомментированы не онимы, а исторические события, составляющие основу романа, и, в связи с этим, – имена, которые важны для понимания этих событий (например, эргонимы – наименования организаций: «*Центральная Рада* – орган, созданный украинскими буржуазными националистами после Февральской революции 1917 г. В декабре Рада выслала свою делегацию в Брест для переговоров с Германией и ее союзниками, а 11(24) января 1918 г. приняла “IV Универсал”, объявлявший об отторжении Украины от Советской России...» [1, I, с. 575]).

Цель данной работы – проанализировать имена собственные, прокомментированные Б. Стахеевым в переводе романа Я. Ивашкевича, задачи исследования – распределить онимы по разрядам и определить, какую роль играет частотность употребления тех или иных имён собственных.

Основная часть. Разряды онимов, снабжённых комментарием, расположены по мере убывания единиц. Внутри каждого разряда имена собственные приводятся по порядку употребления в тексте романа. Каждый раздел сопровождается примером и контекстом употребления онима.

1. Названия лиц и объединений лиц.

1.1. Антропонимы.

1.1.1. Имена и фамилии.

1.1.1.1. Польские. Миколай Рей, Александр Велёпольский, Войцех Дзедушицкий, Стефан Ярач, Юлиуш Остерва, Юзеф Галлер, Михал Жимерский, Вацлав Берент, Мириам, Владислав Грабский, Тадеуш Мицинский, Кароль Ростворовский, Рышард Болеславский, Северина Бронишувна, Игнаций Падеревский, Кароль Шимановский, Юзеф Понятовский, Тадеуш Костюшко, Станислав Лещинский, Мацей Мельжинский, Войцех Корфанты, Леон Вычулковский, Александр Скшинский, Юзеф Пилсудский, Винцентий Витос, Замоиские, Элиза Ожешко, Станислав Выспанский, Гжегож Фительберг, Гелена Моджеевская, Ян Кипура, Людвик Иероним Морстин, Тадеуш Бой-Жоленский, Ксаверий Прушинский, Юлиан Тувим, Владислав Броневский, Артур Гроттгер, Зыгмунт Красинский, Артур Рубинштейн, Павел Клецкий, Винцентий Драбик, Юзеф Бек, Мечислав Карлович, Александр Каковский, Эдвард Рыдз-Смиглы, Игнаций Мосьцицкий, Владислав Реймонт, Стефан Стажинский, Флориан Шарый, Адам Стефан Сапега, Ежи Себастиан Любомирский, Чарторыские, Стефан Витвицкий,

Ян Кохановский, Валерий Пшиборовский, Антоний Мальчевский, Арнольд Шифман, Болеслав Храбрый, Казимир III Великий, Владислав Ягелло, Сигизмунд I Старый.

Например, «*Na ścianach wisiały litografie przedstawiające księcia Józefa i przysięgę Kościuszki na rynku. Obok bardzo ładny sztych, portret Stanisława Leszczyńskiego w stroju koronacyjnym*» [4, I, с. 335]. («На стенах развешаны литографии, изображавшие князя Юзефа и присягу Костюшко на Рыночной площади. Рядом висела очень хорошая гравюра – портрет Станислава Лещинского в коронационном наряде» [1, I, с. 278]).

Станислав *Лещинский* (1677–1766) – польский магнат, был в 1704 г. под нажимом вторгшихся в Польшу во время Северной войны шведов избран польским королем (вместо союзника Петра I Августа II), но большинство шляхты его не признало. После поражения Карла XII Лещинский эмигрировал и жил во Франции. (В 1733 г. французская дипломатия восстановила его на польском престоле, но вскоре он был лишен его и снова изгнан) [1, I, с. 583].

1.1.1.2. Не польские. Мария Йерица, Энрико Карузо, Симон Петлюра, Фуке-Дюпарк, Лев XIII, Вильгельм II, Франтишек Душек, Карл Черни, Жак Маритен, Уилмен Холмеи Хант, Нейгаузы, Аделина Патти, Морис Баррес, Микеланджело Меризи да Караваджо, Виктор-Эммануил III, Андреа Мантеня, Франсис Пуленк, Дариус Мийо, Лина Кавальери, Гуго фон Гофмансталь, Марсель Пруст, Марино Фальери.

Например, «*Młodzi ludzie zawieźli panie do teatru. Odbywała się tam próba generalna Elektry Hoffmansthała. A potem wrócili do mieszkania Huberta na Górnosłaską*» [4, II, с. 360]. («Молодые люди завезли дам в театр, где шла генеральная репетиция «Электры» Гофмансталя, а потом вернулись к Губерту на Гурношленскую» [1, II, с. 154]).

Гуго фон *Гофмансталь* (1874–1929) – австрийский драматург, поэт, прозаик символистско-неоромантического направления, автор вольных переложений трагедий Софокла и Еврипида [1, II, с. 548].

1.1.2. Криптоним. К.Р. «*Ariadna wzięła Janusza za rękę. Gdy orkiestra umilkła, mówiła coś. Janusz nie mógł dosłyszeć z powodu hałasu oklasków. Nachylił ucho ku jej ustom. Ariadna powtarzała ostatni wiersz pieśni Czajkowskiego, poematu K. R.*» [4, II, с. 206] («Ариадна взяла Януша за руку. Когда оркестр умолк, оказалось, что она что-то говорит, но Януш не мог ее расслышать из-за аплодисментов. Он склонился к ней. Ариадна читала на память последнюю строфу романса Чайковского на слова К. Р.» [1, II, с. 31]).

...на слова *К.Р.* – Этим криптонимом подписывал свои стихи (имевшие дилетантский характер) великий князь Константин Константинович Романов [1, II, с. 546].

1.2. Поэтонимы.

1.2.1. Имена героев: «*Дух земли*» (трагедия И.-В. Гете «Фауст»), *Кмициц* (роман Г. Сенкевича «Потоп»), *Дульская* (пьеса Г. Запольской «Мораль пани Дульской»), *граф Генрик* (драма З. Красинского «Небожественная комедия»), *Гейст* (роман Б. Пруса «Кукла»), *Нора* (пьеса Г. Ибсена («Кукольный дом»)), *Ребекка* (пьеса Г. Ибсена «Росмерхольм»), *Гедда Габлер* (пьеса Г. Ибсена «Гедда Габлер»), *пан Заглоба* (романы Г. Сенкевича «Огнем и мечом», «Потоп», «Пан Володыёвский»), *Лаодамия* (драма С. Выспянского «Протесилай и Лаодамия»), *Поланецкий*, *Марыня* (роман Г. Сенкевича «Семья Поланецких»), *Дануся и Ягенка* (роман Сенкевича «Крестоносцы»), *Балладина* (драма Ю. Словацкого «Балладина»), *Ордон* (стихотворение А. Мицкевича «Редут Ордона»), *Скиетуский* (роман Сенкевича «Огнем и мечом»), *Азя, Бася* (роман Сенкевича «Пан Володыёвский»), *Кордиан* (драма Ю. Словацкого «Кордиан»).

Например, «*Co będzie ze mną? I jakie to ma znaczenie dla świata? Dziura. Zupelna dziura. – Przestań histeryzować, – zniecierpliwila się Helenka, – za chwilę wyprowadzasz chłopców. – Nie bądź wiecznym Kordianem, – monitował Hubert*» [4, III, с. 344]. («Что будет со мной? И какое это имеет значение для мира? Никакого. Решительно никакого. – Прекрати истерику, – нетерпеливо проговорила Геленка. – Тебе же сейчас вести ребят. – Не будь вечным Кордианом, – наставительно заметил Губерт» [1, II, с. 493–494]).

Кордиан – герой одноименной драмы (1834) Юлиуша Словацкого, романтический юноша, полный благородных патриотических чувств, но не находящий в себе в решительный момент сил для активного действия, выполнения принятого на себя долга, герой, в котором автор попытался передать черты поколения шляхетских революционеров, подготовивших восстание 1830 г. [1, II, с. 556].

1.2.2. Псевдоним героя. *Żbik. «Kapral Żbik nic nie miał w sobie ze swego pseudonimu. Był to chuderlawy, wyciągnięty jak szparag młodzieniec z bezmyślnymi i bezbarwnymi oczami, które biegały mu niespokojnie*» [4, III, с. 338]. («Капрал Жбик не имел ничего общего с псевдонимом, который носил. Это был худющий, долговязый, как спаржа, молодой человек с беспокойно бегавшими, пустыми бесцветными глазами» [1, II, с. 489]).

...не имел ничего общего с псевдонимом. – Польское слово «*Żbik*» означает «дикий кот» [1, II, с. 556].

1.3. Эргонимы. Центральная Рада, Третий корпус, Польская военная организация, Базилиане, «Шнейдер-Крезю», «*Śroix de Feu*» («Огненный крест»), Гвардия Людова (Народная гвардия), АК (Армия Крайова), Харцеры (Звёзек харцерства польского), ППР (Польска партия роботника).

Например, «*Jedź ze mną do Podkowy, – zaproponował Hubert, – zobaczysz moich chłopców. – Jakich chłopców? – Najmłodszych. Dzisiaj harcerska przysięga*» [4, III, с. 185]. («Поедем со мной в Подкову, – предложил Губерт, – увидишь моих ребят. – Каких ребят? – Самых младших. Сегодня присяга харцеров» [1, II, с. 369]).

...присяга харцеров. – Харцеры (Звёзек харцерства польского) — массовая детская и молодежная организация, ставящая перед собой идейно-воспитательные задачи. Первые харцерские (скаутские) дружины возникли в 10-е гг. XX в., объединение их произошло уже после восстановления независимой Польши. В буржуазной Польше харцерство охватывало главным образом узкие круги детей интеллигентов и служащих, не имея влияния в деревне и почти не вовлекая рабочую молодежь (комсомол и ППС создавали свои организации), хотя добилось в 30-е гг. определенного роста числа членов при поддержке правящих кругов. Во время войны харцерское движение раскололось. В движении Сопротивления заметную роль сыграла юношеская организация «Шаре шереги». В Народной Польше была создана новая харцерская организация, воспитывающая молодежь в духе социализма [1, II, с. 553].

2. Идеонимы.

2.1. Артионимы. «*Саломея*» (опера Р. Штрауса), «*Verborgenheit*» («Уединение», песня Г. Вольфа), «*Гретхен за прялкой*» (песня Ф. Шуберта), «*Тристан и Изольда*» (опера Р. Вагнера), «*Легенда о святой Елизавете*» (оратория Ф. Листа), «*Сомнамбула*» (опера В. Беллини), «*Сказки Гофмана*» (опера Ж. Оффенбаха), «*Аида*» (опера Дж. Верди), «*Мадам Баттерфляй*» (опера Дж. Пуччини), «*Похищение из сераля*» (опера В.-А. Моцарта), «*Magnificat...*» (под этим названием известен ряд сочинений различных авторов), «*Тоска*» (опера Дж. Пуччини), «*Царица Савская*» (опера Ш. Гуно), «*Электра*» (опера Р. Штрауса), «*Свадебка*» (кантата И. Стравинского), «*Сплащик леса*» (опера С. Монюшко), *Ария Царицы Ночи* (из «Волшебной флейты» В.-

А. Моцарта), «Галька» (опера С. Монюшко), «Манон» (опера Ж. Масснэ), «Цыгане» (оперетта С. Монюшко), «Колыбельная» (песня И. Брамса), «*Wanderers Nachtlied*» («Ночная песня странника» И.-В. Гете), «Обращение святого Павла», «Мученическая смерть святого Матфея» (картины Микеланджело), «*Warum*» («Почему», фортепианная пьеса Р. Шумана), «Весна» (романс Э. Грига), «*Traviata*» (опера Дж. Верди), «Норма» (опера В. Беллини), «Пан Твардовский» (балет Л. Ружицкого), «Свадьба Фигаро» (опера В.-А. Моцарта), «*Frühlingssraushen*» («Весенний шум», фортепианная пьеса К. Синдинга), «Таис» (опера Ж. Масснэ), «Прекрасная мельничиха» (песенный цикл Ф. Шуберта), «Мейстерзингеры» (опера Р. Вагнера), «*Dies irae*» (Томазо), «Сумерки богов» (опера Р. Вагнера), «*Rosenkavalier*» («Кавалер роз», опера Р. Штрауса), «Пасторальная» (Шестая симфония Л. Бетховена), «Локандиера» («Трактирщица», опера А. Сальери), «Лесной царь» (песня (баллада) Ф. Шуберта).

Например, «*Lubię gotować, układać spis potraw... – Jednym słowem, jest pani idealną właścicielką restauracji, – powiedział Kazimierz. – Urodzona “Locandiera”, – zaśmiała się Elżbieta*» [4, III, с. 174]. («Люблю готовить, составлять меню... – Одним словом, вы идеальная хозяйка ресторана, – сказал Казимеж. – Прирожденная Локандиера, – засмеялась Эльжбета») [1, II, с. 361].

«Локандиера» («Трактирщица», 1773) – опера Антонио Сальери (1750—1825) по комедии Карло Гольдони [1, II, с. 553].

2.2. Библионимы. «Змеи и розы» (роман З. Налковской), «Тот» (пьеса Г. Запольской), «Пан Тадеуш» (поэма А. Мицкевича), «Кукла» (роман Б. Пруса), «Лилюли» (сатира Р. Роллана), «Соболь и барышня» (роман Ю. Вейсенгофа), «Костюшко под Рацлавицами» (драма В. Анчица), «Мастер и подмастерье» (комедия Ю. Кожневского), «Битва под Рашином» (роман В. Пшиборовского), «Лорд Джим» (роман Д. Конрада).

Например, «*Bronek przewalał się z nogi na nogę jak marynarz, który z okrętu schodzi na ląd. Powtarzał sobie hasło: “«Jan-Wiarszawa». «Jan-Warszawa» – zupełnie jak w powiastce dla dzieci. Że też takie rzeczy naprawdę istnieją!” I przypomniał sobie powieść Przyborowskiego Bitwa pod Raszynem, którą mu czytała stara kucharka, kiedy był małym chłopcem*» [4, III, с. 229]. («Бронек шел вразвалку, словно моряк, спустившийся с корабля на берег. Повторял про себя пароль и отзыв: «Ян – Варшава». «Ян – Варшава», совсем как в детской книжке. Неужели подобные вещи бывают на самом деле! И вспомнил роман Пшиборовского «Битва под Рашином», который читала ему старуха кухарка, когда он был совсем маленьким») [1, II, с. 403].

Роман Валерия Пшиборовского (1845 – 1913), польского историка и писателя, «Битва под Рашином» был посвящен Польше периода наполеоновских войн, предназначен для юного читателя, опубликован в 1881 г. Под деревней Рашин (недалеко от Варшавы) армия Княжества Варшавского (ею командовал Юзеф Понятовский) сражалась 19 апреля 1809 г. против австрийских войск [1, т. II, с. 554].

2.3. Гемеронимы. «Курьер Варшавский», «Свят».

Например, «*Jeżeli chodzi o jego siostrę, to spotkałam ją właśnie wczoraj “na grobach”. Siedziała czy miała siedzieć przy kweście, jak zapowiadał “Kurier Warszawski”, jak za dobrych dawnych czasów*» [4, I, с. 496]. («Что же касается его сестры, то я встретила ее не далее как вчера, когда шла к причастию. «Курьер Варшавский» писал о том, что она не то собирала, не то должна была собирать пожертвования, совсем как в добрые старые времена» [1, I, с. 408]).

«Курьер Варшавский» – газета, выходившая с 1821 по 1939 г., в межвоенный период державшаяся консервативного направления, близкая к эндекам [1, I, с. 586].

2.4. Документоним. «Готский альманах». «*Dosia Wiewiórska powiada, że to tylko światło, ale ja myślę, że naprawdę bardzo źle wyglądam, – powiedziała. – Dosia Wiewiórska? Qui est-ce? – spytała Bilińska zwracając teraz na Zosię swoje zimne spojrzenie. – Ach, bo ty nie znasz wszystkich rozgałęzień rodziny Wiewiórskich, – powiedział z uśmiechem Janusz. – Nie ma ich w Almanach de Gotha*» [4, II, с. 16]. («Дося Вевюрская сказала, что здесь просто освещение неудачное, но мне кажется, я и в самом деле выгляжу очень плохо, – сказала она. – Дося Вевюрская? Qui est-ce? – спросила Билинская, переводя свой холодный взгляд на Зою. – Ну где тебе знать все ответвления рода Вевюрских, – с улыбкой сказал Януш. – В Готском альманахе их нет» [1, I, с. 444]).

«Готский альманах» – издававшийся в г. Гота с 1763 г. дипломатический и статистический ежегодник, в генеалогической части которого перечислялся состав царствующих, герцогских и княжеских домов Европы, а в дипломатическо-статистической давался перечень высших должностных лиц всех государств [1, I, с. 587].

3. Топонимы. Галиция, Грюнвальд, Шёнбрунн, королевство Польское, гора святой Анны, Кудак, Бельведер, Саксонский сад, Вронки, Пулавы, Майданек, Освенцим, Павяк, Желязова Воля.

Например, «*Pan, zdaje się, chciałby być groźnym władcą, panie Kazimierzu, – dodał po chwili. Spychała zaśmiała się sarkastycznie: – Rzeczywiście, ja, ubogi korepetytor z Galilei, którego na ukraińskim dworze nie zawsze przedstawiają gościom. Syn kolejjarza, recte robotnika kolejowego...*» [4, I, с. 13–14]. («Вы, кажется, хотели бы стать грозным владыкой, пан Казимеж? – помолчав, добавил он. Спыхала саркастически рассмеялся. – Еще бы! Я жалкий репетитор из Галиции, которого в украинском поместье даже не всегда представляют гостям. Сын железнодорожника, recte, железнодорожного рабочего...») [1, I, с. 24].

...из Галиции ... – Так называли в XIX – начале XX в. находившиеся под властью Австро-Венгрии польские (с Краковом) и западно-украинские (со Львовом) земли. В Галиции (с 1867 г. пользовавшейся довольно широкой по тем временам автономией) накануне первой мировой войны активно действовали сторонники Юзефа Пилсудского, которые ставили своей целью вооруженную борьбу против России, готовили для нее кадры, создав в частности в 1908 г. подпольный политический «Союз активной борьбы» («Звёздек вальки чинной») и в 1910 г. легальную организацию военного обучения «Стшелец». (Из них сложилось ядро польских легионов Пилсудского, сражавшихся во время войны на стороне центральных держав). С этими кругами и был связан герой романа Казимеж Спыхала [1, I, с. 573].

4. Хрононимы. Брестский мир, Рижское перемирие, Битва под Кутном.

Например, «*Leśniczy miał już skądśiś, zapewne od żołnierzy niemieckich, odezwę generała von Blaskowitza o bitwie “pod Kutnem”. Dlaczego tę bitwę nazwano “pod Kutnem”, Spychała nie bardzo rozumiał*» [4, III, с. 73]. («Лесничий уже раздобыл где-то, наверно у немецких солдат, воззвание генерала фон Бласковица о «битве под Кутном». Почему эту битву называли «под Кутном», Спыхала не мог взять в толк» [1, II, с. 282]).

...о «битве под Кутном». – Имеется в виду одно из крупнейших сражений сентябрьской кампании 1939 г., разыгравшееся в районе города Кутно, а после падения Кутно (17 сентября) несколько восточнее – в районе между Вислой и ее притоком Бзурой, куда стянулось до четверти сил польской армии, отступивших или

прорвавшихся из Поморья, Познани и Лодзинского района. Войска эти оказали ожесточенное сопротивление врагу, которое было сломлено лишь в результате явного перевеса сил немецкой армии и неблагоприятной ситуации на фронте в целом [1, II, с. 551].

5. Хрематоним. Алтарь Ствоша. «*Ale ponieważ tramwaj odchodził przed kościoła Mariackiego, więc Janusz wszedł na chwilę do środka... Ołtarz Stwosza był akurat otwarty*» [4, II, с. 93]. «Поскольку трамвай уходил от Мариакского собора, Януш зашел туда на минуту... Алтарь Ствоша был как раз открыт» [1, I, с. 503]).

Алтарь Ствоша – памятник поздней готической деревянной скульптуры, выполненный в 1477–1489 гг. мастером Витом Ствошем для Мариакского костёла в Кракове [1, I, с. 588].

Заключение. Итак, мы рассмотрели комментарии в русском переводе романа Я. Ивашкевича «Хвала и слава» и пришли к следующим выводам. Среди прокомментированных онимов больше всего антропонимов, прежде всего – имён поляков. Высокая частотность употребления данных имён собственных говорит об их важной роли для понимания текста. Наличие в романе персоналий польской культуры призвано ввести читателя в иной культурно-исторический контекст. Данные онимы прежде всего подлежали комментарию, поскольку русский читатель знаком с представителями польской культуры поверхностно.

В большом количестве присутствуют в тексте и наименования произведений искусства как польских, так и зарубежных авторов (идеонимы) и имена художественных персонажей. Несмотря на то, что последние не омонимичны наименованиям объектов реальной действительности, как топонимы и антропонимы, они также сопровождаются комментарием, поскольку являются частью культурного пространства и представляются важными для понимания текста романа. Интересно наличие комментария к псевдониму героя (*Żbik*), что связано с польскоязычным происхождением данного онима и его непереводаемостью на русский язык.

Несмотря на низкую частотность употребления в тексте, в комментариях подробно рассмотрены эргонимы (наименования организаций), поскольку дополняют и конкретизируют информацию об исторических фактах, о которых идёт речь в романе. В наименьшем количестве представлены, но также подробно рассмотрены в примечаниях хрононимы (названия исторических событий), поскольку те из них, что неизвестны русским читателям, нуждаются в подробном изложении для понимания событий романа. Низкая частотность употребления в тексте данных онимов связана с использованием вместо имён описательных конструкций.

В наименьшем количестве как в тексте, так и в комментариях представлены документонимы (наименования документов) и хрематонимы (уникальные названия предметов), поскольку относятся к категории подробностей, которые можно опустить. По той же причине практически не прокомментированы, несмотря на то, что достаточно часто встречаются в тексте, гемеронимы (названия газет и журналов).

Комментарии предоставляют необходимый культурно-исторический фон, открывают дополнительные смыслы, помогают разобраться в многообразии произведений и малоизвестных персонажей, с которыми вступает в диалог автор. Перспективным является анализ онимов, снабжённых комментарием, в других польских произведениях, переведённых на русский язык.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ивашкевич Я. Хвала и слава. Т. 1, 2 / Я. Ивашкевич // пер. с пол. – М.: Художественная литература, 1974. – Библиотека всемирной литературы. Серия третья: Литература XX века. Т. 154, 155.

2. Калинин В.М. Как в русской литературе онимы превращались в поэтонимы? / В.М. Калинин // Филологические исследования. – Киев : Издательский дом Дмитрия Бурого, 2016. – Вып. 15. – С. 196–211.
3. Филатова В.А. Переводческий метатекст географического типа в переводе Мэри Ф. Зирин записок Надежды Дуровой / В. А. Филатова // Языкознание. Восточнославянская филология : [сб. науч. тр.]. – Горловка : ГИИЯ, 2016. – Вып. 2(28). – С. 189–194.
4. Iwaszkiewicz J. Sława i chwała. T. 1–3 / J. Iwaszkiewicz. – Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1956–1962.
5. Górczowska N. Nazwy własne w polskich cyklach powieściowych high fantasy / N. Górczowska. – Praca doktorska. – Kraków, 2018. – 487 s.

Поступила в редакцию 25.11.2022 г.

**COMMENTING ON NAMES IN RUSSIAN TRANSLATION OF NOVEL «PRAISE AND GLORY» BY
Y. IVASHKEVICH**

N.A. Shokotko, A.I. Ovcharenko

The paper examines the interpretation by means of special notes of the onyms in the Russian translation of the novel «Praise and Glory» by Y. Ivashkevich. The role of the notes in understanding the text of the novel is revealed. The proper names, which have been commented on, are classified into categories. The observation is made as to the predominance of anthroponyms and ideonyms. It is concluded that comments are made to the onyms, that are likely to be unknown to Russian readers.

Key words: onym, anthroponym, translation, comment, frequency value.

Шокотко Наталья Александровна.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». Старший преподаватель кафедры общего, славянского и прикладного языкознания имени Е.С. Отина.

E-mail: n.shokotko@donnu.ru

Овчаренко Анастасия Игоревна.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». Студентка 1 курса магистратуры филологического факультета.

E-mail: novcharenco@yandex.ru

Shokotko Natalia Alexandrovna.

Donetsk National University. Senior lecturer at Department of General, Slavic and Applied Linguistics named after E.S. Otin. E-mail: n.shokotko@donnu.ru

Ovcharenko Anastasia Igorevna.

Donetsk National University. 1st year student of Master's degree at Faculty of Philology.

E-mail: novcharenco@yandex.ru

СЛОВО МОЛОДОМУ УЧЁНОМУ

ФУНКЦИИ АНТРОПОНИМОВ В ПРОЗЕ И ДРАМАТУРГИИ Л.Н. ТОЛСТОГО

© 2022 Ю.Ю. Иващенко

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет»

В статье проанализированы антропонимы в художественных текстах Л.Н. Толстого. Цель исследования состоит в обозначении функций и выявлении особенностей использования антропонимов для создания художественных образов. Актуальность заключается в комплексном подходе к изучению антропонимов в текстах Толстого, что способствует дальнейшему развитию лингвистического анализа произведений. Исследование позволяет определить номинативную, характерологическую, символическую и др. функции антропонимов.

Ключевые слова: антропоним, семантика имени, функции антропонимов, антропонимическая система.

Введение. Анализ поэтики того или иного произведения может осуществляться с разных точек зрения. Один из способов изучения художественного текста – рассмотрение онимов, в том числе, антропонимов, то есть, имен собственных, принадлежащих человеку. Ведь зачастую в именах собственных содержится немало информации, которая способна раскрыть героя, указать на его происхождение, основные черты характера. Все эти детали помогают открыть читателю новые смыслы в прочитанном тексте. Остановимся на изучении функций антропонимов в произведениях Льва Николаевича Толстого.

Изучением данного вида онимов занимались многие исследователи: Б.М. Эйхенбаум [11], М.С. Альтман [1], Г.А. Ахметова [3], Е.А. Масолова [9], О.В. Арзямова, Ю.Ю. Иващенко [2] и некоторые другие. Большой вклад в изучение антропонимов внесла С.А. Скудрина. Светлана Анатольевна отметила, что в литературном произведении создается *ономастический код*, в котором ономастические единицы «являются держателями и экспликаторами разного рода информации – автобиографической, историко-культурной, мифопоэтической, хронотопической» [10, с. 3]. Это позволяет читателю выявить знаковую комбинацию смыслов в художественном тексте.

Основная часть. Изучение специфики имен собственных проводится в рамках особой науки об особенностях функционирования имен собственных – литературной ономастики. Выбор имени героя – особенный этап развития, как отдельного персонажа, так и всего произведения, ведь на него оказывают влияние множество факторов: авторское восприятие, ассоциативный ряд, историко-культурные особенности. Доктор филологических наук, Г.Ф. Ковалёв, выделяет четыре фактора, взаимодействие которых оказывает влияние на выбор имени персонажей: авторское сознание, системность именника, социальные характеристики, хронотопность [6, с. 32]. Поиск имени Львом Николаевичем для некоторых персонажей отражается в его заметках. Изучая их, мы можем определить, что данный процесс является непростым. Имена героев могут неоднократно изменяться во время написания произведения. Это приводит к изменению событий, а также характеров персонажей в художественном тексте, что оказывает влияние на восприятие произведения.

В литературных произведениях антропонимы выполняют множество различных функций. С.А. Скудрина выделяет следующие: номинативная, характерологическая, символическая, предуведомительная, социальная, историко-культурная, хронотопическая, экспрессивная и др. функции. Отражение данных функций можно найти в различных по жанрам произведениях Л.Н. Толстого.

Основная функция антропонимов в художественных произведениях Льва Николаевича – *номинативная*. Ее выполняют все имена собственные, используемые в текстах. Данная функция связана с процессом соотнесения слова с обозначаемым предметом. В.Д. Бондалетов отмечает, что номинативная функция антропонимов соотносится также с идентифицирующей и дифференцирующей функциями [4, с. 15]. Дифференцирующая функция заключается в выделении предмета из ряда подобных, то есть в выделении одного героя из множества других.

Часто с номинативной функцией сопоставляют *социальную*, или *социально-маркирующую*. Это связано с указанием социального положения при номинации определенного персонажа. Так, уже по имени собственному мы можем определить положение героя на иерархической лестнице. Для этого Л.Н. Толстой указывает титулы персонажей. Например, в «Войне и мире» мы сталкиваемся с *графом* Ростовым, *князем* Болконским, *князем* Курагиным и т.д. Исходя из данных наименований, можно представить расположение героев на иерархической лестнице, учитывая исторические особенности XIX века. Кроме указания титулов также встречаются упоминания должностей и профессий персонажей. Так, мы замечаем антропоним *обер-прокурор* Селенин в романе «Воскресение» [9, с. 11]. Однако в некоторых произведениях герои названы только по профессии. Например, в драме «Живой труп» несколько героев названы следующим образом: *судебный следователь*, *городовой*, *судейский*. Социальная функция литературных антропонимов в данном случае позволяет не только определить социальный статус героев, но и отметить тот факт, что они лишены индивидуальности и важной роли в произведении не играют. С этим явлением мы сталкиваемся и в повести «Хаджи-Мурат». Здесь наименование воинского звания часто заменяет фамилию героев. Многие персонажи обезличены чинами и выступают перед нами в социальном статусе: *ротный*, *командир*, *офицер* и др. Добавление фамилии к воинскому званию позволяет читателю дифференцировать этих персонажей, хотя они почти ничем не отличаются друг от друга, внутренне пустые: генерал Пассек, генерал-губернатор Западного края Бибииков, полковник Золотухин и т.д.

Многие функции литературных антропонимов находят непосредственное отражение в семантике имен собственных. Так, мы видим яркое проявление *характерологической* функции онимов. В качестве яркого примера можно вспомнить Наташу Ростову, героиню романа «Война и мир». Имя Наталья в переводе с латыни означает «родная, рождающая». В книге имен приводится следующая характеристика данного имени: Наталья жизнерадостная, добрая. Заботливая жена и мать [5, с. 113]. Данные черты мы находим в героине романа, которую Толстой считает образцовой женой и матерью. Отражение характера встречается не только в именах героев, но и в их фамилиях. Отметим, что у Толстого есть и «говорящие» фамилии, и фамилии, значение которых на первый взгляд кажется не влияющим на восприятие и смысл текста. Обратимся к герою «Кавказского пленника», который носит фамилию Жилин. Данная фамилия имеет несколько значений, которые уходят в далекое прошлое. Все эти значения происходят от прозвища «Жила». В старину таким прозвищем называли либо скупого и прижимистого хозяина, либо человека, который внешне был худым и высоким, но отличался выносливостью и силой. Об этом же свидетельствует старинная

пословица: «Кость да жила, а всё сила». Именно отражение такого значения мы находим в характере героя художественного текста. Так, проявление характерологической функции антропонимов заключается в том, что имена собственные отражают особенности внутренних качеств героя, особенности его поведения.

Изображение *символической* функции наиболее ярко представлено в рассказе «Хозяин и работник». Здесь мы встречаемся с именами-символами. Первое символическое имя, которое можно обнаружить в рассказе, принадлежит святому, после праздника которого происходят описанные автором события. Обратимся к этимологии имен Николай и Никита. Данные имена содержат корень пок-, который имеет значение «победа». Так, в рассказе смиренный Никита духовно побеждает Брехунова, купца, отличающегося надменной гордостью. Николай – Никола Мирликийский, являющийся почитаемым святым в народе, словно приходит на помощь Никите. В связи с почитанием Николая Угодника имя Николай обрело символический смысл. Этот смысл мы и замечаем в рассказе Л.Н. Толстого. Интересно, что к данному святому обращается и сам Брехунов, но его молитва обретает мотив «торга», поэтому является недейственной. Объяснить смысл этого явления можно так: Никола – покровитель смиренных, таких, как Никита, который выживает в буране. Василий Андреич крайне горделив, поэтому его молитва святым не принимается. Так, рассматривая антропонимы с символической точки зрения, можно взглянуть на текст по-иному, выделить новые смыслы, связанные с религиозным контекстом.

Некоторые антропонимы выполняют *предупредительную* функцию в текстах Толстого. В качестве примера можно привести персонажа, чья фамилия переходит из произведения в произведение. Так, в пьесе «Живой труп» мы встречаем персонажа с уже знакомой нам фамилией. На первый взгляд, между Алексеем Александровичем Карениным и Виктором нет ничего общего. Однако именно здесь мы сталкиваемся с предупредительной функцией собственных имен. Убедиться в этом можно, наблюдая за раскрытием образа Виктора Каренина. Изначально мы видим его как приятеля Фёдора Протасова, но при этом с ранних лет влюбленного в Лизу. И далее Виктор поступает весьма высоконравственно – привозит к больному ребенку Лизы и Фёдора известного доктора. Однако Толстой неслучайно использует в данном произведении известную читателям фамилию. Последующие события в пьесе позволяют выявить сходства двух персонажей с фамилией Каренин. Отметим момент, где мать Виктора говорит о нем следующее: «Это гордая душа. Он был горд еще семилетним мальчиком. Горд не именем, не богатством, но горд своей чистотой, нравственной высотой, и он соблюдал её...». Уже здесь заметны негативные качества Виктора Каренина, которые и позволяют нам сопоставить его образ с Алексеем Александровичем. Далее мы видим, что Виктор не способен понять, что установление дружеских отношений с замужней Лизой ведет к разрушению брачного союза Протасовых. Также и Алексей Александрович в определенных ситуациях не может объективно оценить свои поступки [8, с. 585]. Соответственно, антропонимы в творчестве Льва Толстого переносятся из текста в текст, из одного жанра в другой. Герои, носящие одинаковые имена и фамилии могут несколько изменяться, но их настоящие внутренние качества остаются схожими, несмотря на разные сюжеты.

Антропонимы в художественных текстах Толстого отражают также и *историческую* функцию, то есть создают культурно-исторический фон произведения. Данная функция тесно связана с *хронотопической*, ведь упоминание тех или иных исторических личностей позволяет определить время и место действия. Явным

примером отражения исторического прошлого является роман «Война и мир». В данном романе мы наблюдаем и обращение к реально существующим историческим личностям, и к вариациям фамилий реальных исторических лиц и дворянских родов. Говоря о реальных лицах в тексте романа можно упомянуть следующих исторических деятелей: Михаила Илларионовича Кутузова, Наполеона Бонапарта, Александра I, Франца, императора Австрии и некоторых других известных полководцев. Отсылкой к дворянским родам являются семьи, изображенные в романе. Так, семья Болконских отсылает нас к дворянскому роду Волконских, который происходит от черниговской ветви Рюриковичей, просуществовавший до XX века. В начале XIX века князь Пётр Михайлович Волконский, принадлежавший к старшей ветви рода, принимал участие в сражении под Аустерлицем, во время Отечественной войны 1812 года состоял при Александре I и являлся посредником между ним и Кутузовым. Семья Безуховых отсылает нас к дворянскому роду Безбородко, Курагины ассоциируются с родом Куракиных. А род Ростовых отсылает, непосредственно, к семье Льва Николаевича. Итак, выполняя историческую функцию, антропонимы погружают нас в прошлое с его реальными историческими деталями. Неслучайно Т. В. Кудрявцева отметила: «Имя собственное не только называет, но главным образом создает хронотоп, ориентирующий читателя во времени и пространстве, в определенной социокультурной среде» [7, с. 335].

Заключение. Таким образом, можно отметить, что антропонимы в художественных текстах Л.Н. Толстого имеют особую значимость и выполняют множество различных функций. К ним относятся: номинативная, характерологическая, символическая, предуведомительная, социальная, историко-культурная, хронотопическая, экспрессивная и др. Антропонимы в текстах Льва Николаевича отсылают к реально существующим личностям эпохи, создавая при этом определенный исторический фон произведения, во многом автобиографичны. Кроме того, интересен тот факт, что имена собственные в творчестве Льва Николаевича переходят из одного произведения в другое, из одного литературного жанра в другой, сохраняя при этом основные черты героев. В антропонимах наблюдаются определенные символические и мифопоэтические смыслы, которые не сразу открываются читателю, но позволяют понять определенные идеи, выражаемые автором через своих героев, через их имена, фамилии и прозвища. Таким образом, можно отметить, что антропонимы в произведениях Л.Н. Толстого – не хаотичный набор имен собственных, а вполне упорядоченная система, позволяющая читателю понять творчество писателя, представленное в большом множестве произведений различных жанров. Антропонимы в текстах Толстого вступают в ассоциативные связи и спустя много лет переосмысливаются читателями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альтман М.С. Читая Толстого / М.С. Альтман. – Тула: Приокское книжное изд-во, 1966. – 168 с.
2. Арязмова О.В. Литературная антропонимика в системе романов Л.Н. Толстого / О.В. Арязмова, Ю.Ю. Иващенко // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2022. – № 3 (46). – С. 78–82.
3. Ахметова Г.А. Мифологический лейтмотив в романе Льва Толстого «Анна Каренина» / Г.А. Ахметова // Фольклор народов России. – Уфа, 2006. – С. 83–94.
4. Бондалетов В.Д. Русская ономастика / В.Д. Бондалетов. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.
5. Волкова А. Книга имен / А. Волкова. – М.: АСТ, Сова, 2011. – 127 с.
6. Ковалёв Г.Ф. Литературная ономастика – поле исследований для литературоведов и лингвистов / Г.Ф. Ковалёв // Русистика без границ. – 2017. – № 2. – С. 30–40.

7. Кудрявцева Т.В. Средства ономапоэтики в создании имагологического портрета России (на материале немецкой поэзии) / Т.В. Кудрявцева // Имя в литературном произведении: художественная семантика. – М.: ИМЛИ РАН, 2014. – С. 327–345.

8. Лаврова Н.Н. Антропонимы в рассказе «Франсуаза» и в пьесе «Живой труп» Л.Н. Толстого (к столетию со дня смерти писателя) / Н.Н. Лаврова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – Лингвистика. – 2010. – № 4 (2). – С. 584–586.

9. Масолова Е.А. Антропонимы в романе Толстого «Воскресение» / Е.А. Масолова // Культура и текст. – 2018. – № 3. – С. 7–21.

10. Скуридина С.А. Ономастический код художественных текстов Ф.М. Достоевского. Автореф. дисс... д-ра филол. наук. – Воронеж, 2020. – 40 с.

11. Эйхенбаум Б.М. Лев Толстой: исследования. Статьи / Б.М. Эйхенбаум. – Санкт-Петербург: Факультет филологии и искусства СПбГУ, 2009. – 952 с.

Поступила в редакцию 22.11.2022 г.

FUNCTIONS OF ANTHROPONYMS IN PROSE AND DRAMA BY L.N. TOLSTOY

Yu.Yu. Ivashenko

The article addresses anthroponyms in the fiction texts by L. N. Tolstoy. The research objective is to identify functions and peculiarities in the use of anthroponyms in creating the characters' images. The relevance is accounted for by the suggested complex approach to the study of anthroponyms in the texts by Tolstoy, which contributes to further development of literary texts linguistic analysis. The nominative, characterological, symbolic, and other functions of anthroponyms are considered.

Key words: anthroponym, semantics of the name, "talking" anthroponyms, functions of anthroponyms, anthroponymic system.

Иващенко Юлия Юрьевна.

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет».

Студент 3 курса гуманитарного факультета.

E-mail: ivashenko_1006@mail.ru

Ivashchenko Yulia Yurievna.

Voronezh State Pedagogical University.

3rd year student of Faculty of Humanities.

E-mail: ivashenko_1006@mail.ru

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.99

ЛИЧНОСТНЫЕ И КОГНИТИВНО-СТИЛЕВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ УСПЕШНОГО МЕНЕДЖЕРА

© 2022 *В.И. Безродный*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Приводятся результаты сравнительных исследований профессионально успешных менеджеров в сравнении с контрольной группой. В ходе исследования была изучена связь ряда личностных и когнитивно-стилевых характеристик с успешностью профессиональной деятельности менеджеров по продажам. Проведена корреляция результатов диагностики свойств личности и когнитивных стилей в группах менеджеров с различным уровнем успешности.

Ключевые слова: когнитивно-стилевые характеристики, полнезависимость, рефлексивность, импульсивность, стрессоустойчивость, уровень субъективного контроля, корреляционный анализ.

Успешность профессиональной деятельности является основным предметом исследований в различных отраслях наук. Проблема успешности профессиональной деятельности – наименее изученная область и такой науки как психология. Отчасти эту проблематику разрабатывает и акмеология, однако, акмеологических исследований процесса и результата достижения высокого уровня профессионализма явно недостаточно [2].

Среди многообразных видов деятельности личности особое место занимает профессиональная деятельность. Человек как субъект деятельности большую часть своей жизни посвящает профессиональному виду труда как главному направлению становления человеческой сущности. В современных публикациях профессия понимается как «общность», как «область приложения сил», как деятельность и область проявления личности. Профессионал может преобразовывать свою профессиональную деятельность, внося в неё творческие элементы, расширяя область приложения своих сил, придумывая новые средства, приёмы работы [3].

Успешность и результативность любой профессиональной деятельности зависит, в первую очередь, от личностных характеристик индивида. Организационный фактор, безусловно, играет важную роль, ведь условия, созданные для работы, могут в значительной степени повлиять на удовлетворенность человека своей работой, а значит и на успешность. Но множество проведенных исследований доказывает, что именно личностные особенности субъекта деятельности как константные и базисные характеристики конкретного индивида, определяющие индивидуальные поведенческие реакции и психические состояния, оказывают главное влияние на эффективность и надежность деятельности [4]. Оценка личностных особенностей – необходимое условие и направление изучения индивидуальных стратегий психической регуляции деятельности и выявления соответствия личности определенной деятельности для достижения высокой ее эффективности [1].

Вид индивидуального когнитивного стиля существенно сказывается на способах выполнения субъектом разных видов деятельности, в частности, профессиональной.

Различные аспекты переработки информации, получившие название когнитивных стилей, постоянно сопровождают человека при решении им самых различных проблем. Они внедряются в его процессы восприятия, внимания, памяти, мышления, что сказывается на их результатах, а в конечном итоге и на результате деятельности, в составе которой эти процессы разворачиваются. Учет этих особенностей необходим для обеспечения оптимального способа деятельности человека в профессиональной сфере для достижения им максимальной эффективности [4].

В свою очередь удовлетворенность трудом – эмоционально-оценочное отношение личности или группы к выполняемой работе и условиям ее протекания. От удовлетворенности трудом, совершенствования форм его организации, гуманизации содержания зависит экономическая эффективность труда [3]. Рассмотрение в рамках данной работы феномена удовлетворенности трудом обусловлено наличием научно обоснованных результатов, подтверждающих связь удовлетворенности с успешностью (экономической эффективностью) труда, а также необходимостью изучить влияние личностных и когнитивно-стилевых характеристик человека на удовлетворенность, а значит и на успешность его профессиональной деятельности.

В целом проведение исследования на тему «Когнитивные стили и свойства личности как факторы успешности профессиональной деятельности менеджеров по продажам» включает в себя 2 этапа. На первом этапе было определено проблемное поле исследования, проанализирована научная литература по вопросу, определены объект, предмет, цели, задачи, а также были сформированы гипотезы исследования.

Объект исследования – успешность профессиональной деятельности.

Предмет исследования – когнитивные стили и свойства личности как факторы успешности профессиональной деятельности менеджеров по продажам.

Цель данной работы состоит в том, чтобы выявить связь некоторых личностных характеристик и когнитивных стилей с успешностью профессиональной деятельности менеджеров (специалистов по продажам).

Гипотезы исследования:

1. Менеджеры по продажам с высоким уровнем успешности профессиональной деятельности характеризуются высоким уровнем стрессоустойчивости, субъективного контроля и низким уровнем импульсивности.

2. Для менеджеров по продажам с высоким уровнем успешности профессиональной деятельности характерна выраженность таких полюсов когнитивных стилей, как полнезависимость, рефлексивность и гибкость.

3. Импульсивность, стрессоустойчивость и уровень субъективного контроля как свойства личности и когнитивные стили полнезависимость-полнезависимость, импульсивность-рефлексивность и гибкость-ригидность влияют на удовлетворенность работой, а значит и на ее успешность.

Для проверки выдвинутых гипотез была подобрана совокупность методов и методик, позволяющих диагностировать личностные и когнитивно-стилевые характеристики менеджеров по продажам с различным уровнем успешности профессиональной деятельности, а также степень их удовлетворенности работой.

На различных этапах исследования нами применялись разные методы: теоретический анализ литературы, тестирование, методы статистической обработки (t-критерий Стьюдента, описательная статистика, корреляционный, дисперсионный анализ). Математико-статистическая обработка данных выполнялась с помощью персонального компьютера с использованием программ статистической обработки данных «SPSS 16,0» и «Excel 2003». Достоверность полученных данных

обеспечивалась адекватностью применяемых методов исследования, статистической надежностью полученных результатов и их анализом. Надежность и достоверность полученных результатов обеспечивалась методологической обоснованностью общего замысла работы, комплексным подходом к анализу проблемы, стандартизацией процедуры исследования, использованием комплекса методик, адекватных целям и задачам исследования и применением современных методов статистической обработки эмпирических результатов.

Второй этап исследования состоял из трёх частей. Первоначально проводилась диагностика удовлетворенности работой и распределение испытуемых на две группы – с высокой и низкой успешностью профессиональной деятельности (согласно результатам методики и анализа экономической отчетности).

Далее проводилась диагностика личностных и когнитивно-стилевых характеристик, а именно импульсивности, стрессоустойчивости и уровня субъективного контроля, а также когнитивных стилей полезависимость-полenezависимость, импульсивность-рефлексивность, гибкость-ригидность.

Заключительную часть составлял анализ и интерпретация полученных данных. Для обработки и анализа результатов использовались такие методы математической статистики, как сравнение средних (t-критерий Стьюдента), корреляционный и дисперсионный анализ.

Исследование проводилось на базе крупных центров, специализирующихся на прямых продажах бытовой техники: Галактика, Донхозторг, Технобум. В исследовании принимали участие специалисты по продажам с высшим или средним специальным образованием. Выборка испытуемых составила 60 человек – менеджеров по продажам (28 мужчин и 32 женщины), возрастом от 26 до 40 лет, с различным уровнем успешности профессиональной деятельности (50% с высоким и 50% с низким уровнем успешности). Уровень успешности определялся количеством и стоимостью продаж согласно отчетам за 1 год, а также результатами диагностики удовлетворенности работой.

Для реализации поставленной цели исследования были выбраны следующие методики:

- Опросник для исследования уровня импульсивности В.А. Лосенкова.
- Методика «Уровень субъективного контроля» (УСК) Дж. Роттера.
- Методика «Перцептивная оценка типа стрессоустойчивости» Н.П. Фетискина.
- Методика «Включенные фигуры» К. Готтшальдта для диагностики когнитивного стиля полезависимость-полenezависимость.
- Методика «Сравнение похожих рисунков» Кагана для диагностики когнитивного стиля импульсивность-рефлексивность.
- Методика словесно-цветовой интерференции Струпа для диагностики когнитивного стиля гибкость-ригидность.
- Методика для диагностики личностной и групповой удовлетворенности работой (авторы Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов).

В ходе исследования была изучена связь ряда личностных и когнитивно-стилевых характеристик с успешностью профессиональной деятельности менеджеров по продажам. Была проведена корреляция результатов диагностики свойств личности и когнитивных стилей в группах менеджеров с различным уровнем успешности. Проведен дисперсионный анализ результатов диагностики с целью вычисления коэффициента влияния личностных и когнитивно-стилевых характеристик на удовлетворенность работой.

Результаты показали, что для профессионально успешных менеджеров по продажам характерен высокий уровень удовлетворенности работой. При этом менее профессионально успешные специалисты удовлетворены своей работой в меньшей степени ($p \leq 0,01$).

Для испытуемых с высоким уровнем успешности профессиональной деятельности характерен более низкий уровень импульсивности, чем для неуспешных. Полученные данные подтверждают гипотезу о связи уровня импульсивности как черты личности и уровня успешности профессиональной деятельности ($p \leq 0,01$).

Существует прямая связь между уровнем успешности и уровнем стрессоустойчивости: для менеджеров с высоким уровнем успешности характерен более высокий уровень стрессоустойчивости, и, соответственно, среди менее успешных показатель стрессоустойчивости существенно ниже ($p \leq 0,01$).

Испытуемые с высоким уровнем успешности профессиональной деятельности характеризуются высоким уровнем субъективного контроля, о чем свидетельствует высокий показатель общей интернальности (Ио) в группе успешных менеджеров. При этом для менее успешных испытуемых характерен более низкий показатель по шкале общей интернальности (Ио), что говорит о выраженности экстернального локуса контроля в данной группе испытуемых ($p \leq 0,01$). По шкалам интернальности в области достижений ($p \leq 0,01$), неудач ($p \leq 0,01$), межличностных ($p \leq 0,01$) и производственных отношений ($p \leq 0,01$) также обнаружены значимые различия, подтверждающие преобладание интернальности у испытуемых группы успешных менеджеров по продажам. По шкалам интернальности в семейных отношениях, а также в отношении здоровья и болезни значимых различий в показателях групп успешных и неуспешных менеджеров обнаружено не было. Таким образом, можно сделать вывод о наличии связи между выраженностью интернальности и успешностью профессиональной деятельности.

Существуют различия в величине индекса полезависимости-полenezависимости у менеджеров с различным уровнем успешности профессиональной деятельности. Так, для успешных менеджеров характерна большая выраженность полenezависимости; у менеджеров с низкой успешностью, наоборот, преобладает полезависимый когнитивный стиль ($p \leq 0,01$).

Отмечены различия в успешности у менеджеров с когнитивным стилем импульсивность и у менеджеров с когнитивным стилем рефлексивность. Полученные данные позволяют сделать вывод, что для рефлексивных менеджеров характерен более высокий уровень успешности, чем для импульсивных ($p \leq 0,01$).

Для менее успешных менеджеров характерна большая выраженность интерференции, у менеджеров с высокой успешностью показатель интерференции существенно ниже. Это свидетельствует о том, что для испытуемых с более высоким уровнем успешности профессиональной деятельности характерно преобладание гибкого когнитивного стиля; для неуспешных – преобладание ригидного познавательного контроля ($p \leq 0,01$).

Проведенный корреляционный анализ показателей когнитивных стилей (полезависимость-полenezависимость, импульсивность-рефлексивность, гибкость-ригидность) и свойств личности (импульсивность, стрессоустойчивость, уровень субъективного контроля) в группах успешных и неуспешных менеджеров по продажам показал следующие результаты. В группе успешных менеджеров было выявлено 5 достоверных связей – 3 положительных и 2 отрицательных. Согласно полученным результатам, существует прямая связь между показателем когнитивного стиля

полнезависимость и показателем когнитивного стиля рефлексивность ($r=0,67$, $p\leq 0,01$), а также обратная связь между показателями ригидности и полнезависимости ($r=-0,69$, $p\leq 0,01$), ригидности и рефлексивности ($r=-0,73$, $p\leq 0,01$). Это может означать, что для успешных менеджеров с полнезависимым когнитивным стилем характерна выраженность рефлексивного и гибкого полюсов когнитивных стилей импульсивность-рефлексивность и гибкость-ригидность соответственно.

Показатель импульсивности положительно связан с показателем неустойчивости к стрессу ($r=0,45$, $p\leq 0,05$). Таким образом, чем выше показатель импульсивности испытуемого, тем сложнее ему будет противостоять стрессовой ситуации и сохранять контроль и работоспособность.

Помимо этого, неустойчивость к стрессу положительно коррелирует и с показателем ригидности ($r=0,51$, $p\leq 0,01$) как полюса когнитивного стиля гибкость-ригидность. Это означает, что неустойчивость к стрессу как качество личности характерно испытуемым с преобладающим ригидным познавательным контролем.

В группе неуспешных менеджеров также было обнаружено 5 значимых корреляционных связей из них – 1 положительная и 4 – отрицательных. Согласно полученным результатам существует обратная связь между показателями когнитивных стилей, а именно: полнезависимостью и ригидностью ($r=-0,65$, $p\leq 0,01$), ригидностью и рефлексивностью ($r=-0,37$, $p\leq 0,05$). Положительная связь была обнаружена между полюсами когнитивных стилей полнезависимостью и рефлексивностью ($r=0,43$, $p\leq 0,05$). Данные связи позволяют предположить, что выраженному полнезависимому когнитивному стилю будут соответствовать выраженные импульсивный и ригидный полюса когнитивных стилей познания.

Также полнезависимый когнитивный стиль оказался в отрицательной связи с неустойчивостью к стрессам ($r=-0,37$, $p\leq 0,05$). Таким образом, выраженная полнезависимость связана с проявлением у испытуемого стрессоустойчивости как способности личности выдерживать перегрузки и работать на пределе возможностей без угрозы собственной безопасности и здоровья.

Была также выявлена обратная связь рефлексивности как полюса когнитивного стиля импульсивность-рефлексивность с выраженностью импульсивности как черты личности ($r=-0,45$, $p\leq 0,05$). Это вполне закономерно и может свидетельствовать о том, что для рефлексивных испытуемых характерна низкая степень выраженности такой личностной особенности, как импульсивность.

Согласно результатам дисперсионного анализа такие личностные свойства, как импульсивность, стрессоустойчивость и уровень субъективного контроля и такие когнитивные стили, как полнезависимость-полнезависимость, импульсивность-рефлексивность и гибкость-ригидность оказывают влияние на удовлетворенность менеджеров по продажам их работой. Так, более высокий уровень удовлетворенности обуславливают низкий уровень импульсивности ($p\leq 0,001$), высокий уровень стрессоустойчивости ($p\leq 0,001$) и субъективного контроля ($p\leq 0,001$), а также выраженность таких полюсов когнитивных стилей, как полнезависимость ($p\leq 0,05$), рефлексивность ($p\leq 0,001$) и ригидность ($p\leq 0,001$).

Выводы. Проведенное исследование позволяет подтвердить выдвинутые гипотезы и сделать следующие выводы:

1. Личностные черты работников как субъектов деятельности влияют на непосредственные результаты их профессиональной деятельности. Оценка личностных особенностей – необходимое условие и направление изучения индивидуальных

стратегий психической регуляции деятельности и выявления соответствия личности определенной деятельности для достижения высокой ее эффективности.

2. Когнитивно-стилевые характеристики постоянно сопровождают человека при решении им самых различных проблем, оказывая влияние на него самого и на его деятельность. Они внедряются в процессы восприятия, внимания, памяти, мышления, что сказывается на их результатах, а в конечном итоге и на результате деятельности, в составе которой эти процессы разворачиваются. Поэтому изучение влияния данных характеристик в проблемном поле успешности профессиональной деятельности необходимо для получения научно-обоснованных прогнозов о перспективах карьерного роста сотрудников различных сфер деятельности, в том числе – менеджеров по продажам.

3. От удовлетворенности трудом, совершенствования форм его организации, гуманизации содержания зависит экономическая эффективность труда. Изучение феномена удовлетворенности трудом в связи с успешностью обусловлено наличием научно обоснованных результатов, подтверждающих связь удовлетворенности с успешностью (экономической эффективностью) труда.

4. Для более успешных специалистов по продажам характерен более низкий уровень импульсивности, чем для менеджеров, чей уровень успешности профессиональной деятельности более низкий. Также для менеджеров по продажам с высоким уровнем успешности характерен более высокий уровень стрессоустойчивости, и, соответственно, среди менее успешных специалистов показатель стрессоустойчивости ниже. Помимо этого, среди менеджеров с высоким уровнем успешности профессиональной деятельности преобладают испытуемые с интернальным локусом контроля, при этом среди менее успешных специалистов больше тех, кого принято называть экстерналами – людей с экстернальным локусом контроля.

5. Для успешных в профессиональной деятельности менеджеров характерно преобладание таких полюсов когнитивных стилей, как полнезависимость, рефлексивность и гибкость. Неуспешным менеджерам присуще преобладание полнезависимости, импульсивности и ригидности.

6. Личностные и когнитивно-стилевые характеристики действительно оказывают влияние на удовлетворенность работой, а именно: высокий уровень стрессоустойчивости, уровня субъективного контроля, низкая импульсивность, а также выраженность полнезависимости, рефлексивности и гибкости у менеджеров по продажам способствуют их более высокому уровню удовлетворенности работой. Подтвержденное предположение о связи удовлетворенности работой с ее успешностью позволяет предположить влияние вышеперечисленных характеристик и на успешность деятельности, однако данное предположение нуждается в дальнейшем более подробном исследовании.

7. Полученные результаты могут быть использованы в процессе профподбора кадров на должность специалиста по продажам, в работе кадровых отделов предприятий при принятии на работу, а также в консультационной работе с сотрудниками.

8. Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных результатов для формулирования и дальнейшего внедрения методов повышения эффективности и оптимизации деятельности. Специалистам с низким уровнем успешности рекомендуется ряд мероприятий, направленных на самосовершенствование и личностный рост, развитие самоконтроля, регуляции

поведения в связи с динамическими и содержательными факторами на основе классификации и критериев успешности профессиональной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адизес И. Развитие лидеров: как понять свой стиль управления и эффективно общаться с носителями иных стилей / И. Адизес. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2018. – 259 с.
2. Бакирова Г.Х. Психология эффективного стратегического управления персоналом / Г.Х. Бакирова. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2018. – 591 с.
3. Кожухар В.М. Стили организационно-управленческих взаимодействий и проблемы их распознавания / В.М. Кожухар // Управление персоналом. – 2018. – № 5. – С. 48–50.
4. Луговский В.А. Личность руководителя и стили индивидуального управления / В.А. Луговский, А.С. Токаренко, А.А. Чернега // Психология человека и общества. – 2019. – № 5 (10). – С. 44–49.

Поступила в редакцию 21.11.2022 г.

PERSONALITY AND COGNITIVE STYLE CHARACTERISTICS OF A SUCCESSFUL MANAGER

V.I. Bezrodny

The research deals with a study of personality and cognitive style characteristics of professionally successful managers as compared to a control group. The correlation of personality and cognitive style characteristics with the success of sales managers' professional activities has been considered in the course of the research. Results of personality traits and cognitive styles diagnostics in groups of managers with different levels of success have been presented.

Key words: cognitive style characteristics, gender dependence, reflexivity, impulsivity stress-resistance, level of subjective control, correlation analysis.

Безродный Владимир Иванович.

Кандидат психологических наук, доцент.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Доцент кафедры психологии.
E-mail: bezrodnuy@rambler.ru

Bezrodny Vladimir Ivanovich.

Candidate of Psychology, Associate Professor.
Donetsk National University.
Associate Professor at Department of Psychology.
E-mail: bezrodnuy@rambler.ru

УДК 316.6

ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ

© 2022 Г.С. Джура

Современные информационно-технологические реалии обусловлены их тесной интеграцией с различными процессами жизнедеятельности человека. При этом, ряд фактов свидетельствует о том, что степень взаимосвязанности психики и информационных процессов растет с каждым днем. В результате, все существеннее обуславливается научная актуальность изучения воздействия информационных процессов на психику. С учетом масштаба, охвата и степени влияния указанных процессов научное сообщество не может оставаться в стороне от столь глобальных процессов и должно всячески участвовать в изучении и обеспечении информационно-психологической безопасности общества.

Ключевые слова: информационное общество, информационно-психологическая безопасность, государство.

Введение.

1. Обоснование проблематики

Заказ такси и еды, покупки онлайн, комментарии и сообщения в мессенджерах, поиск в поисковиках и других онлайн-платформах на современном этапе способствуют повсеместной миграции социума в интернет-среду.

Однако цифровые сервисы и устройства слишком часто превращаются в «похитителей внимания» и, как показывают исследования, вызывают у взрослых людей симптомы, схожие с синдромом дефицита внимания. Средний американец проверяет смартфон 47 раз в день, а молодые люди от 18 до 24 лет делают это 86 раз в день. Сложно не согласиться с тем, что это неконтролируемое желание взять в руки гаджет для современного человека является потребностью, которую нужно постоянно удовлетворять.

2. Содержание

Когда человек берет гаджет в руки, он получает удовольствие, и у него пропадает накопленная за время его отсутствия тревога. Согласно исследованиям [8, 9], у людей, которые только неделю не проверяли уведомления в телефоне, обнаружили повышенный уровень кортизола. Они были в стрессе. Это указывает на выработку привычного действия, которое обусловлено необходимостью постоянного потребления (получения) информации. При этом требования к ее качеству весьма условны.

Опасность заключается еще и в том, что люди всё меньше и меньше думают и все больше и больше следят за информационными потоками, имитирующими адаптированную под их интересы и предпочтения реальность [1].

В 2018 году в Калифорнийском университете Лос-Анджелеса проводили исследования: испытуемым показывали их аккаунт в Инстаграме (как им ставят «лайки») и при помощи магнитного томографа отслеживали реакцию мозга. Более яркие снимки найти было сложно – мозг становился существенно возбужденным, эффект был похож на прием наркотика. Этот феномен серьезно изучали, и учёные пришли к выводу, что, вроде бы, призванный объединять людей интернет и его производные на самом деле могут провоцировать проблемы психологического характера того или иного уровня: например, у человека, долго не проверявшего уведомления в гаджете, возникает ощущение тревоги [2, 3].

С одной стороны, человек боится ограничения свободы и контроля. С другой стороны, отдавая под контроль свой телефон (по сути, ставший Альтер-Эго), он открывает дверь внутрь личности, позволяя наблюдать за ним, изучать его и управлять им. Технологические компании уже хорошо знают о нас почти все: что мы смотрим, слушаем, едим, покупаем, куда ездим, с кем спим.

Люди, обладающие этими данными, могут влиять на многие процессы. По сути, это разведывательная информационная деятельность, результатом которой является составление психологического портрета личности. Причем не одной, а массы разных категорий и групп людей. И проблема заключается не только в том, что современный человек слишком много времени проводит в соцсетях, а в том, что делает это потому, что у него нет выбора, т.к. остаться без сервисов и технологий равносильно тому, чтобы вернуться в прошлый век.

Социальные сети успешно играют на глубинных проявлениях человеческой природы и как бы мы не пытались сопротивляться, они соблазняют нас, манипулируют нами. Создано целое поколение людей, выросших в среде, где целью общения и культуры является манипуляция. Для людей с твердой волей и высоким уровнем занятости еще не так много рисков, но для многих риски есть, потому что продержаться без выработанных цифровой средой потребностей крайне затруднительно.

В процессе нашего пролистывания ленты новостей, психика работает и тратится энергию, хотя кажется, что человек отдыхает. Однако если задать вопрос: зачем это делается и что человек ищет, то, скорее всего, ответ будет не самым очевидным. Все чаще человек заходит в социальную сеть по привычке.

Важной проблемой также является враждебность и агрессия, продуцируемая цифровой средой, по отношению к тем, кто с нами не согласен, или просто показался нам в чем-то не правым или не таким. В формируемых под нас новостных лентах есть пугающие эффекты. В них мы подтверждаем свои собственные взгляды на жизнь, снова и снова отдаляясь от реальности. Последствия становятся как социальными, так и психологическими. Люди все меньше и меньше доверяют себе подобным, все больше замыкаются на себе, увеличиваются симптомы цифрового аутизма. Люди постепенно становятся чужими друг к другу. Человек с удовольствием делегирует свои навыки и знания мобильным приложениям. Прежний образ жизни, где использовался интеллект, заменен когнитивным протезом. Это фундаментальная революция, изменяющая мозг.

Юваль Ной Харари утверждает, что корпоративный мир сегодня живет по законам фашизма, на который работает сбор больших данных. Цифровые корпорации могут заставить или даже убедить пользователей отказаться от своих ценностей, например приватности их частной жизни только для того, чтобы получить ещё больше выгод для самих корпораций [4].

Указанные тенденции явным образом свидетельствуют о существенных влияниях цифровых трендов на психику. В целом огромное количество людей на планете сегодня страдают от различных форм психических расстройств. Потребности в психологической помощи растут как снежный ком. Только в период пандемии число случаев психических заболеваний, в частности тревожного расстройства и депрессии, во всем мире увеличилось на 25 процентов, при этом, не у всех есть возможность получить необходимое лечение, о чем сообщает Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) [5].

В 2019 году во всем мире психическими расстройствами страдали почти один миллиард человек, 14 процентов из которых составляли подростки. Более одного процента всех случаев смерти в мире связаны с самоубийствами, которые являются

следствием тяжелого психического состояния. Почти 60 процентов всех суицидов совершили люди в возрасте до 50 лет [6].

Психические расстройства ведут к росту безработицы, инвалидности и преждевременной смертности. Люди с тяжелыми психическими заболеваниями умирают в среднем на 10–20 лет раньше, чем все остальные жители планеты. В основном смерть наступает из-за развития поддающихся профилактике физических заболеваний.

Одновременно с этим, стоит отметить, что, несмотря на вышеприведенные факты, охрана психического здоровья десятки лет входит в число наименее обеспечиваемых звеньев общественного здравоохранения, получающих несущественную долю объективно необходимого ей внимания и ресурсов со стороны государств. Помимо этого, важно обозначить основополагающий тренд повсеместной цифровизации процессов и систем, как в государственном секторе, так и в частном. Информационно-коммуникационные платформы играют не просто существенную роль в жизни современного человека. Без гаджетов и интернет-сервисов, жизнь человека выходит за рамки реальности, уводя его к насущным страхам, комплексам, фобиям и тревогам.

Привычная виртуальная реальность позволяет временно заместить и вытеснить базовые потребности в общении, признании, удовлетворении эстетических и других интересов. Однако это замещение происходит частично и необходимость в полноценном удовлетворении социальных потребностей, получаемых через живой контакт с человеком, остается. В результате далекие от реальности игры и социальные сети замещают среду развития индивида и все больше приводят к тому, что в случае со столкновением с различными социальными трудностями, способностей их безболезненно преодолеть становится все меньше. Социальные навыки регрессируют по причине отсутствия тренировок, и психика человека становится все более инертной и менее адаптивной к жизненным вызовам, с которыми рано или поздно будет необходимо сталкиваться.

Несмотря на это, информационное пространство позволяет человеку начать жизнь «с чистого листа», показав миру и социуму лишь то, что он, вроде как, хочет ему показать. Таким образом, жизнь человека мигрирует в иную (виртуальную) реальность, избавляя от насущных проблем и от необходимости проживать свою (настоящую) жизнь. Человеку кажется, что у него все меньше потребности в нахождении контакта с другими (ведь это ненужное напряжение и риски), не нужно встречаться с друзьями (ведь на это нужны ресурсы и выход из зоны комфорта), не нужно бывать в местах, где встречаются интересные ему люди (в этом нет необходимости - все можно найти в интернете).

Информационные потоки, подстраиваются под вкусы, интересы и способы восприятия индивида, попросту не оставляя шансов технологически неразвитому государству на донесение достоверной информации до граждан. Данный факт создает угрозу влияния на умы людей. Через правильно поданную и усвоенную информацию формируется «нужная» психика и взгляды, как на политические, так и на социальные процессы. В конечном итоге возникает существенный риск реформирования психики общества.

3. Выводы

«Общество потребления» сегодня оставило большинство вышеприведенных проблем «на откуп» гражданам. Риски, связанные с переориентацией жизни человека в иную «гибридную» реальность остаются вне зоны системного влияния государственных организаций, ведь это не приносит доход. Законов, способствующих обеспечению условно «независимого» и «здорово» существующего в информационном пространстве социума также не существует. Важность формирования этических норм информационного пространства и общества набирает популярность [6].

Однако масштаб проблемы в современных реалиях велик, а предпринимаемые попытки крайне несущественны. Поэтому государство и общество сегодня нуждается не только в создании общегосударственных программ обеспечения информационно-психологической безопасности граждан, но и во всесторонней заинтересованности межгосударственных организаций в создании единых правил и норм в цифровой среде, при этом не способствующих увеличению объема психологических проблем человека.

Автору сложно отрицать важность и необходимость цифровых сервисов в современном мире. Сложно также отрицать важность переориентации общегосударственного информационно-технологического пространства в новые реалии. Однако вызовы, возникающие в ходе данной переориентации, должны быть здраво идентифицированы и описаны, а риски максимально тщательно оценены, обработаны и купированы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Что такое синдром информационной усталости и как его преодолеть. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://style.rbc.ru/health/60897fce9a7947840b466d08> (дата обращения: 25.07.2022).
2. Ученые: «Лайки» в соцсетях особым образом влияют на мозг подростков. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://s-t-o-l.com/material/12544-uchenye-layki-v-sotssetyakh-osobym-obrazov-vliyayut-na-mozg-podrostkov/> (дата обращения: 25.07.2022).
3. Ученые: лайки в Instagram травмируют психику. Три негативных фактора влияния соцсетей. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://hi-tech.mail.ru/review/55820-uchenye-layki-v-instagram-travmiruyut-psihiku-tri-negativnyh-faktora-vliyaniya-s/> (дата обращения: 25.07.2022).
4. Хроники цифрового фашизма: что ждет Facebook, где сидит поколение Z и какими станут соцсети будущего. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://knife.media/sm-future/> (дата обращения: 25.07.2022).
5. Психическими расстройствами страдает в мире почти миллиард человек. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://rossaprimavera.ru/news/351ae4bd> (дата обращения: 25.07.2022).
6. Около одного миллиарда человек страдают психическими расстройствами. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2022/06/1426022> (дата обращения: 25.07.2022).
7. Этические проблемы информационного пространства. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/eticheskie-problemy-informatsionnogo-prostranstva> (дата обращения: 25.07.2022).
8. Интернет-аудиторские исследования: резюме – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.yourbrainonporn.com/ru/relevant-research-and-articles-about-the-studies/internet-video-game-addiction/internet-addiction-studies-summaries/>
9. Магия притяжения мобильного телефона. В чем секрет? – [Электронный ресурс]. – URL: <https://псиблог.рф/магия-притяжения-мобильного-телефон/>

Поступила в редакцию 27.11.2022 г.

INFORMATION AND PSYCHOLOGICAL SECURITY OF INDIVIDUAL UNDER MODERN CONDITIONS

G.S. Dzhura

Modern realities of the existence and development of the information space of the state are determined by the influence on the psychological component of the state and society. The need to study and concretize the impact of information processes on the psyche of citizens is becoming more and more essential. This fact makes us pay special attention to ensuring the information and psychological security of the modern state.

Key words: information society, information and psychological security, state.

Джура Георгий Сергеевич.
Кандидат экономических наук.
E-mail: dzhura_egor95@mail.ru

Dzhura Georgiy Sergeevich.
Candidate of Economics.
E-mail: dzhura_egor95@mail.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Для публикации в журнале «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология» принимаются оригинальные научные работы, содержащие результаты исследований в области филологии и психологии. Статьи, опубликованные ранее в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации выносится редакционной коллегией журнала после рецензирования. Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям, и статьи, не соответствующие тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. Если рецензия положительная, но содержит замечания и пожелания, редакция направляет статью авторам на доработку вместе с замечаниями рецензента. Автор должен ответить рецензенту по всем пунктам рецензии. После такой доработки редколлегия принимает решение о публикации статьи. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Рукописи авторам не возвращаются. Статья, задержанная на срок более трёх месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку рукописей. Корректур статей авторам не высылаются.

2. Рукопись подаётся в одном экземпляре, напечатанном с одной стороны листа бумаги формата А4 (экземпляр подписывается авторами). Объём рукописи, как правило, не должен превышать диапазона 4–8 страниц, включая рисунки, таблицы, список литературы. Страницы рукописи должны быть последовательно пронумерованы. Параллельно с предоставлением рукописи на адреса редколлегии (terkulov@rambler.ru, levi121@mail.ru) высылается во вложении полный текст статьи (в формате WORD или RTF, Office 97-2010) (название файла «(Фамилия автора)_статья», например, «Петров_статья»). В случае невозможности передачи в редколлегию рукописи на электронную почту редакции высылается во вложении полный текст статьи в формате pdf.

ВНИМАНИЕ! ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ:

1. **Основной текст статьи** — шрифт Times New Roman, размер 12 пт., с выравниванием по ширине;

2. **Резюме, список литературы, таблицы, подрисуночные подписи, информация об авторах** — шрифт Times New Roman, размер 10 пт.

3. **Поля зеркальные:** верхнее — 20 мм, нижнее — 25 мм, слева — 30 мм, справа — 20 мм. Междустрочный интервал — одинарный.

4. Абзацный отступ — 1 см.

5. Текст набирается **без** автоматической расстановки переносов (выравнивание по ширине);

6. В тексте допускаются выделения курсивом, жирным шрифтом, разрядкой (**но не подчёркиванием**). Для выделения примеров в тексте используется только курсив, например: Слово *прилагательное* – субстантивированное прилагательное. При необходимости выделения примеров в пределах набранного курсивом предложения, а также для акцентирования внимания на какие-то из примеров – полужирный курсив: *Я памятник себе **воздвиг** *нерукотворный**; слова категории состояния: *хорошо, **можно**, пора*;

7. Для названий произведений используются «угловые» кавычки: «Война и мир»;

8. Цитирование, прямая речь и т.д. оформляются угловыми кавычками вида «...»; при необходимости использовать кавычки внутри цитаты, внешними должны быть «угловые» кавычки: «... "..."»;

9. Необходимо правильно употреблять тире (–) и дефис (-); различие заключается в размере и наличии пробелов перед и после тире: Жуковский – поэт-романтик; первый знак пунктуационный, второй орфографический;

10. Для обозначения страничных, временных и других интервалов используется не отделённое пробелами от смежных знаков тире: с. 24–26;

11. Если стихотворные тексты печатаются как включение в текст, то стихи разделяются наклонной чертой, а строфы – двумя наклонными чертами:

Ты этого хотел. – Так. – Аллилуйя. / Я руку, бьющую меня, целую. // В грудь, оттолкнувшую – к груди тяну, / Чтоб, удивясь, прослушал тишину. (М. Цветаева. Пригвождена...);

12. Если стихи воспроизводятся с соблюдением строфического оформления, то необходимо использовать следующие параметры: размер шрифта – 12, межстрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 4 см.:

*В нем пунша и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель.
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
И всюду он гусар.*

(А. Пушкин. К портрету Каверина);

13. Неразрывный пробел (Ctrl+Shift+пробел) обязательно используется:

а. между инициалами и фамилией (между инициалами имени и отчества пробел не используется): В.И. Супрун, Супрун В.И., В. Супрун, Супрун В.

б. после знака «с.» (страница) перед номером страницы (страничным интервалом): в тексте статьи – с. 212, с. 212–218; в библиографическом описании – С. 212–218;

в. после указания на количество страниц в библиографическом описании: 418 с.;

г. в сочетаниях и т.д., и т.п.

3. Текст рукописи должен быть построен по следующей схеме:

– Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа и без выделения).

– **НАЗВАНИЕ** статьи — полужирный, по центру (прописными буквами без переноса слов);

– Через строчку: копирайт ©, год (точка после года не ставится) (полужирный), (три пробела), инициалы и фамилия (фамилии) автора (авторов): выравнивание по левому краю без абзацного отступа (полужирный курсив).

– На следующей строке: официальное название организации (курсив).

– Через строчку: аннотация на русском языке (10 кегль) объёмом до 500 печатных знаков (с пробелами), которая должна кратко отражать цели и задачи проведённого исследования, а также его основные результаты. **Ключевые слова:** (это словосочетание – курсивом) (3–5 слов).

Образец оформления начала статьи

УДК 811.161.1'373.611

ГЛАГОЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ПРЕДЛОГОМ ПОД СО ЗНАЧЕНИЕМ СРАВНИТЕЛЬНО-УПОДОБИТЕЛЬНЫМ

© 2016 А. В. Петров

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

В статье проанализированы глагольные конструкции с предлогом *под*, имеющим сравнительно-уподобительное значение. В глагольных конструкциях исследованы компоненты логической формулы сравнения, их состав и лексическая наполняемость: отнесённость к именам одушевлённым или неодушевлённым, именам нарицательным или собственным, конкретным или абстрактным, арте- или биофактам.

Ключевые слова: глаголы со значением подобия, глагольные конструкции с предлогом под, сравнительно-уподобительное значение предлога под, логическая формула сравнения.

Для создания отделяющих линий используется инструмент «Границы».

– Через строчку – текст статьи (12 кегль), который включает введение, основную часть и заключение.

Введение: постановка проблемы в общем виде и связь с важнейшими научными и практическими задачами, краткий анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешённых ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировка цели и задач статьи.

Основная часть: основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; как правило, содержит такие структурные элементы: постановка задачи, метод решения, анализ результатов.

Заключение: констатация решения поставленных во введении задач, перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (10 кегль без абзацного отступа). Перечень литературных источников (СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ) приводится общим списком в конце рукописи по алфавиту на языке оригинала в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Ссылка на источник даётся в квадратных скобках. Ссылки допускаются только на опубликованные работы. Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трёх–четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

В тексте работы **не допускаются** пристрастные и концевые сноски. Ссылка на источник в библиографии оформляется по модели [номер в списке литературы, запятая, с., страница]: [4, с. 23].

Словосочетание **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ** (Полужирный) выравнивается по левому краю:

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М.: Наука, 1990. – С. 5–33.
2. Белозерова Е.В. Текстовые реализации лингвокультурных концептов / Е.В. Белозерова // Профессиональная коммуникация: проблемы гуманитарных наук : [сб. науч. тр.]. – Волгоград : ВГСХА, 2005. – Вып. 1. Филология, лингвистика, лингводидактика. – С. 10–17.
3. Леонтьев А.А. Психолингвистические особенности языка СМИ [Электронный ресурс] / А.А. Леонтьев. – Режим доступа: [http : www.genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml](http://www.genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml) (дата обращения: 25.10.2014).

4. Магера Т.С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т.С. Магера. – Барнаул, 2005. – 18 с.

5. Методология исследований политического дискурса : [сб. научн. тр. / под ред. Васюткина Е.С.] – М.: Мысль, 2000. – 347 с.

– Далее приводится аннотация на английском языке (10 кегль), включающая:

- название статьи (полужирный шрифт – выравнивание по центру),
- через строку: инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив – выравнивание по ширине),
- через строку: аннотация, ключевые слова (словосочетание *Key words*: – полужирный курсив) – выравнивание по ширине.

VERBAL CONSTRUCTIONS WITH THE PREPOSITION 'UNDER' IN THE MEANING OF COMPARISON AND SIMILARITY

A.V. Petrov

The study deals with the constructions formed on the pattern «the verb with the meaning of similarity + preposition *under* with the meaning of comparison and similarity + the noun in the Accusative case». The components of the logical formula of comparison have been considered as well as their structure and lexical characteristics. The following lexical features have been revealed: their relatedness to animate or inanimate names, concrete or abstract names, generic names or proper names, artifacts or bio facts.

Key words: verbs with the meaning of similarity, verbal constructions with the preposition *under*, the preposition *under* in the meaning of comparison and similarity, a logical formula of comparison.

– После аннотации курсивом (10 кегль, выравнивание по левой стороне) делается запись: *Поступила в редакцию xx.xx.20xx г.*

– В конце статьи обязательно параллельно в таблице на русском и английском языках указываются (10 кегль, выравнивание по ширине, без абзацного отступа) следующие сведения об авторах (для каждого автора – отдельная строка):

- Фамилия, имя, отчество полностью (полужирный);
- Ученая степень и звание (без выделения).
- Полное название организации – места работы каждого автора, страна, город (без выделения).
- Должность (без выделения).
- Адрес электронной почты.

В конце каждой строки ставится точка.

Образец:

Петров Александр Владимирович. Доктор филологических наук, профессор. ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского». Заведующий кафедрой русского, славянского и общего языкознания факультета славянской филологии и журналистики. E-mail: liza_nada@mail.ru.	Petrov Alexandr Vladimirovich. Doctor of Philology, Professor. Taurida Academy of Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Head of Russian, Slavic and General Linguistics Department. E-mail: liza_nada@mail.ru.
---	---

4. Отдельным файлом подаётся анкета автора для индексирования и для авторской картотеки «Вестника» (название файла «(Фамилия автора)_сведения», например, «Петров_сведения»):

Для индексирования

	На русском языке	На английском языке
Фамилия, имя, отчество (полностью)		
Учёные степень и звание		

(если имеются)		
Должность		
Организация, в которой работал автор на момент выхода в свет (или написания) статьи		
Подразделение организации		
Город		
Страна		
Адрес организации		
e-mail		
SPIN-код каждого автора, зарегистрированного в РИНЦ (написан в регистрационной анкете автора на сайте www.elibrary.ru)		
Разделы рубрикатора ГРНТИ, отражающие тематическое направление публикации (www.grnti.ru)		
Название статьи		
Аннотация (до 300 печатных знаков)		
Ключевые слова (3–5 слов/словосочетаний)		

Для авторской картотеки

ФИО	
Учёная степень	
Звание	
Место работы	
Должность	
Электронная почта	
Мобильный телефон	

5. В отдельном файле и на отдельном листе подаются **фамилия и инициалы автора**, а также **название статьи на русском и английском языках**. При этом **фамилия и инициалы автора** набираются через неразрывный пробел и с разреженным межбуквенным интервалом (3 пт) (название файла «(Фамилия автора) для_оглавления», например, «Петров_для_оглавления»).

Образец

Петров А. В. Глагольные конструкции с предлогом «под» со значением сравнительно-уподобительным.

Petrov A. V. Verbal constructions with the preposition 'under' in the meaning of comparison and similarity

6. Аспиранты и соискатели вместе со статьёй подают рецензию научного руководителя.

7. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, а также за содержание и достоверность фактов, цитат, имён собственных и других сведений.

8. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

9. Контактная информация:

283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, 1 корпус, Филологический факультет (ауд. 451, 452).

Ответственный редактор: **Теркулов Вячеслав Исаевич**, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого национального университета (E-mail: terkulov@rambler.ru).

Ответственный секретарь: **Вильдгрубе Светлана Александровна**, канд. психол. наук, доцент кафедры психологии ДонНУ (E-mail: s.vildgrube@mail.ru).

Технический секретарь: **Коробова-Латынцева Виктория Сергеевна**, преподаватель кафедры русского языка ДонНУ (levi121@mail.ru).

Научное издание

Вестник Донецкого национального университета

Серия Д. Филология и психология

Научный журнал

2022. – № 3

На русском, украинском и английском языках

Технический редактор: В.С. Коробова-Латынцева

Подписано в печать 30.12.22
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Условн. печ. л. 11,78.
Тираж 100 экз. Заказ № _____

Издательство ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Тел.: (062) 302-92-27.
Свидетельство о внесении субъекта издательской деятельности
в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.